

Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики

Г. М. Ипполитов

**АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН:
ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ И
ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ
ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Том 1

**Методология исследования.
Советская историография проблемы**

Самара 2012

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612.8
И76

Рецензенты:

РЫБНИКОВ Вячеслав Викторович, доктор исторических наук, профессор, академик Академии военных наук, заслуженный работник высшей школы РФ (Московский университет МВД России);

ВОРОНОВ Виталий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, академик Академии военных наук (Военный университет Минобороны РФ);

ЕФРЕМОВ Валерий Яковлевич, доктор исторических наук, профессор (Вольский филиал Военной академии тыла и транспорта)

Ипполитов Г. М.

Антон Иванович Деникин: полководец и политик. Историография проблемы и характеристика источников ее исследования: в 2 т. Т. 1. Методология исследования. Советская историография проблемы. Самара : ПГУТИ, 2012. 294 с.

ISBN

В монографии представлено авторское видение процесса исследования исторической персоналии генерал-лейтенанта А. И. Деникина в качестве полководца и политика в отечественной и зарубежной исторической науке, а также охарактеризованы источники изучения его личности и судьбы. Монография выполнена в ключе проблемно-тематической историографии. Автор, с учетом плюралистического многоголосия, которое сегодня имеет место в отечественной исторической науке, уделил повышенное внимание вопросам теории, посвятив им по-целевому целую главу.

Книга рассчитана, главным образом, на специалистов.

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612.8

© Ипполитов Г. М., 2012 © ПГУТИ, 2012
ISBN

*К 140-летию со дня рождения
генерал-лейтенанта А. И. Деникина -
яркой, диалектически противоречивой,
трагической фигуре в истории нашего Отечества*

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН
(1872-1947)

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ	6
-------------------	---

ВВЕДЕНИЕ	12
----------------	----

Глава I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общие замечания. – Измерения методологии истории. – Методологический плюрализм и теоретико-методологические положения, взятые на вооружение. – Специфика проблемно-тематической историографии. – Методологические подходы, принципы и методы историографического анализа рассматриваемой проблемы и ее периодизация. – Характеристика историографических фактов и источников ... 29

Глава II. ОТЕЧЕСТВО В ОГНЕ, НО МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ. ПРЕДЫСТОРИЯ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. ДЕНИКИНА В ГОДЫ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920 гг.)

Условия развития предыстории истории изучения рассматриваемой проблемы. – «Красная» и «белая» историографии: факторы их развития. – Образ генерала Деникина в «красной» и «белой» историографиях периода безумия братоубийства 72

Глава III. КОГДА СВОБОДУ ТВОРЧЕСТВА СКОВАЛИ И БРОСИЛИ В ТЕМНИЦУ: ДЕНИКИНЩИНА В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1920-е – первая половина 1950-х гг.)

Это сладкое слово «свобода» и ее угасание: советская историческая наука в исследуемом периоде. – Деникин-

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

щина в историографических источниках, изданных в условиях относительной творческой свободы и ее исчезновения (1920-е – первая половина 1930-х гг.). – Культ личности И. В. Сталина и советская историческая наука. – Деникинщина в измерениях сталинской теоретико-методологической парадигмы (вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х гг.) 93

Глава IV. ЗИГЗАГИ ДЕНИКИНЩИНЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ПЕРИОДА ОТПЕПЕЛИ И ТАК НАЗЫВАЕМОГО ЗАСТОЯ (вторая половина 1950-х – первая половина 1980-х гг.)

Советская историческая наука в период оттепели: глоток свободы научного творчества. – Исследование деникинщины в системе теоретико-методологических координат периода хрущевской оттепели (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). – Частичная реанимации сталинских подходов в советской историографии и исследование деникинщины (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.) 157

Деникинщина в советской исторической науке: краткая библиография	221
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Моя деникиниана. Работы доктора исторических наук, профессора Г. М. Ипполитова, посвященные исследованию исторической персоналии Антона Ивановича Деникина	226
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Публикации эгоисточников, связанных со встречами доктора исторических наук, профессора Г. М. Ипполитова с дочерью генерала А. И. Деникина Мариной Грей	233
--	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	290
-------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ	292
--------------------------	-----

К ЧИТАТЕЛЯМ

Если не высказаны противоположные мнения, то не из чего выбирать наилучшие.

Геродот

Гордиться славою своих предков не только можно, но должно; не уважать оной есть постыдное малодушие.

А. С. Пушкин

История, так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества.

Ф. Энгельс

Исследование исторической персоналии генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина (1890–1947) – исследовательская страсть, взявшая меня в плен двадцать с небольшим лет назад. И вряд ли я получу свободу. Да и не хочу ее: ведь в том плену родилась моя деникиниана. Она приняла вид более чем сорока публикаций, различных по жанру, объему, научной значимости (см. прилож. 1)¹.

Естественно, в процессе многолетней работы был переработан огромный, поистине бесценный пласт «исследовательской руды» – огромное количество историографических и исторических источников, многие из которых отложились, в том числе, и в бездонных хранилищах отечественных архивов.

Возникла необходимость представить на суд научной общественности авторское видение процесса исследования

¹ Среди них ведущее место по праву занимают монографии (см.: *Ипполитов Г. М.* Военная, политическая и общественная деятельность Антона Ивановича Деникина в 1890–1947 гг. Моногр. Вольск, 1997. 331 с.; *Он же.* Кто Вы, генерал А. И. Деникин? Монограф. исследование политической, военной и общественной деятельности А. И. Деникина в 1890–1947 гг. Второе изд., перераб. Самара, 1999. 244 с.). Плюс к ним – кандидатская и докторская диссертации, посвященные военной и политической деятельности А. И. Деникина, защищенные в Военном университете Министерства обороны РФ (правопреемник Военно-политической академии им. В. И. Ленина и Гуманитарной академии Вооруженных сил – *Г. И.*), соответственно в 1995 и 2000 годах (см.: *Ипполитов Г. М.* Военная и политическая деятельность А. И. Деникина (1917 – апрель 1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Он же.* Военная и политическая деятельность А. И. Деникина (1890–1947 гг.) : дис. ... докт. ист. наук. 2000). Попробовал я свои силы и в жанре документально-художественного повествования (см.: *Ипполитов Г.* «Оставляю честное имя». Документально-художественное повествование о судьбе генерала Деникина: в 2 кн. Кн. первая. На просторах великой империи, в одночасье шагнувшей во мрак. Самара : Изд-во НТЦ, 2008. 579 с.; *Он же.* «Оставляю честное имя». Документально-художественное повествование о судьбе генерала Деникина: в 2 кн. Кн. вторая. Лихолетье русской смуты и горькая полынь чужбины. Самара : Изд-во НТЦ, 2008. 608 с.).

исторической персоналии А. И. Деникина в качестве полководца и политика в отечественной и зарубежной исторической науке, а также охарактеризовать источники изучения личности и судьбы боевого русского генерала.

В монографии, исходя из соображений элементарной научной этики, воздержусь от анализа своих трудов о Деникине. Для ясности замечу, что мои монографии о личности и судьбе боевого русского генерала, а также его биография получили положительную оценку научной общественности².

Особенно значимой для меня представляется оценка трудов, данная Мариной Антоновной Деникиной (1919–2005), дочерью белого вождя, проживавшей во Франции, в Версале. Она – женщина уникальной судьбы. Хотя и подданная Франции, но верная дочь России, сумевшая до конца дней своих сохранить преданность и любовь к Отечеству. А увезли ее родители из России в трагическом 1920 (!) году. Было ей тогда от роду всего лишь год с небольшим.

В письме от 6 октября 1998 г. дочь генерала Деникина сообщила мне, что прочитала монографию «Военная, политиче-

² См.: *Полторац С. Н.* Первый фундаментальный труд о А. И. Деникине. (Рец. на монографию Г. М. Ипполитова «Военная, политическая и общественная деятельность Антона Ивановича Деникина в 1890–1947 гг.» (Вольск, 1997) // *Клио. Журн. для ученых.* 1998. № 2(5). С. 303–305; *Он же.* О некоторых тенденциях в изучении истории гражданской войны в России и деятельности РККА в так называемый межвоенный период // Там же. 1999. № 2(8). С. 335–339; *Попейко А. А.* Прошлое всегда с нами. Размышления полковника в отставке о книге Георгия Ипполитова «Деникин» и не только... // *Армагеддон. Актуальные проблемы истории, философии, культурологии.* Кн. 10 (апр. – сент.). М., 2001. С. 128–135; *Голдин В. И.* Горький дым Отечества. Рец. (*Ипполитов Г. М.* Деникин. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Молодая гвардия, 2006. 665 с.); *Ипполитов Г. М.* «Красные орлы» против «рыцарей белой мечты»: духовная сеча. Моральный дух комбатантов в российской Гражданской войне (ноябрь 1917–1920 гг.): опыт компаративного анализа. Самара, 2005. 418 с.; *Ипполитов Г. М.* Странники неочарованные. Пути и судьбы русской эмиграции (1920–1940 гг.). СПб., 2006. 66 с. // *Вест. Поморского ун-та.* 2007. № 6.

ская и общественная деятельность Антона Ивановича Деникина в 1890–1947 гг.» «с огромным интересом и некоторой эмоцией». Она также отметила следующее: «Конечно, не могу согласиться со всеми Вашими выводами, но нашла в ней редкую объективность»³.

Такие оценки принадлежат не просто дочери бывшего вождя Белого движения в Гражданской войне на юге России, но еще и известной писательнице и историку, долгое время работавшей журналисткой на французском радио и телевидении, автору двадцати книг по истории России.

Разумеется, имелись и критические высказывания. Причем, иногда довольно резкие⁴.

Были и оценки моей деникинианы, которые иначе, как близкие к оскорбительным, и не назовешь. Например, случайно в Интернете обнаружил, как ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН доктор исторических наук, профессор О. В. Будницкий в интервью радиостанции «Эхо Москвы» от 2 февраля 2007 г. оценил мою книгу «Деникин» (на всякий случай, второй раз изданную в серии «Жизнь замечательных лю-

³ Эпистолярные размышления Марины Антоновны, адресованные мне в приватном порядке, в ранних трудах публиковались с ее письменного разрешения. После кончины Марины Антоновны предоставил ее письма в распоряжение главного редактора журнала для ученых «Клио» (Санкт-Петербург) доктора исторических наук, профессора, академика Российской академии естественных наук Сергея Николаевича Полторака для публикации. Благодаря ему эти письма приобрели статус опубликованного эгоисточника – эпистолярия (Письма Марины Грей, дочери генерала А. И. Деникина, профессору Г. М. Ипполитову «...С Россией и ее историей остаюсь тесно связана» // *Клио. Журн. для ученых.* 2008. № 1 (40). С. 20–25.). Их текст см.: прилож. 2 (в нем же размещена стенограмма моей беседы с Мариной Антоновной, состоявшейся летом 2004 г. во Франции, в Версале).

⁴ См., напр.: *Терещук А. В., Александров К. М.* О малоизвестных страницах истории Русского зарубежья. Отклик на статью Г. М. Ипполитова «Исторический феномен белой эмиграции». *Клио.* 2000. № 2(11) // *Клио.* 2001. № 2(14). С. 261–267; *Ушаков А. И.* Современная отечественная историография антибольшевистского движения в годы Гражданской войны в России. М., 2004.

дей» в 2006 г.) как «чудовищную биографию» крупной исторической личности⁵. Бог ему судья.

Не скрою, как любому ученому, мне присуща некая доля амбиции. Стараюсь не путать ее с позицией. Наверное, не всегда получается, в частности, в восприятии резких критических оценок в свой адрес, которые (разумеется, с моей точки зрения), не в полной мере объективны.

Аксиоматично, что научная критика - одно из необходимых условий развития исторической науки по восходящей. Она - не шоколад, а горькое лекарство, которое необходимо (сколько ни морщись) выпить, чтобы выздороветь. В положительных откликах на мои труды об исторической персоналии А. И. Деникине имелись и горькие пилюли, которые пил с благодарностью к тем, кто их мне преподнес от всей души, искренне. Хотя не стоит кокетничать: критику, по большому счету, никто особенно не обожает.

Тем не менее, заранее искренне признателен тем, кто, прочитав мою книгу, выскажет критические замечания по существу, ибо, как полагал академик Д. С. Лихачев - ум, честь и совесть отечественной интеллигенции, при жизни ставший классиком русской культуры XX в. - ученый не должен «оставаться пленником своих концепций»⁶.

Подобная мысль - прекрасный научный и нравственный ориентир в научном творчестве.

И последнее, но очень важное вводное замечание. Работая над монографией, в полной мере осознавал морально-нравственную ответственность историка за результаты иссле-

⁵ Электрон. ресурс. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/netak/49849/> – Загл. с экрана.

⁶ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 310.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

дования⁷. Старался помнить, что свобода научного творчества всегда должна гармонировать с академической ответственностью ученого.

Я не навязываю своих взглядов, в первую очередь аксиологических суждений, в качестве истин в последней инстанции. Хотя и готов их отстаивать на любом уровне в рамках научной дискуссии (но не полемики).

С уважением
доктор исторических наук,
профессор

Г. М. Ипполитов

Лето – осень 2012 года, г. Самара

⁷ Об этом очень хорошо сказал современный исследователь С. А. Ганус: *«Историк по своему профессиональному и гражданскому предназначению – это посредник между прошлым и современностью. <...> Роль медиатора между прошлым и будущим налагает на ученого колоссальную ответственность. Манипулирование фактами прошлого, осуществляемое в угоду реальной политике, формирует извращенное историческое сознание, избирательное видение истории. Опыт XX века показывает нам, что это чревато далеко идущими негативными последствиями и для науки и для общества, утратившего взвешенную оценку прошлого»* (Ганус С. А. Вопросы интеллигентоведения в изучении историографии Новой и Новейшей истории (на примере исторической мысли Германии XIX в.) // Интеллигенто-ведение: проблемы становления нового вузовского курса: Материалы межгосударств. заоч. научно-методической конф. Июнь 1999. Иваново, 2000. С. 40).

ВВЕДЕНИЕ

Работа историографа во многом напоминает работу землекопа. Отжитая, жизнь лежит перед историком как сложный ряд слоев, скрывающихся один за другим. Историография начинает свое изучение с верхнего и постепенно углубляется внутрь.

В. О. Ключевский

Монография – не статья. Тезисы любой монографии должны опираться уже не на первичный материал непроверенных источников, а на верифицированные выводы своих и чужих работ.

Л. Н. Гумилев

Правда истории – не спящая царевна, которую может разбудить поцелуй ученого-историка. До правды истории, до обоснованного, объективного изложения явлений и событий надо добратся, перелопачивая «тысячи тонн словесной руды», отбирая подлинные документы, убеждаясь в их добросовестности, сопоставляя и анализируя тексты. Это – трудная работа.

Ю. А. Поляков

Историческая персоналия генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина (1872–1947) получила в отечественной исторической науке (начиная с 1990-х годов) соответствующую научную разработку. Причем, *именно в современной историографии*. Дело в том, что в советской исторической науке наблюдается уникальный парадокс: обращаясь к образу вождя Белого дела, историки его ... не исследовали (!). Изучали (в контексте истории революции и Гражданской войны в России) *деникинщину*, ставшую родным, но нелюбимым дитем советской историографии.

По ходу изучения деникинщины, дитя со столь уничижительным именем получило расшифровку в виде чеканной дефиниции, разработанной в жесткой системе координат догматизированного марксизма в большевистском его измерении: *«Деникинщина – режим белогвардейской контрреволюционной диктатуры в 1918–1920 гг. на Северном Кавказе и Украине. Установлен ставленником Антанты генералом А. И. Деникиным. Ему принадлежала вся полнота военно-политической, административной и судебной власти. Политической опорой Деникина стал блок кадетов и октябристов, который поддерживали эсеры и другие контрреволюционные партии, военной – «Вооруженные Силы Юга России». После провала наступления Деникина на Москву деникинщина пала (март 1920) под ударами Красной Армии»⁸.*

Здесь много горькой правды, но не вся.

И хотя данная дефиниция, как стало ясно сегодня, – не больше, чем псевдонаучная политизированная категория, но советские историки растолковывали ее в более чем в 400 публика-

⁸ ВЭС. М., 1984. С. 228.

циях, различных по объему, жанру, научной значимости⁹. И эта горькая, но не вся правда о деникинщине, занимает в советских историографических источниках, проанализированных в интересах монографии, 98,5 %. Примерно 1 % в их числе приходится на работы, из которых можно почерпнуть отрывочные сведения о Деникине-контрреволюционере в революционном 1917 году. Главным образом, в связи с его участием в корниловском выступлении. Наконец, из 0,5 % проанализированных в интересах монографии советских историографических источников можно почерпнуть краткую информацию об общественной деятельности Деникина-белоземца. Относительно же Деникина образца до 1917 г. подсчеты провести трудно, так как налицо лишь отдельные небольшие отрывочные фрагменты, имеющие отношение к нему, главным образом, в литературе о Первой мировой войне.

Масштабность исторической личности боевого русского генерала породила уникальный феномен: его жизнь и судьба продолжает волновать в начале XXI в. не только историков-профессионалов, но и «смежников» из других сфер социокультурного знания. Имя Деникина также на устах политиков, публицистов, деятелей культуры, литературы, искусства, служителей религиозного культа. Наконец, о нем вспоминают (правда, как правило, в преддверии сессии) рядовые российские студенты¹⁰.

⁹ Подсчет проведен по общему и электронному каталогу РГБ. В число публикаций не включались авторефераты диссертаций и рукописи депонированных в различных учреждениях научных статей. Претензий на абсолютную полноту подсчетов не выдвигаю. – Г. И.

¹⁰ По моим, исключительно неполным подсчетам, в Интернете «гуляет» более 200 контрольных, курсовых, дипломных работ, рефератов, посвященных исторической личности генерал-лейтенанта А. И. Деникина (см., напр.: Антон Иванович Деникин. Работа студента группы 03-105 Иванюка Дмитрия [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.znaj.ru/html/2405.html> – Загл. с экрана).

Более того, ту большую ложь, витавшую вокруг имени Антона Ивановича в советской историографии, вроде бы в постсоветской период разоблачили. Однако образ вождя Белого движения снова оброс новыми легендами и полумифами, причем политизированными. Все закономерно: брак историографии с политикой – брак по расчету, который будет расторгаться очень трудно. Наверное, этим нелюбимым супругам придется коротать свой долгий век вечно... И неправильно полагать, что засилье политического ангажмента в исторической науке – родовой признак исключительно тоталитарных и авторитарных политических режимов. Подобное существует и в демократических странах (быть может, в несколько смягченных формах).

И если говорить об исследовании исторической личности генерала Деникина, то приходится констатировать, что свою долю политизации вносят здесь властные структуры. Свидетельство тому – жесткая полемика, развернувшаяся 14 июня 2006 г. в Государственной думе, по внесенному лидером фракции ЛДПР В. В. Жириновским проекту Федерального закона «О реабилитации участников Белого движения». В результате жесткой полемики, в ходе которой отдельные участники показали, по моей оценке, мягко выражаясь, поверхностные знания глубинной сущности исторического феномена Белого движения, личности и деятельности его вождей (в том числе и генерала Деникина), проект был отклонен.

Но текстологический анализ стенограммы заседания Госдумы¹, показывает: история Белого движения, а следовательно, и трактовка личности и деятельности Антона Ивановича Деникина представляет сегодня далеко не только сугубо академический интерес. Проблема размещена не только в пространстве для острых научных дискуссий. Она попала на поле политиче-

¹ Стенограмма вечернего заседания Государственной думы. 14 июня 2006 г.: [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2006/06/s14-06_v.htm – Загл. с экрана.

ской битвы. Печально, но факт: имя Деникина является сегодня и предметом политических спекуляций. Некоторые политиканствующие не прочь потрепать эпизоды из жизни боевого русского генерала, кто с пафосом и молитвенным трепетом, экзальтированным придыханием, а кто в формате обвинительного заключения «белым изуверам», произнесенного языком, которому мог бы позавидовать печально известный сталинский кровавый прокурор В. Я. Вышинский, но с единственной целью – наскрести сиюминутные своекорыстные политические дивиденды.

Приведу в данной связи такие рассуждения. 3 октября 2005 г. Антон Иванович и его супруга Ксения Васильевна упокоились в русской земле, в некрополе Донского монастыря, в Москве. Это действие стало логической точкой в кампании, тянувшейся с осени 2001 г. Под пение «Святой Боже...» несли гробы к месту упокоения в родной земле верных сынов России (вместе с прахом А. И. и К. В. Деникиных был перезахоронен и прах философа И. А. Ильина и его супруги – Г. И.). Почетный караул прошел торжественным маршем перед крестами на могилах, засыпанных цветами. Под «Прощание славянки» – марша, с которым уходило русское воинство на поля сражений Первой мировой войны, отдали последние воинские почести участнику Русско-японской войны и главнокомандующему армиями Западного и Юго-Западного фронтов Первой мировой войны, командующему и главнокомандующему Добровольческой армией, главнокомандующему Вооруженными силами Юга России в безумной братоубийственной Гражданской войне, полководцу, политику, писателю и гражданину генерал-лейтенанту Антону Ивановичу Деникину.

Красные листья кружили над новыми могилами, над собравшимися подле них людьми. А вечером на всех каналах ТВ о данном событии показали репортажи. Комментарии излагались вполне корректно, но не более. Только диктор НТВ показал «блестящие» знания отечественной истории, заявив, что генерал А. И. Деникин после «*провала наступления на Москву бежал из России*» (!?)

В данной кампании нашлось место тем, кто загребал политические и карьерные дивиденды. Загребли – и забыли. Вот и появились в «Аргументах и фактах» письма читателей: «*Над могилами Деникина, Каппеля и Ильина в Донском монастыре в Москве до сих пор стоят деревянные кресты, некоторые из них покосились, а крест над захоронением Ильина сильно обгорел. И никому до этого нет дела. А ведь перенос останков проводился с оглушительной помпой, на это потратили миллионы рублей. Я не понимаю, зачем надо было затевать всю эту историю, если теперь на них всем наплевать? И. Архипченко, Клин*»¹².

Обидно. Я тоже писал в свое время Н. Михалкову, одному из главных инициаторов описываемого мероприятия, о том, что на могильном кресте захоронения генерала Деникина неправильно указаны даты его жизни и смерти! Глас вопиющего в пустыне...

Что ж, кампанейщину – родимое пятно политического режима советской власти – видимо, долго еще не выведут с демократического лица России постсоветской. И вообще: на Руси испокон веку к благородному делу примазывались те, кто имел корыстные интересы.

Изложенное выше позволяет заключить: сегодня **актуален** историографический анализ проблемы разработки исторической персоналии Антона Ивановича Деникина в исторической науке.

Аксиоматично, что корректное, вдумчивое изучение имеющихся наработок предшественников – высший полет мысли в науке истории. Таковы правила игры для тех, кто служит музе Клио. Только ясный историографический анализ рассматриваемой проблемы дает ученым нить Ариадны. Именно при ее помощи ученые могут выйти из лабиринта фактов, суждений, оценок на дорогу обобщений, приближающих их к подлинной исторической правде. А он бывает настолько запутан, что лабиринт мифического царя Миноса – просто прогулка по Невскому проспекту.

Непреодолимая ценность добротного историографического анализа состоит в том, что он позволяет проследить развитие логики и уровень разработки исследуемой проблемы в исторической науке, в том числе выявить все важнейшие аспекты, основные тенденции, позитивные и негативные стороны в деятельности Антона Ивановича Деникина, а также определить перспективы дальнейшего исследования данной темы. При этом особенно подчеркнем то, что анализ основных тенденций эволюции историографии, имеющей отношение к жизни и судьбе генерала Деникина, позволяет выявлять слабо изученные или практически не исследованные вопросы, тем самым давая «целеуказание» дальнейшему развитию исторического познания. Подобная постановка решения проблемы, по мнению Г. Д. Алексеевой (а с ней я¹³ солидаризируюсь), позволяет выяснить то, что «можно использовать, от чего следует отказаться, на какие проблемы взглянуть с новых позиций, как использовать опыт прошлых лет»¹⁴.

Причем, историографический анализ рассматриваемой темы будет еще более качественным потому, что она имеет свою

¹³ В классических академических трудах «якать» не принято. Обращают ся, как правило, от третьего лица. Ничего не имею против такой академической традиции. Но она не совсем совершенна. Например, часто встречается речевая конструкция «мы считаем и др.». Так и хочется спросить, кто «мы»? «Мы, Николай Второй...царь...»? Уместно напомнить в данной связи и едкое замечание Марка Твена, который, как известно, обладал уникальным чувством юмора. Он как-то в кругу своих друзей изрек: «Называть себя в печати «мы» имеют право только монархи, редакторы и большие солитером» (цит. по: Улыбки на лекциях по истории / сост., ком., науч. и лит. обработка Н. А. Троицкого. М., 2006. С. 8). Но что поделаешь: академические каноны консервативны и директивны (особенно для несчастных аспирантов и докторантов). Тем не менее, оставляю за собой право иногда по тексту упо- треблять (в контексте вышеизложенного) местоимения «я», «мною», «мое» и т. д. По крайней мере, тем самым подчеркну еще более жестко ответственность за написанное мною. — Г. И.

¹⁴ Алексеева Г. Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика (60–80 годы XX века). М., 2003. С. 7.

историю истории изучения. Правда, относительно небогатую. Даже, не станет преувеличением сказать, бедную. Подобное обусловливается, в первую очередь, тем, что историческая персоналия Антона Ивановича Деникина проходила в советской историографии (в силу ее идеократических оков) по разряду «*nomina sunt odiosa*»¹⁵.

Между тем, в советской исторической науке уделялось повышенное внимание изучению истории изучения российской Гражданской войны. Только за первые 50 лет после установления советской власти в этой связи было опубликовано более 12 тыс. книг и статей¹⁶. И в данном контексте нашла опосредованное, крайне фрагментарное, схематичное и конспективное отражение историография, имеющая некоторое отношение к рассматриваемой теме.

Уже в 1920-х годах появились отдельные рецензии на мемуары деятелей Белого движения¹⁷. Так, жестко отреагировала официальная критика на знаменитые деникинские «Очерки Русской Смуты». М. Н. Покровский оценил их как «*историю генералов*». Рецензент отмечал, что для истории генеральского миро-

¹⁵ *Nomina sunt odiosa* (лат.) буквально – «имена ненавистны», не будем называть имен.

¹⁶ Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 13). А далее произошло резкое наращивание усилий тем пов. К началу XXI в. количество только книг, по подсчетам В. И. Голдина, одно го из крупных современных специалистов по истории и историографии революции и российской Гражданской войны, очевидно, превысило уже 30 тысяч. Число же статей измеряется не одной сотней тысяч (см.: Голдин В. И. В поисках современной концептуализации Гражданской войны в России // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд сквозь десятилетия: сб. материалов науч. конф. / сост. и отв. ред. Г. М. Ипполитов, О. А. Тарабрина. Самара, 2009. С. 5).

¹⁷ Ольминский М. Рец. на книгу К. Н. Соколова «Правление генерала Деникина (из воспоминаний)» // П Р. 1921. № 3; Лелевич Г. В. Шульгин. 1920 год. Очерки. М., 1922 // Там же. 1922. № 6; Покровский М. Н. Мемуары царя Ан- дрона // ПиР. 1922. Кн. 2(5); Он же. На том берегу (Рец. на книгу Деникина А. И. «Очерки русской смуты» Т. 2) // ПиР. 1923. Кн. 2; Щеголяев П. Е. Генерал Деникин как историк русской революции // Былое. 1922. № 18. С. 211–219 и др.

созерцания, генеральской политики, генеральского отношения к русской революции вообще - это «незаменимый источник». Не постеснялся ученый употребить и ярлыки типа «буржуазные каллифы на час». Кроме того, допустил беспардонное передергивание фактов, классифицировав генерала Л. Г. Корнилова как союзника «настоящего, подлинного наймита немцев казацкого атамана генерала Краснова», что, конечно же, не соответствует исторической правде.

Между тем, Покровский сделал, как мне представляется, и оригинальный вывод, классифицировав «Очерки» как «основной источник для истории военной контрреволюции»¹⁸.

История истории изучения не исторической персоналии генерала Деникина, а деникинщины, отразилась и в некоторых историографических статьях¹⁹, монографиях²⁰ и защищенных диссертациях²¹.

Отдельно отметим в данной связи монографию И. Л. Шермана²². Она является для своего времени уникальной. По формальным признакам эта научная работа представляет собой локальное историографическое исследование проблемы изуче-

¹⁸ Покровский М. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1, 2. Крушение власти и армии. Б/г // Печать и революция : кн. вторая (пятая). М., 1922. С. 21, 23, 30.

¹⁹ Найда С. Ф., Алексашенко А. П. Историографическая конференция, посвященная борьбе с деникинщиной. [Воронежский у-нт., окт. 1963 г.] // ВИЖ. 1964. № 2; Алексашенко А. П. Советская историография разгрома деникинщины // Там же. 1968. № 1; Азулова Е. Е. В. И. Ленин о красновщине // Вопросы историографии и истории СССР. Воронеж, 1969; Историография Гражданской войны (1918–1920 гг.) : сб. ст. М., 1983.

²⁰ Наумов В. П. Летопись героической борьбы. Советская историография Гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М., 1972. Борьба Коммунистической партии против непролетарских партий, групп и течений (послеоктябрьский период) : историограф. очерки. Л., 1982; Поликарпов В. Д. Начальный этап Гражданской войны : история изучения. М., 1980.

²¹ Малиев Н. Д. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в национальных районах Северного Кавказа в освещении советской историографии (1918–1978 гг.) : автореф. дис. ... докт. ист. на ук. М., 1983.

²² См.: Шерман И. Л. Советская историография Гражданской войны в СССР (1920–1931). Харьков, 1964.

ния истории Гражданской войны в советской исторической науке в 1920–1931 гг. Однако многие выводы ученого по глубине обобщений явно выходят за рамки локальной тематики. Автор анализирует историографию 1920-х гг. как особый этап в изучении истории Гражданской войны и показывает, как освещалась данная проблема в работах общего характера. Причем, анализу подвергается огромный пласт литературы, посвященный Гражданской войне именно на Юге России. В монографии имеются фрагменты (хотя и небольшие) об историографии истории изучения деникинщины.

Разумеется, в небольших фрагментах работ, указанных выше, когда упоминается историческая персоналия Деникина, опосредованная через псевдонаучную категорию «деникинщина», идеологизация и политизация советской исторической науки проявляется особенно рельефно. Наглядная иллюстрация тому – диссертационное сочинение С. К. Хмелевского, выполненное с обвинительным уклоном, несущее внутри текста некорректные ярлыки. Только ярлык «недобитый дениконец» исследователь употребил в диссертации, по моим подсчетам, 9 (!) раз²³.

Особенно следует подчеркнуть появление защищенных диссертаций²⁴. Есть оригинальный материал в докторской диссертации В. П. Наумова, где анализируется литература о борьбе с деникинщиной и обобщенно освещаются некоторые рабо-

²³ Хмелевский С. К. Гражданская война на Юге России в освещении со временной англо-американской историографии : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1977.

²⁴ См.: Парусимов Я. П. Проблемы интервенции и Гражданской войны в СССР в современных исторических журналах (1956–1971) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; Жарковский Н. П. Историография Гражданской войны в СССР: по материалам сов. воен. журн. 20-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1971; Алешина В. А. Участие зарубежных интернационалистов в борьбе за власть Советов на Украине, 1917–1920 гг. (Историография пробл.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1981; Малиев Н. Д. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в национальных районах Северного Кавказа в освещении советской историографии (1918–1978 гг.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1983.

ты, имеющие отношение к проблемам южнороссийского Белого движения. Разумеется, все оценки выдержаны в духе априорных схем, свойственных периоду ресталинизации советской исторической науки²⁵. Но все-таки сюжеты, имеющие отношение к историографии истории изучения деникинщины, здесь довольно лапидарные.

В то же время, в период хрущевской оттепели были сделаны робкие начальные шаги по привлечению внимания ученых к изучению непосредственно проблем лагеря контрреволюции в годы Гражданской войны. Данная тенденция нашла выражение в тезисе Г. Голикова, который был опубликован в его статье на страницах журнала «Коммунист»²⁶. Историки должны изучать противников революции и представлять их *«реально, а не абстрактно»*²⁷. Поэтому перед учеными ставилась задача изучения лагеря контрреволюции в целях *«более четкого определения соотношения сил и средств противоборствующих сторон»*²⁸.

Однако во второй половине 1960 - первой половине 1980-х гг. данная положительная тенденция сошла на нет: из историографии изучения истории Гражданской войны фактически выпал такой аспект, как историография Белого движения. В лучшем случае, историографы ограничиваются лишь фрагментарными суждениями, выдержанными исключительно в ключе жесткой критики *«антинародных белых правительств»* и их политики. Так, в работе И. Б. Берхина имеются тезисы, дающие некоторые представления о генезисе и эволюции взглядов В. И. Ленина на Белое движение в годы Гражданской войны. Разумеется, мы

²⁵ См.: Наумов В. П. Советская историография империалистической интервенции и Гражданской войны в СССР : дис. ... докт. ист. наук. М., 1971.

²⁶ Публикациям в данном журнале, главном научно-теоретическом издании ЦК КПСС, придавался, как правило, директивный характер. – Г. И.

²⁷ Голиков Г. Об изучении Октябрьской революции // Коммунист. 1960. № 10. С. 90.

²⁸ Цит. по: Поликарпов В. Д. Пролог Гражданской войны в России. М., 1976. С. 323.

увидим здесь обличительный стиль изложения материала, имеющего отношение к Белому движению (ясно, что по-другому и быть не могло)²⁹. Есть небольшие фрагменты, да и то опосредованного плана, по историографии Белого движения и в специальной коллективной работе, изданной в 1983 г.³⁰

В то же время, на данном фоне выделяется историографическое исследование В. Д. Поликарпова «Начальный этап Гражданской войны: история изучения», увидевшее свет в 1980 г. Здесь налицо определенные новаторские историографические сюжеты³¹. Особое внимание автор уделяет анализу литературы 1920-х годов. А в отдельной главе предпринимается попытка сделать (разумеется, пока совсем неполный) анализ эмигрантских (Головин, Деникин, Зайцов, Мельгунов) и зарубежных (Фут-мэн, Петибридж, Лакетт, Кенез, Брэдли) публикаций. Ученый пишет, что издание подобной литературы за рубежом – свидетельство того, что примерно с начала 1970-х гг. история Гражданской войны в России и первых шагов советской власти *«...стала разрабатываться за рубежом интенсивнее, чем за все прежние десятилетия»*³².

Не станет преувеличением сказать, что в историографическом исследовании В. Д. Поликарпова современный историк может прочесть между строк то, что неординарный ученый попытался закамouflировать традиционной риторикой, подразумевавшейся брежневской методологической парадигмой. Между тем, фрагменты, имеющие отношение к изучению истории изучения деникинщины, здесь представлены относительно кратко.

Необходимо подчеркнуть то, что, начиная со второй половины 1980-х годов, история истории изучения исторической пер-

²⁹ См.: Берхин И. Б. Вопросы истории периода Гражданской войны (1918–1920 гг.) в сочинениях В. И. Ленина. М., 1981.

³⁰ См.: Историография гражданской войны и империалистической интервенции. М., 1983.

³¹ См.: Поликарпов В. Д. Начальный этап Гражданской войны: история изучения. М., 1980.

³² Там же. С. 356.

соналии Антона Ивановича Деникина в отечественной исторической науке получила (по сравнению с советской историографией) определенное приращение. Как в количественном, так и в качественном отношении. Задающим генератором здесь стало следующее обстоятельство: история распорядилась так, что во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х годов в нашем государстве произошла смена цивилизационной парадигмы³³. Отечественная историческая наука в то время была насыщена неоднозначными, требующими сегодня серьезного осмысления, процессами³⁴.

³³ Думается, что в данной связи станут нелишними такие рассуждения: точку отсчета в процессе смены цивилизационной парадигмы в нашей стране найти сегодня затруднительно (точно так же, как и хронологические рамки данного процесса). Налицо разночтения. Одни исследователи считают, что смена цивилизационной парадигмы началась в стране с начала 1990-х гг. (см., напр.: *Кужилин С. Ф.* Деятельность государственных органов и общественных организаций по военно-патриотическому воспитанию допризывной и призывной молодежи во второй половине 1950-х – 2000 гг.: историогр. проблемы: монография. Самара, 2006. С. 8; *Фоменцов В. В.* Деятельность органов советской власти по укреплению воинской дисциплины в Красной армии (1918–1920 гг.): дис. ...канд. ист. наук. Вольск, 2006. С. 183); другие ученые заключают процесс, указанный выше, в следующие хронологические рамки: вторая половина 1980-х – первая половина 1990-х годов (см., напр.: *Ефремов В. Я.* Деятельность властных структур по укреплению морального духа Вооруженных сил Советского государства (1918–1991 гг.): историогр. исслед. Самара, 2007. С. 54–55). Я солидаризируюсь в данной связи с последним мнением. Ясно, что в первом мнении просматривается стремление историков привязать точку отсчета в процессе смены цивилизационной парадигмы к знаковому событию в истории государства Российского – распад СССР и формирование новой российской государственности. Думается, что для этого есть весомые основания. Однако, по моему суждению, жесткая привязка к распаду СССР все-таки не совсем уместна. Глубинные системные изменения в экономической, политической, социальной, духовной сферах функционирования советского социума начались примерно со второй половины 1980-х годов. Данный процесс получил название «перестройка»: реформы М. С. Горбачева, носившие паллиативный характер. В период со второй половины 1980-х – половины 1990-х годов можно наглядно наблюдать действие закона диалектики – переход количественных изменений в качественные (см.: *Ипполитов Г.* Летопись братоубийства. Очерки советской историографии Гражданской войны на Юге России. Второе изд., испр. и доп. Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. С. 7.)

³⁴ Ниже я поделюсь в данной связи некоторыми соображениями. – Г. И.

Одна из сфер, где данные процессы происходили интенсивно и до предела противоречиво (в хронологических рамках, означенных выше), являлась историография российской Гражданской войны. Именно в ее рамках и появилось то определенное приращение в историографии истории изучения исторической персоналии Антона Ивановича Деникина, упомянутое выше. Оно было связано с историографическим осмыслением исторического феномена, который в то время начал интенсивно исследоваться³⁵.

Но, если вести речь применительно к рассматриваемой теме, то следует констатировать, что мы имеем дело все-таки с фрагментами. Правда, относительно новыми (по сравнению с советской историографией), но все же с фрагментами. По мере же становления и утверждения новых подходов в российской исторической науке, в историографии истории изучения исторической

³⁵ *Поляков Ю. А.* Наше непредсказуемое прошлое: полемические заметки. М., 1996; *Ушаков А. И., Федюк В. П.* Гражданская война. Новое прочтение старых проблем // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.

³⁶ *Ушаков А. И.* История Гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения. М., 1993; *Он же.* Современная отечественная историография антибольшевистского движения в годы Гражданской войны в России. М., 2004; *Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю.* Белое движение: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998; *Полторак С. Н.* Основные тенденции изучения истории гражданской войны в России // Граждан. войны. Полит. кризисы. Внутренние конфликты: история и современность: материалы Всерос. науч.-метод. конф., 17–18 дек. 1998 г., г. Омск. Омск, 1998; *Он же.* О некоторых тенденциях изучения гражданской войны в России и деятельности РККА в так называемый межвоенный период // Клио. 1999. № 2; *Голдин В. И.* Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 80-х – 90-е годы). Архангельск, 2000; *Он же.* Революционный пролог и Гражданская война в России на историографическом рубеже конца XIX – начала XX века // Проблемы новейшей истории России. СПб., 2005; *Он же.* Среди «замазанных фигур». Белое движение: перспективы исследования // Родина. 2008. № 3. Белое дело. Спецвыпуск; *Он же.* В поисках современной концептуализации Гражданской войны // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд сквозь десятилетия: сб. материалов науч. конф. Самара, 2009; *Гришанин П. И., Зимина В. Д.* «Падения» и «взлеты» Белого движения в отечественной историографии. Пятигорск, 2008; *Гришанин П. И.* Современная отечественная историография Белого движения: традиции и инновации. Пятигорск, 2009.

Г. М. Ипполитов

персоналии Деникина такие фрагменты становились все более насыщенными, оригинальными (особенно в работах В. И. Голдина, С. Н. Полторака)³⁶. Думается, что к историографическим работам можно присоединить (в контексте вышеизложенного) и публикации, а также и защищенные диссертации, в которых анализируется главный труд жизни генерала Деникина – пятитомная эпопея «Очерки Русской Смуты»³⁷.

Вместе с тем, нет оснований утверждать, что рассматриваемая тема получила комплексную историографическую разработку.

Относительно зарубежной историографии истории изучения исторической персоналии Антона Ивановича Деникина приходится констатировать следующее: несмотря на повышенное внимание исследователей к личности и судьбе боевого русского генерала, занесенного ураганом истории на чужбину, они не ставили цель провести комплексный историографический анализ литературы, имеющий отношение к столь неординарной исторической фигуре. В то же время, нельзя не отметить (в контексте истории изучения рассматриваемой темы), что в зарубежной историографии имелись рецензии на деникинские «Очерки Русской Смуты»³⁸.

Таким образом, даже столь лапидарный историографический обзор, приведенный выше, дает основания для следующего заключения: история истории изучения исторической персона-

³⁷ Поляков Ю. А. Предисловие // Деникин А. И. *Очерки Русской Смуты*. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. Репринт. воспроизв. М., 1991; Панов Д. Н. «Очерки русской смуты» А. И. Деникина в общественно-политической борьбе 20-х – начала 30-х гг. XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2003; Ходаков И. М. «Очерки русской смуты» А. И. Деникина как источник по истории Гражданской войны на Юге России : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

³⁸ Василевский И. М. Генерал А. И. Деникин и его мемуары. Берлин, 1924; Мельгунов С. П. *Очерки генерала Деникина // На чужой стороне*. Т. V. Берлин-Прага, 1924.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

лии генерала Деникина нуждается в комплексном историографическом исследовании.

Объект исследования — отечественная и зарубежная историография истории армии императорской России, революции и Гражданской войны, белой эмиграции, которая понимается как процесс формирования всей совокупности исторических представлений о данных исторических феноменах, их различных аспектах, сторонах и взаимосвязях, содержащихся в работах, увидевших свет в период с 1918 – до 2012 года.

Предмет исследования – относительно самостоятельный, в рамках историографии истории армии императорской России, революции и Гражданской войны, белой эмиграции, историографический комплекс, в котором сосредоточены выходившие, начиная с 1918 г. и до настоящего времени работы, освещающие некоторые аспекты личности и деятельности генерала Деникина в период его службы в армии императорской России, в годы революции и Гражданской войны, а также и в белой эмиграции (1890–1947 гг.). Анализируются сложившиеся отечественная и зарубежная исследовательские историографические традиции изучения данной проблемы, взгляды отечественных и зарубежных историков. Исследуется процесс накопления и приращения исторических знаний, глубины научной разработанности исторической персоналии Деникина в отечественной и зарубежной исторической науке.

Учитывая историографические наработки предшественников по теме и опираясь на них, я поставил следующую цель исследования: проанализировать процесс формирования научных знаний по некоторым аспектам исследования исторической персоналии генерала Деникина, объем и качественное состояние отечественной и зарубежной историографии, ее основные тенденции.

Хронологические рамки исследования определены с учетом актуальности проблемы и в соответствии с замыслом монографии.

Г. М. Ипполитов

Хронологические рамки анализируемых историографических и исторических источников ограничены периодом революции и Гражданской войны в России, а также временем существования белой эмиграции (1917 – до окончания Второй мировой войны).

Хронологические рамки самой монографии охватывают период с 1918 до 2012 г. Столь большой временной интервал (более 90 лет) позволяет наиболее полно проследить развитие историографии проблемы.

* * * Этот труд – один из итогов длительного (по меркам человеческого бытия) научного осмысления и переосмысления личности и судьбы Антона Ивановича Деникина. Разумеется, я не предъявляю претензий к тому, чтобы монографию посчитали последней точкой в анализируемой проблеме...

Глава I

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общие замечания. – Измерения методологии истории. – Методологический плюрализм и теоретико-методологические положения, взятые на вооружение. – Специфика проблемно-тематической историографии. – Методологические подходы, принципы и методы историографического анализа рассматриваемой проблемы и ее периодизация. – Характеристика историографических фактов и историографических источников.

На высокую башню можно подняться лишь по винтовой лестнице.

Фрэнсис Бэкон

Научная проблема [ти] ка, что порядочная дама: чем скромнее и почтительнее пойдешь к ней, тем скорее она позволит понять себя.

В. О. Ключевский

Для доказательства необходимо брать не отдельные факты, а совокупность фактов, относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения.

В. И. Ленин

П

прекрасно осознаю, что теоретико-методологические аспекты – та сфера, где исследователь априори обрекает себя на огонь критики. Причем, по ученому часто стреляют из стволов тяжелой артиллерии крупного калибра. А ответить на убийственный огонь порою трудно. Ведь теория и методология истории – такая область научных знаний, где нет до сих пор устоявшихся дефиниций, четко обозначенных законов (подобно, например, философскому закону диалектического синтеза). Тем не менее, невозможно создать серьезный научный труд, не определившись с его теоретико-методологической базой. Это представляется особенно значимым в той связи, что сегодня поиск новых моделей и подходов к изучению истории исторической науки происходит, *во-первых*, на уровне теоретико-методологическом (определение структуры и задач историографии, методов исследований и т. п.) и, *во-вторых*, на уровне исследований конкретных историографических проблем. При этом представляется принципиальным в свете вышеизложенного сформулировать такой тезис установочного характера: в начале десятих годов XXI века можно констатировать, что кризис отечественной науки, кульминация которого пришлась на первую половину 1990-х годов³⁹, в основном преодолен⁴⁰.

³⁹ См., напр.: Гуревич А. О. О кризисе современной исторической науки // ВИ. 1991. № 2–3. С. 21–36; Данилов В. Л. Современная российская историография: в чем выход из кризиса // НиНИ. 1993. № 6. С. 95–101; Корнеев В. В. Кризис исторической науки в России // Кентавр. 1994. № 4; Могильницкий Б. Г. Понятие кризиса исторической науки // Исторический ежегодник. Спец. вып. Омск, 2001. С. 11–16 и др.

⁴⁰ См., напр.: Сахаров А. Н. О новых подходах к истории России // ВИ. 2002. № 8. С. 3–20; Искандеров А. Два взгляда на историю // Там же. 2005. № 4. С. 3–32; Ипполитов Г. М. О новых подходах к освещению советского периода российской истории (на примере Гражданской войны в России) // Изв. Самарского науч. центра Рос. акад. наук. 2011. Т. 13. № 3(41) и др.

В методологии отечественной исторической науки утвердилось плюралистическое многоголосие⁴¹.

И это накладывает повышенную ответственность на ученого-историка, тем более, когда он замыслил выполнение историографического исследования. Вот почему ниже анализу теоретико-методологических оснований рассматриваемой проблемы уделяется столь много места. Таково и веление времени, и личное исследовательское кредо.

Не побоюсь упреков в банальности и начну освещение проблемы, указанной выше, с такого утверждения: история во всех ее проявлениях всегда волновала и не перестанет волновать человечество. И это закономерно. Как заметил известный специалист по теории и истории исторической науки, германский ученый Й. Рюзен, *«история, – гораздо больше, чем только само исследование прошлого, это существенный фактор культурной жизни в целом, поскольку человечество нуждается в ориентации во времени, которую мы реализуем, вспоминая прошлое»⁴²*. И эта «ориентация во времени, которую мы реализуем, вспоминая прошлое» в начале XXI века проходит в обстановке, когда наука истории выходит на качественно новый уровень ее познания. Причем, налицо не только глубокие перемены и принципиально новые тенденции в динамике, но и, что представляется принципиальным особенно подчеркнуть, в аналитическом осмыслении. Подобные перемены

⁴¹ См., напр.: Историки в поиске новых смыслов. Казань, 2003; Междисциплинарный синтез в истории и социальной теории: теория, историография и практика конкретных исследований. М., 2004; Лукьянов Д. В. Теоретические и методологические аспекты современной историографической ситуации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://liber.rsuh.ru>. – Загл. с экрана и др.

⁴² Rosen J. Histori. Narration – Interpretation – Orientation. New York – Oxford, 2005. P. 1.

Г. М. Ипполитов

по-разному, порой альтернативно, воспринимаются и оцениваются учеными, практиками, однако являются общепризнанными. И такие изменения затрагивают сущностные аспекты научных отраслей истории.

Во-первых, обновляются содержание, формы и методы проведения исследований, подходы и принципы их организации, интерпретации результатов исторических и историографических изысканий. Становится качественно иным характер взаимосвязи самой исторической науки с другими отраслями и областями знаний. Все чаще ученые стараются избежать крайностей и односторонности.

Во-вторых, сегодня в корпусе отечественных историков сложился некоторый консенсус по ряду принципиальных моментов: понимание того, что историографический процесс многомерен и выражается, прежде всего, в наличии многообразных факторов внутреннего развития исторической науки, процессуальная сторона которого не задается условиями жестких систем теоретико-методологических координат; потребность необходимости применения новых, нетрадиционных для советской исторической науки методов историографического анализа и историко-софского синтеза с целью более глубокого восприятия и понимания природы исторического.

В-третьих, появилась тенденция представления исторического знания в своем внутреннем становлении в качестве единого процесса: развитие исторической мысли – с одной стороны; желание обращаться к историческому прошлому с особой системой вопросов и получать в результате отличную от традиционной картину рассмотрения исторического процесса – с другой.

В-четвертых, достигнуто определенное согласие по ряду принципиальных позиций относительно признания незавершенности процесса познания, что дает возможность рассматривать

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

историографическое исследование в условиях методологического плюрализма⁴³.

Разумеется, все это происходит на фоне жесткой борьбы старого и нового.

Полно прослеживая развитие логики и уровень разработки исторической персоналии Деникина, я рассматриваю методологию истории⁴⁴ в двух основных измерениях: *во-первых*, как тео-

⁴³ Данные тезисы сформулированы на основе анализа ряда работ: материалы «Круглого стола» «История в сослагательном наклонении?» // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000; *Аксенова Е. П.* История: закономерное развитие или хаос альтернатив? (Методологические заметки). М., 2000; XX век: Методологические проблемы исторического познания: сб. обзоров и рефератов: в 2 ч. М., 2001; *Сахаров А. Н.* О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. № 8; *Искендеров А.* Два взгляда на историю. Методологические и историографические вопросы исторической науки: сб. Томск, 2001. № 26; *Ипполитов Г. М.* Объективность исторических исследований. Достижима ли она? Дискуссионные заметки // Изв. Самарского науч. центра Рос. акад. наук. 2006. Т. 8. № 3 (июль – сент.); *Он же.* Объект, предмет, субъект исторического познания: непростая диалектика // Там же. 2007. Т. 9 (20); *Он же.* Формационный подход к познанию истории: исчерпан ли его исследовательский потенциал? // Там же. 2009. Т. 11. № 6 (32); *Он же.* К вопросу о синергетическом подходе в исторических и историографических исследованиях // Там же. 2010. Т. 12. № 2 (34); *Он же.* Из опыта преподавания методологии истории в Самарском государственном педагогическом университете // НиНИ. 2007. № 5; № 2 (апр. – июнь); *Вазюлин В.* Логика истории. Вопросы теории и методологии. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2005; *Репина Л. П.* Историческое сознание и историописание // «Цепь времен»: пробл. ист. сознания (памяти проф. М. А. Барга) / ред. *Л. П. Репиной*. М., 2005. С. 3–11; *Лукьянов Д. В.* Теоретические и методологические аспекты современной историографической ситуации; *Он же.* Образы интеллектуализма в современном историческом процессе [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://liber.rsuh.ru>. – Загл. с экрана; *Шикло А. Е.* Современные проблемы изучения истории исторической науки [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://history.krsu.edu>. – Загл. с экрана; *Бочаров А. В.* Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002.

⁴⁴ В современной исторической науке под *теорией истории* подразумевают, как правило, область общих представлений об истории в целом (общая историческая теория) или о тех или иных процессах и явлениях (например, норманнская теория). В любом случае теория истории – высший, самый развитый уровень исторического познания, а не уровень конкретно-исторических представлений о событиях. В теории речь идет об общих проблемах изуче-

рию исторического познания; *во-вторых*, как систему принципов, методов и понятий исторического познания. Кроме того, нельзя не отметить, что методология в исторической науке играет роль системы мировоззренческих выводов, своего рода доктринально-го взгляда на исторический процесс в целом. Но я никоим образом не склонен абсолютизировать, а тем более догматизировать третье (сегодня далеко не основное) измерение⁴⁵. На вооружение взяты следующие теоретико-методологические положения:

1. Приоритет рационализма в процессе историко-научного и, в том числе, историографического познания⁴⁶.

2. Осторожное, взвешенное отношение к постмодернистским концептуальным построениям в сфере теории, методологии и истории исторической науки, так как для постмодернистского понимания и осуществления историко-научного познания харак-

ния истории как реальности (онтология) и истории как познания (гносеология, эпистемология). *Методология истории* – дисциплина, раздел исторической науки о методах познания. *Метод* – средство исторического исследования. С помощью методов историк получает новое знание или уточняет существующие представления о событиях. Таков изначальный смысл понятия «методология», который оно приобрело в практике исторического исследования в первой половине XIX в. Этот термин был впервые использован в трудах немецких историков для обозначения учения о методах (Methodenlehre) и как название учебной дисциплины. В настоящее время понятие «методология» используется не только в изначальном смысле, но и для обозначения теоретических основ исторического познания в целом, всей его проблематики (см.: *Могильницкий Б. Г.* О содержании понятия «методология истории» // *Методологические и историографические вопросы исторической науки* : сб. Томск, 1976. № 11; *Семенов Ю. И.* Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996; *Историческая наука и историческое сознание. Введение.* Томск, 2000; *Румянцева М. Ф.* Теория истории : учеб. пособие. М., 2002; *Зверева В. В., Парамонова М. Ю., Репина Л. П.* История исторического знания : пособие для вузов. М., 2004; *Смоленский Н. И.* Теория и методология истории : учеб. пособие. М., 2007; *Мазур Л. Н.* Методы исторического исследования : учеб. пособие. 2-е изд. Екатеринбург, 2010; и др.).

⁴⁵ Если поступить по-другому, то в условиях сегодняшнего плюралистического многоголосия в методологии истории, это был бы нонсенс. – Г. И.

⁴⁶ См., напр.: ХХ век : методологические проблемы исторического познания / отв. ред. А. Л. Ястребицкая. Ч. 1–2. М., 2001–2002; *Историк на пути к открытому обществу* : материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. В. П. Корзун. Омск, 2002.

терно разочарование в глобальных историко-теоретических построениях. Выглядит дискуссионным в постмодернистских концепциях, по моему суждению, излишняя концентрация внимания на выражении недоверия к метарассказу, то есть недоверие к тому целостному историческому знанию, которое предлагают историки⁴⁷. Разумеется, я не скатываюсь в оценках состояния постмодерна в историографии на позиции огульного нигилизма. В конце концов, он имеет место в зарубежной исторической науке; есть у него последователи сегодня и в российской историографии⁴⁸.

⁴⁷ См.: *Фукуяма Ф.* Конец истории? // ВФ. 1990. № 3. С. 134–155; *Жигоунин В. Д.* Современные тенденции в историографии (к вопросу о постмодернизме) // Итоговая науч. конф. Казанского гос. ун-та за 1997 год [Электрон. репозитив]. – Режим доступа: <http://www.ksu.ru>. – Загл. с экрана; *Кравцов В. Н.* Российская историография постмодернизма // Россия в новое время: единство и многообразие исторического развития : материалы рос. межвуз. науч. конф. М., 2000. С. 229–232; *Анкерсмит Ф. Р.* Историография и постмодернизм // Со временные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 12–24; 32–36; *Мягков Г. П.* Современная дискуссия о постмодернизме и проблема преемственности позитивистских идей в отечественной историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки : сб. Томск, 1999. № 5; *Репина Л. П.* Теоретические основания исторического знания по сле «постмодерна» // Там же. 2007. № 28; *Бессмертный Ю. Л.* Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и макроистории // Одиссей. 1996. С. 5–19; и др.). У постмодернистов в их исторических представлениях, по меткой характеристике Г. Померанца, «го сподствует незнание и нежелание знать, куда движется человеческое общество» (*Померанц Г.* Авангардизм, модернизм, постмодернизм // *Опыты: лит.-худож., науч.-образов. журн.* 2000. № 3. С. 113). Одновременно отрицается роль эмоционального и субъективно-личностного в познании, что в исторической науке явно неприемлемо.

⁴⁸ Думается, к примеру, что можно найти рациональное зерно в настроенном отношении постмодернистов к эмоциональному и субъективно-личностному аспектам процесса познания. В целом, как мне представляется, в оценочных суждениях относительно состояния постмодерна в современной историографии можно исходить из оригинального тезиса философа русского зарубежья В. В. Зеньковского: «В истории, как и в природе, если и бывают «скачки» и перерывы, то они не отменяют прошлого, – и чем резче и сильнее эти скачки, тем яснее вырисовывается позже возврат к прошлому, восстановление целостного исторического потока» (*Зеньковский В. В.* Истоки русской философии. Париж, 1950. Т. 2. С. 269).

3. Признание закономерности и необходимости перехода от эмпирического уровня в познании исторического и историко-познавательного процесса к теоретическому уровню его понимания и объяснения⁴⁹.

При этом всемерно учтена *специфика проблемно-тематической историографии*, в ключе которой и выполнена монография. У проблемно-тематической историографии, как известно, очерчен свой круг вопросов. Тем более, сегодня, в новых исторических реалиях, она освободилась от идеологической функции, облаченной в цензурные шоры. Речь идет о том, что в современной России властные структуры не делают историографу, работающему в сфере проблемно-тематической историографии, социального заказа – проверять исторические исследования на предмет их «идеологической выдержанности», «верности курсу какой-либо политической партии» и т. д. Проблемно-тематическая историография призвана, в первую очередь, исследовать структурно-динамические характеристики исторического отображения того или иного круга явлений, реконструировать процесс складывания системы представлений о рассматриваемых событиях и явлениях в исторической науке. Для проблемно-тематической историографии наибольший интерес представляют дисциплинарная, институционализируемая история, феноменология процесса историописания и его предметно-содержательные результаты⁵⁰.

Полагаю, что в условиях упоминавшегося выше сегодняшнего плюралистического многоголосия в методологии истории стало неписанным законом: выбор подходов к познанию исто-

⁴⁹ См., напр.: Историческая наука на рубеже веков : материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. Б. Г. Могильницкий. Томск, 1999.

⁵⁰ См., напр.: Камынин В. Д. «Проблемная историография» в 1990-е – первые годы XXI века: исследовательский опыт и перспективы развития // Историк в меняющемся пространстве российской культуры : сб. ст. Челябинск, 2006; Ушаков А. И. Современная отечественная историография антибольшевистского движения в годы Гражданской войны в России. М., 2004.

рии – неотчуждаемое право исследователя. Поэтому мною отобраны те методологические подходы⁵¹, которые позволяют наиболее полно раскрыть рассматриваемую тему. Все они станут применяться комплексно, без приоритетов в пользу отдельных из них.

Диалектический и диалектико-материалистический подходы. В научном исследовании он подразумевает, в первую очередь, использование объективно обусловленных, научно разработанных, практически проверенных и наиболее эффективных в конкретных условиях диалектических принципов исследования: взаимоотношений общего и особенного, качества и количества, целого и части, принципов комплексности, системности, развития и пр. **Диалектический подход тесно связан с диалектико-материалистическим подходом**, так как в рамках последнего подхода развитие познания, в том числе и научного, понимается как объективный процесс, развивающийся в форме субъективной познавательной деятельности исследователей. Определяющими факторами развития процесса познания выступают внутренние и внешние противоречия, а сам процесс в целом – по-

⁵¹ Подходы и методы к познанию истории, сами по себе, представляют (в общенаучном смысле) сложные теоретико-методологические феномены. Хотя в первом приближении они относительно похожи. Но только в первом приближении. Подход – более широкое понятие. О новом подходе можно говорить только тогда, когда объявлены или обоснованы его принципиальные отличия от иного подхода хотя бы в одном из трех эпистемических пространств: 1. В парадигме (онтологические картины, схемы и описания объектов). 2. В синтагме (способы и методы доказательства, аргументации, языки описания, объяснения и понимания). 3. В прагматике (цели, ценности, задачи, предписания, разрешенные и запрещенные формы употребления элементов синтагмы и парадигмы). Обычно к анализу категории «подход» обращаются в особые периоды развития той или иной деятельности, когда фиксируются принципиальные изменения или возникают неразрешимые наличными средствами проблемы. Именно такие периоды в развитии науки и научной деятельности Т. Кун, судя по текстологическому анализу его фундаментального труда, назвал научными революциями (см.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.)

следовательность качественно различных ступеней восхождения от простого знания к сложному, от менее полного к более полному знанию, от низшего знания к высшему, в том числе и в ходе историко-научного познания⁵². Все это позволяет составить четкие представления о том, как формировался корпус историографических источников, имеющих отношение к исторической персоналии генерала Деникина, и как противоречия социально-политической, экономической и духовной жизни социума повлияли на их сущностную и содержательную стороны.

Развитый системный подход. В него входят представления о целостности объектов мира, соотношении целого и частей, взаимодействии системы со средой как об одном из условий ее существования, иерархической структурированности каждого объекта⁵³. Поэтому фундаментальным постулатом теоретико-методологических оснований монографии стало представление о системном характере объекта и предмета исследования. Они в любом историографическом исследовании отличаются сложностью, а предмет исследования – еще и многоаспектностью.

⁵² Более подробно см., напр.: *Алексеев П. В., Панин А. В.* Теория познания и диалектика. М., 1991; *Келле В. Ж., Ковальзон М. И.* Теория и история проблемы исторического процесса. М., 1987; Поппер К. Что такое диалектика? // ВФ. 1995. № 1. С. 118–138; *Вильчек В.* Прощание с Марксом. Алгоритмы истории. М., 1993; и др.

⁵³ «Систематика, присущая науке, – конечно, настоящей, подлинной науке, – есть не наше изобретение; она кроется в самих вещах, и мы просто ее открываем», – писал известный философ Э. Гуссерль (*Гуссерль Э.* Логические исследования // Философия как строгая наука / пер. с нем. Ново черкасск, 1994. С. 188.) Подобную позицию можно, естественно, и не принимать, но, в конечном итоге, с ней трудно не согласиться. Не случайно, развитый системный подход получает все большее распространение в гуманитарных науках. Более подробно см., напр.: *Ракитов А. И.* Историческое познание: системно-гносеологический подход. М., 1982; *Каган М. С.* Системный подход и гуманитарное знание : избр. ст. СПб, 1991; *Блаумберг И. В.* Проблема целостности и системный подход. М., 1997; *Методологический поиск в современной исторической науке* // НиНИ. 1996. № 3. С. 75–90; *Рубеж веков: проблемы методологии и историографии ист. исслед.* Тюмень, 1999 и др.

Его применение позволит выстроить иерархию аспектов истории изучения исторической персоналии Деникина, установить внутренние связи между ними, определить наиболее значимые из них.

Компаративистский подход. Является аспектом общенаучного сравнительно-исторического метода, который появился тогда, когда уже накопилось определенное количество знаний, а также в связи с тем, что перед учеными встала проблема многообразия изучаемых явлений⁵⁴. Компаративистский подход позволяет выявить сходство и различие в интерпретациях процессов накопления и приращения исторических знаний по рассматриваемой проблеме. При его помощи можно установить различные факторы, определяющие данные процессы и нашедшие отражение в историографических источниках. Применение компаративистского подхода позволило найти черты тождества, сходства и различия исследуемых историографических источников, степень влияния на них политической конъюнктуры. Он позволяет также установить место и роль разнообразных явлений социально-политической жизни, находившихся друг от друга на временном и пространственном отдалении, но оказавших влияние на историографию исследуемой проблемы.

Формационный и цивилизационный подходы. Это те подходы, вокруг которых, начиная примерно со второй половины 1980-х годов, образовалось мощное дискуссионное поле. Дискуссия развернулась в работах, где тема поднимается в прямой по-

⁵⁴ Уместно в данной связи вспомнить о замечании Ф. Энгельса. Он писал, что после накопления эмпирического материала «стало возможным – и в то же время необходимым – применение сравнительного метода» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 353). Развитию данного тезиса марксизма в советской исторической науке уделялось соответствующее внимание (см., напр.: *Иванов В. В.* К вопросу о содержании и развитии сравнительно-исторического метода // *Методологические и историографические вопросы исторической науки* : сб. Томск, 1967. № 5; *Могильницкий Б. Г.* Карл Маркс и историческая наука // Там же. 1972. № 7–8).

становке⁵⁵ или в контексте анализа крупных проблем теории и методологии истории⁵⁶. Формационный подход в монографии используется, в первую очередь, при определении степени отражения в историографических источниках роли Советского государства в Гражданской войне на Юге России в решении возникающих проблем. Цивилизационный подход в монографии выразил-

⁵⁵ См., напр.: *Барз М. А.* Цивилизационный подход к истории. Дань конъюнктуре или требование науки // *Коммунист*. 1991. № 3. С. 27–35; *Он же*. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования // *История СССР*. 1991. № 5. С. 70–86; *Маркин В. В.* Цивилизационный и формационный подходы к анализу исторического процесса [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://aeli.altai.ru>. – Загл. с экрана; *Плетников Ю. К.* Формационная и цивилизационная триады К. Маркса // сб. материалов научн. конф. к 180-летию со дня рождения К. Маркса [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://mmj.ru/history>. – Загл. с экрана; *Семенов Ю. И.* Марксова теория общественно-экономических формаций и современность [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.scepsis.ru/library/id_120.html. – Загл. с экрана; *Ипполитов Г. М.* Цивилизационный подход к познанию истории: плюсы и минусы (дискуссионные суждения) // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук* : сб. материалов Четвертой Междунар. заоч. научно-практ. конф. / под ред. *М. М. Горбунова*. Ч. 1. Актуальные проблемы отечественной истории и историографии. Саратов – Вольск, 2010 и др.).

⁵⁶ См., напр.: *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и «школа «Анналов»». М., 1993; *Методологические проблемы исторического познания*: в 2 ч. М., 2001; *Ипполитов Г. М.* Из опыта преподавания методологии истории в Самарском государственном педагогическом университете // *НиНИ*. 2007. № 5. С. 80–89 и др.). Причем, здесь наметилась тенденция противопоставления формационного и цивилизационного подходов. Подобное противопоставление происходит в формате «или – или». Думается, что здесь методологическая крайность. Надо полагать, что каждый из рассматриваемых подходов необходим и важен, но недостаточен сам по себе. Методологию формационного подхода рано отвергать (более подробно см., напр.: *Ипполитов Г. М.* Формационный подход к познанию истории: исчерпан ли его исследовательский потенциал? // *Изв. Самарского науч. центра Рос. акад. наук*. 2009. Т. 11. № 6(32). С. 231–240). Задача состоит как в ее модернизации, так и в сопряжении с цивилизационным подходом. И не случайно, сегодня имеются взвешенные оценки как положительных, так и отрицательных сторон формационного и цивилизационного подходов к изучению истории. Ученые заговорили о необходимости их синтеза (См., напр.: *Прокопенко С. А.* О возможности синтеза формационного и цивилизационного подходов [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://mmj.ru>. – Загл. с экрана).

ся, прежде всего, в том, что при анализе историографических источников обеспечивалось целостное восприятие действительности, в них отраженной.

Синергетический подход. Имеется в виду признание одной из исходных посылок анализа материала, такого положения концепции самоорганизации или синергетики, как нелинейность эволюции научного знания, которая может быть развернута посредством идеи инвариантности, альтернативности выбора развития научного процесса⁵⁷. Значимость подобного подхода усиливается тем, что современная историография обращает внимание на расширение историографического поля исследования, включающего многообразие теоретических подходов, методов, приемов изучения исторических знаний, и различные исторические концепции, и широкий круг.

Историко-ситуационный подход подразумевает рассмотрение явлений и процессов в контексте соответствующей исторической ситуации. В исследовании истории изучения исторической персоналии генерала Деникина значимость историко-ситуационного подхода усиливается в той связи, что представляется необходимым иметь четкие представления о том, в каких условиях создавались те или иные историографические источники.

Историко-ретроспективный подход раскрывает смысл явлений и значение прошлого с определенной исторической дистанции, когда уже в той или иной мере обнаружались исторические результаты соответствующей деятельности в прошлом. Это, естественно, позволяет лучше понять их объективную значи-

⁵⁷ Более подробно см., напр.: *Гомаюнов С. А.* От истории синергетики к синергетике истории // *ОНС*. 1994. № 2. С. 94–103; *Сапронов М. В.* Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения // Там же. 2002. № 4. С. 41–46; *Ипполитов Г. М.* К вопросу о синергетическом подходе в исторических и историографических исследованиях // *Изв. Самарского науч. центра Рос. акад. наук*. 2010. Т. 12. № 2 (34). С. 207–217 и др.

мость и дать им более глубокую оценку. Для исследуемой темы данный подход важен тем, что историография сама по себе дистанционная наука. Историограф, имея в запасе некоторый временной интервал, способен получить большую и разнообразную информацию об условиях появления историографического факта или историографического источника, степени влияния на него идеологических наслоений и политической конъюнктуры, нежели его предшественник. Следовательно, появляется одно из необходимых (но не совсем достаточных) условий для качественной оценки историографических наработок предшественников.

Классовый подход к оценке событий и явлений. Он, как известно, – родовой признак марксистско-ленинской методологии исторических и историографических исследований и предполагает изучение исторических событий и процессов, историографических фактов и историографических источников с позиции определенного класса (пролетариата)⁵⁸. Однако на современном этапе приращения исторических знаний классовый подход, без-

⁵⁸ К. Маркс (по словам В. И. Ленина), полагал, что необходимо «*вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, доказать переходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролетариату, для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией*» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 340–341) (более подробно см., напр.: Ро-зин Э. Ленинская мифология государства. М., 1996). Под данный тезис была подведена соответствующая научная основа (см., напр.: Кедров Б. М. В. И. Ленин и методологические вопросы исторической науки. М., 1969; Гры-лев А. О некоторых вопросах методологии военно-исторического исследования; Маслов Н. А. Марксистско-ленинские методы историко-партийного исследования. М., 1983 и др.). Выглядит закономерным, что политические лидеры и идеологи правившей в нашей стране с ноября 1917 по 1992 г. коммунистической партии не только узаконили классовый подход в исторической науке, но и возвели его в абсолют (см., напр.: О мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам: Всесоюз. совещ., 18–21 дек. 1962 г. М., 1964; Обсуждение вопросов методологии истории на расширенных заседаниях секции общественных наук президиума АН СССР 3 и 6 января 1964 года // ВИ. 1964. № 5. С. 3–34; Пономарев Б. Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории // Избр. речи и ст. М., 1977. С. 168–183).

условно, потерял ту значимость, что придавалась ему в советской исторической науке. Его использование вне связи с другими принципами в историографическом познании видится недостаточным, так как помимо классовых подходов присутствуют общечеловеческие подходы, учитывать которые историографу необходимо. В то же время, неправильно полагать, что можно достичь исторической истины, если встать на путь искусственной изоляции историографической науки от современной социально-политической борьбы. Историография, как наука, не может развиваться абстрактно вне исторического пространства и времени. Она находится в органическом единстве с социально-политической ситуацией, имеющей место в стране в тот или иной период ее истории.

Необходимо подчеркнуть, что современное научное знание – нелинейная система, состоящая из большого числа элементов. Особенность их заключается в том, что они не являются однородными, что еще больше усложняет науку как систему. Поэтому в научном исследовании, кроме **методологических подходов**, важное место отводится и **методологическим принципам**⁵⁹. Их значимость в конкретном случае усиливается тем, что предмет исследования монографии отличается многоаспектно-стью. Следовательно, не исключаются и плюрализм, и субъективизм в трактовке тех или иных аспектов предмета исследования. Здесь-то и нужны принципы в качестве методологических ориентиров⁶⁰.

⁵⁹ Общеизвестно, что принцип, с философской точки зрения, представляет собой основание некоторой совокупности фактов или знаний, исходный пункт объяснения или руководства к действиям (см.: Энциклопедия социологии. М., 2003. С. 374).

⁶⁰ Данное обстоятельство подчеркивается в современных исследованиях (см., напр.: Аникеев А. А. Принципы и методы классической историографии [Электронный ресурс.] – Режим доступа: <http://www.history.perm.ru/modules/smartsection/item.php?itemid=28>. – Загл. с экрана; Ипполитов Г. М. О некоторых аспектах методологии историографического исследования // Вест. Самарского гос. пед. ун-та. Ист. фак-т. Вып. 3 «Актуальные проблемы истории, археологии и педагогики». Самара, 2007; и др.

Монография выполнена при помощи такого общенаучного принципа, как **объективность** в изучении явлений, процессов, связей и отношений⁶¹. Это важнейший принцип историографии, так как при его соблюдении строго учитывается вся совокупность условий развития как исторической науки в целом, так и отдельных ее явлений и событий через призму внутренне присущих им качеств, существующих объективно. При этом следует иметь в виду, что становление истории исторической науки сопровождается острой концептуальной борьбой, в ходе которой довольно часто бескомпромиссное стремление к научной истине подменялось чисто субъективной трактовкой событий, а то и целых эпох истории. Наиболее характерно это для историков, возводящих принцип так называемой партийности и классовый подход в методологический абсолютизм, когда подобный анализ исключал рассмотрение историографии с общечеловеческих позиций.

Руководствуясь принципом объективности, под которым подразумевается, *во-первых*, рассмотрение историографических и исторических источников по теме во всем многообразии, без каких-либо заранее заданных оценочных суждений и конъюнктурных соображений; *во-вторых*, поиск истины и следование ей, не подчиняясь конъюнктурным соображениям и произвольно не идеологизируя и не политизируя историческую науку, отдавая приоритет гуманистическим ценностям, общечеловеческим интересам, но при безусловном учете национальных, классовых

⁶¹ Небезынтересно то, что в советской исторической науке этот принцип находился в поле зрения теоретического осмысления (см., напр.: *Могильницкий Б. Г.* Объективность и партийность в историческом исследовании // Методологические и историографические вопросы исторической науки : сб. Томск, 1964. № 2; *Он же.* Объективность исторического познания и современность // Там же. 1967. № 5; и др.). Интересует принцип объективности и современных исследователей (см., напр.: *Коломийцев В. Ф.* Методология истории. М., 2001; *Сидорова Л. А.* Советская историография. Синтез трех поколений. М., 2008; и др.).

и прочих аспектов видения исследуемой проблемы⁶², я также старался придерживаться следующих дополнительных методологических ориентиров:

1. Исключение авторских претензий на исчерпывающую полноту анализа и на оценку полученных результатов как абсолютной истины. Ведь результаты анализа историографических источников могут быть неодинаковыми у разных исследователей, поскольку каждый из них руководствуется собственным общим видением ситуации, а, следовательно, и своими критериями оценки работ предшественников.

⁶² Подобная позиция уже высказалась мной в научной периодике (см.: *Ипполитов Г. М.* Объективность исторических исследований. Достижима ли она?) И вообще, объективность – самый сложный принцип. Почему? Да потому, что субъективное восприятие реальности и ирреальности – вот подарок и одновременно наказание, данное нам Всевышним. «*Sine ira studio*» («Без гнева и пристрастия» – лат.) – так призывал писать историю Тацит. Увы, он сам и нарушил прекрасный принцип. Не стоит доказывать доказанное: **абсолютно беспристрастных историков не бывает**. Разве только на кладбище. Однако это не снимает ответственности с ученого. Исследователь может принять любую точку зрения, но присваивать ее, например, объекту изучения, вряд ли оправданно. Как бы предвидя такой оборот, еще великий Гегель отмечал недопустимость и «*важность выявления того, что содержится в скрытом виде*». Но предостерегал «*не искать в древних философских учениях более того, что мы вправе там находить*»; «*не приписывать выводов и утверждений, которых они (философы древности – Г. И.) сами не делали*» (Гегель. Соч. Т. 7. 1932. С. IX, 43–46). Другими словами, никто не имеет права запретить художнику сказать: я это вижу именно так и никак иначе! Но общество вправе спросить с художника: 1. Почему именно так, а никак иначе? 2. Доказана ли позиция? 3. Нет ли в ней чего-нибудь от лукавого? Поэтому максимально приблизиться к научной объективности, наступив на горло собственным пристрастиям, симпатиям, антипатиям — дело совести, чести и профессионализма ученых. И если упомянутый выше постулат древних римлян «*Sine ira studio*», по большому счету, все-таки утопия, то другой их принцип – «*Salvo honore*» («Без вреда для чести» – лат.) – вполне приемлем для современных исследователей, так как им сопутствует новая социально-политическая и духовная обстановка, сложившаяся в нашем Отечестве в начале XXI века. А одна из ее характерных черт следующая: несмотря на все трудности как объективного, так и субъективного характера, новые подходы к изучению пройденного страной пути утверждаются все прочнее. В их ядре твердо займут первое место стремление к беспристрастности в изложении исторических фактов, первозданность информации из источников, **не сенсационные, а вызывающие доверие архивные материалы**. – Г. И.

2. Обеспечение уважительного отношения к предшественникам, что отнюдь не сводится исключительно к комплиментарным оценкам их работ. Важно вычленив из них те работы, результаты которых позволяют ставить новые проблемы и задачи в науке или содержат методы, необходимые в решении уже сформулированных, но не решенных в науке задач и проблем. Нельзя замалчивать результаты, полученные тем или иным автором. Но как нельзя и приписывать предшественнику результаты, им не полученные, или особенности, не присущие его работе. В противном случае, мы получим искажение фактов и произвольные выводы.

3. Выделение тенденций в анализе изучаемых проблем и, соответственно, поиск инвариантов в оценке историками тех или иных явлений и процессов. Учет при этом влияния на развитие исторической науки идеологии и политики.

4. Конкретность анализа историографических источников.

5. Осторожность в таком оценочном суждении, как «тенденциозность», по отношению к исследуемым историографическим источникам. Известно, что тенденциозность – избирательность, односторонность, последовательное проведение определенных идей, тенденций; пристрастность или предвзятость, необъективность и пр. Но вряд ли правомочно ставить знак тождества между внутренним содержанием таких понятий, как «тенденциозность» и «ложь», «противоположность истине», так как выбор фактов определяется парадигмой, явно или неявно исповедуемой исследователем⁶³.

⁶³ Уместно в данной связи напомнить оригинальный взгляд К. Поппера: «Все научные описания фактов в значительной степени избирательны, ... они всегда зависят от соответствующих теорий. Эту ситуацию лучше всего можно описать, сравнивая науку с прожектором... Что высветит прожектор – зависит от его расположения, от того, куда мы его направляем, от его яркости, цвета и т. д., хотя то, что мы увидим, в значительной степени зависит и от вещей, которые он освещает. Аналогично, научное описание существенно зависит от нашей точки зрения, наших интересов, связанных, как правило, с теорией или гипотезой, которые мы хотим проверить. Но оно также зависит и от описываемых фактов. Все сказанное в высшей степени верно и в случае исторического описания с его «неисчерпаемым предметом исследования», как охарактеризовал его А. Шопенгауэр» (Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 300–301).

Но если историк стоит на точке зрения истины, как познавательной высшей ценности, он будет стремиться описывать факты объективным образом, не допуская их преднамеренного искажения и умышленного сокрытия тех из них, которые противоречат принятой им концепции. Не станет большим преувеличением считать любое исследование тенденциозным в том смысле, что оно дает свой ракурс изображения действительности, неизбежно односторонний, как всякий взгляд. Невозможность охватить все характеристики объектов делает истину неизбежно неполной, частичной, относительной, то есть – тенденциозной. Отсюда следует, что тенденциозность как таковая – не порок. Упрек в тенденциозности при работе с корпусом историографических источников в интересах историографического анализа может стать справедливым лишь тогда, когда критик будет в состоянии указать на ложные или хотя бы неточные высказывания в анализируемом исследовании, на несоответствие обсуждаемого труда требованиям науки. Иначе его обвинения лишены гносеологических оснований.

6. Установление при анализе историографических источников степени обладания их авторами необходимой исходной информацией для анализа. Ведь в каждой конкретной ситуации есть обязательный минимум данных, не располагая которыми, анализ ситуации проводить в принципе нельзя, ибо он будет ошибочным.

7. Выяснение отсутствия подмены действительных исторических фактов уже интерпретированными фактами. В случае такой замены совершенно необоснованно накладываются запреты на другие возможные объяснения исторических фактов, что объективно снижает степень доверия к заявленным результатам. Выводы, основанные не на действительных фактах, а на их интерпретациях, ненадежны и несостоятельны.

8. Недопустимость при анализе историографических источников выдвигания в качестве определяющего фактора каких-либо исторических событий, которые лучше изучены.

При этом следует отдельно заметить, что, в целом, принцип объективности не может заблокировать индивидуальность исследователя, его личностное начало, к примеру, в оценке историографических фактов и источников. Подобное положение вполне сопрягается с тем методологическим плюрализмом, о котором шла речь выше.

Другой важнейший принцип выполнения монографии – принцип **историзма**. Под ним понимается исследование процесса развития исторических знаний как в хронологической последовательности, так и в их концептуальном единстве⁶⁴. Историзм позволяет в историографических исследованиях оценивать историографические источники и факты в движении и взаимосвязи, с момента их появления и вплоть до современности. Причем, принцип историзма достаточно четко просматривается в проблемно-тематической историографии, где ставятся вопросы о времени и обстоятельствах возникновения той или иной исторической проблемы, выясняется ее связь с проблемами исторической науки в целом. Историзм обеспечивается, прежде всего, *во-первых*, анализом каждого историографического факта и историографического источника в его развитии, взаимосвязи, взаимообусловленности; *во-вторых*, постижением истории разработки исследуемой темы в единстве прошлого, настоящего и будущего-

⁶⁴ Более подробно см., напр.: *Иванов В. В.* О ленинском понимании принципа историзма // Методологические и историографические вопросы исторической науки : сб. Томск, 1966. № 4; *Гульбин Г. К.* Проблемы историзма в исторической периодике США (1970–80-е гг.) // Там же. 1992. № 2; *Хмылев П. Н.* О целостной концепции историзма // Методологические и историографические вопросы исторической науки : сб. Томск, 1990. № 19; *Сарбей В. Г.* Принцип историзма в историографических исследованиях // *Историогр.* сб. Вып. 13. Саратов, 2001. С. 3–17; *Любичанковский В. А., Любичанковский С. В.* Принцип объективности в историографическом анализе // CREDO NEW. Теоретический журнал [Электронный ресурс.] – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/396/29/> – Загл. с экрана; *Аникеев А. А.* Принципы и методы классической историографии [Электронный ресурс.] – Режим доступа: <http://www.history.perm.ru>. – Загл. с экрана и др.

го; *в-третьих*, рассмотрением всех историографических источников как с точки зрения их накопления и систематизации, так и с точки зрения оценки и интерпретации.

Необходимо подчеркнуть то, что именно для историографического исследования при применении принципа историзма особую значимость приобретают следующие, вытекающие из его сути конкретные требования: *рассмотрение событий и явлений на основе соблюдения временной последовательности, преемственности, смены периодов и этапов ее развития; анализ каждого историографического факта в процессе возникновения, становления и развития; исследование событий исторической науки в тесной связи с конкретными историческими условиями их появления.* В целом, принцип историзма позволяет изучать развитие исторических знаний по рассматриваемой проблеме как в хронологическом плане, так и в диалектическом единстве. При этом следует помнить всегда то, что отношение к принципу историзма⁶⁵ и его понимание были и остаются различными⁶⁶.

Однако представляется важным констатировать, что при всем плюралистическом многоголосии сегодня принцип историзма все же опирается на такую концепцию исторического процесса, в которой закономерность, необходимость неотрывна от вариативности, от многообразия возможностей и случайностей. Поэтому необходимо изучение исторических событий и явлений во всей их полноте, взаимосвязи и взаимообусловленно-

⁶⁵ Напомню, что впервые понятие «историзм» было использовано немецкими историками в конце XIX в. – *Г. И.*

⁶⁶ См., напр.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. 2 изд. Т. 3; *Салов В. И.* Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977; *Бурдье П.* За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма '97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Ин-та социологии РАН. М., 1996. С. 9–29; *Popper K. R.* The poverty of historicism. L., 1960 и др.

сти, единстве прошлого и настоящего⁶⁷, конкретно-исторических условиях и реалиях общественного развития, активного взаимодействия объективных и субъективных факторов, привлечения для суммирования и анализа материала совокупности исторических и историографических источников⁶⁸.

⁶⁷ Конечно, настоящее не является ни продолжением прошлого, ни его абсолютным отрицанием, но всегда в той или иной мере между ними существует преемственность: прошлое готовит настоящее; преемственность – сходство, определенная повторяемость, различимая не только по конкретно-исторической форме событий, но и по их сути. – Г. И.

⁶⁸ Думается, что при всем неоднозначном отношении сегодня к ленинскому теоретическому наследию в проблеме историзма вполне приемлема позиция В. И. Ленина. Он считал, что надо рассматривать каждый вопрос с точки зрения того, как это явление возникло, какие этапы в своем развитии прошло, чем стало теперь (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 57; Т. 49. С. 329); не допустимо верхоглядство, необходимо знать все факты (Там же. Т. 52. С. 54). Полагаю, что даже самые ярые противники ленинизма, если они, конечно, не ослеплены политическим противостоянием, а порою просто зоологическим антикоммунизмом, вряд ли найдут весомые научные аргументы, чтобы опровергнуть такие взгляды основателя Советского государства. Не случайно ленинские взгляды находят поддержку у российских историков и в XXI в. Так, академик РАН Ю. А. Поляков, считает, что историзм – не только достоверность фактов, событий, имен, точность освещения обстоятельств времени и места. «Не только показ явлений действий в их взаимосвязи и развитии. Не только умение увидеть главное, определяющее исторического процесса, отделяя второстепенное. Главное же – это глубокое проникновение в эпоху, постижение менталитета того времени, о котором идет речь, точное понимание особенностей временной ментальности в сочетании с неизменными чертами человеческого характера и высоты нынешнего знания и понимания» (*Поляков Ю. А.* Историзмы. Мысли суждения историка. М., 2001. С. 19.) Более подробно о принципе историзма см., напр.: *Барг М. А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987; *Барг М. А., Авдеева К. Д.* От Макиавелли до Юма: Становление историзма. М., 1998; *Ковальченко И. Д.* Марксистский историзм и его воплощение в современной исторической науке // *И. Д. Ковальченко.* Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика) : сб. материалов / составл., подгот. текста и примеч. *Т. В. Ковальченко, Т. А. Кругловой, Е. А. Шикло.* М., 2004; *Межуев В. М.* Научный историзм как методология познания и преобразования общественной жизни. М., 1987; *Трельч Э.* Историзм и его проблемы: логическая проблема философии истории. М., 1994; *Сарбей В. Г.* Принцип историзма в историогр. исследованиях; Материалы обсуждения методологических проблем исторической науки // *НиНИ.* 1995. № 1, 3, 5, 6; 1996. № 1–4, 6; 1997, № 1–3; *Никитина А. Г.* Историзм социально-политического явления. (Отношение социологии и историогр. в свете проблемы историзма) // *ПОЛИС.* 2000. № 5. С. 31–36; и др.

С принципами объективности и историзма тесно связан принцип всестороннего подхода к изучаемым явлениям и фактам. Требуя учитывать всю совокупность признаков, характеризующих предмет исследования, данный принцип активизирует и придает гибкость научному мышлению. В силу такой способности он помогает при анализе предмета исследования держать в поле зрения все его аспекты.

Монография выполнена и при помощи своеобразных принципов, помогающих целостному воссозданию исторического процесса и его историографическому освещению, в контексте которых только и можно достичь понимания настоящего: *принцип различия между прошлым и настоящим; принцип исторического контекста; принцип понимания истории как процесса.* Наряду с общепринятыми принципами научного освещения исследуемой темы автор старался в качестве отправного применять принцип здравого смысла. Ведь реальная история Отечества, отраженная в историографических источниках, в своем многообразии и единстве, не всегда укладывается в общепринятые теоретические и методологические схемы, подходы и принципы.

В данной связи требуются отдельные рассуждения по поводу такого принципа исследования, как принцип партийности. Подобно принципу классового подхода к оценке событий и явлений, он являлся ведущим в марксистско-ленинской методологии исторических и историографических исследований⁶⁹. Однако его применение в историографических исследованиях, проводимых в системе координат современных научно-исследовательских

⁶⁹ Не случайно, доказательству подобного в советской исторической науке посвящались даже докторские (!) диссертации (см.: *Бурмистров Н. А.* Партийность исторической науки: источниковедческие, историографические и методологические аспекты) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. Казань, 1986). Более того, принцип партийности иногда отождествлялся с принципом объективности (см., напр.: *Могильницкий Б. Г.* Объективность и партийность в историческом исследовании // *Методологические и историографические вопросы исторической науки* : сб. Томск, 1964. № 2).

парадигм, требует осторожности и ограничения. Принцип партийности можно использовать, преимущественно, при оценке научного вклада тех ученых, которые факты истории рассматривали с позиций какой-либо партии. В советское время, например, ученым предписывалось, исходя из принципа партийности, руководствоваться одним из основных критериев историографической оценки исследований – их соответствию требованиям партийных и государственных документов⁷⁰.

Выдвижение принципа партийности, как главного в советской исторической науке, вело к искаженному представлению о реальном процессе становления взаимоотношений в обществе. Между тем, вряд ли правомочно следовать в русле наметившейся в начале 1990-х гг. тенденции в постсоветской историографии, суть которой – исключительно нигилистическое отношение к принципу партийности в методологии исторических и историографических исследований. И хотя сегодня данная тенденция не получила большого распространения, считаю обязательным продекларировать свое отношение к ней: *она не научна*⁷¹.

Кроме приведенных выше научных принципов считаю необходимым придерживаться такой установки морально-этического

⁷⁰ См.: Маслов Н. Н., Степанов В. В. Очерки источниковедения и историографии истории КПСС. М., 1974. С. 5–7; Косолапов В. В. Методология и практика историографического исследования. Киев, 1977. С. 249–256; Спирин Л. М. О научных основах изучения истории. М., 1978; Бондарь В. Я., Родионов П. А. Некоторые вопросы развития партийного строительства как науки // ВИ КПСС. 1981. № 11; Методологические основы историографического исследования. М., 1987. С. 57–83; Городецкий Е. И. Ленинская лаборатория исторического исследования // ВИ. 1982. № 3. С. 34–35; Бурмистров Н. А. Указ. соч. (докт. дис.) и др.

⁷¹ Такую точку зрения я доводил до научной общественности (см.: Ипполитов Г. М. О некоторых аспектах методологии историографического исследования // Вест. Самарского гос. пед. ун-та. Ист. фак-т. Вып. 3 «Актуальные проблемы истории, археологии и педагогики». Самара, 2007; Он же. Принцип партийности в историографических исследованиях. Приемлем ли он сегодня? Дискуссионные размышления // Человек, ученый, гражданин: материалы науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения С. Г. Басина. Т. 2. Самара, 2009).

свойства, как принцип корректности и деликатности в оценке фактов.

Положения, изложенные выше, позволили в конечном итоге смоделировать целостную многоуровневую концепцию развития объекта и предмета исследования. Благодаря ей появилась возможность *изучить генезис и эволюцию процесса формирования историографии проблемы в конкретно-исторической обусловленности; оценить степень разработанности отдельных историографических и исторических сюжетов и направлений, отобрать наиболее значимые для понимания сущности темы с учетом современного уровня накопления знаний*.

Одним из важнейших показателей уровня глубины исследования истории изучения исторической персоналии генерала Деникина выступают *методы исследования*, их разнообразие и познавательная эффективность⁷². Причем, и в историческом и в историографическом исследованиях они должны быть сведены в систему, так как ни один из них, взятый в отдельности, не может быть абсолютным. Теоретико-методологическая база исследования рассматриваемой проблемы реализуется при помощи ряда

⁷² Посредством метода познается исследуемая проблема, событие, эпоха. Методы исследования являются наиболее динамичным компонентом исторической науки, который движет ее вперед. Появление новых методов часто приводит к изменению соотношения и роли старых и новых, а не к утрате первыми всякого значения. В отличие от конкретно-исторических фактов и концепций, подверженных быстрому обновлению, методы исследования отличаются, по точной оценке академика И. Д. Ковальченко, наибольшей «живучестью» (см.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 18, 49). Объем и глубина новых знаний зависят, прежде всего, от эффективности их применения. Разумеется, каждый метод может быть применен верно или неверно, то есть сам по себе он не гарантирует получения нового знания, но без него невозможно никакое познание (более подробно см., напр.: Дмитриев А. П. Методология и методы военного исследования. М., 1973; Ковальченко И. Д. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке // История СССР. 1976. № 5; Барз М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Аникеев А. А. Принципы и методы классической историографии [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.history.perm.ru>. – Загл. с экрана).

Г. М. Ипполитов

конкретных *общенаучных*⁷³, *специально-исторических*⁷⁴, *историографических и источниковедческих методов исследования*, каждый из которых позволяет решить определенные исследовательские задачи.

Применение *общенаучных методов* позволяет представить исследуемую проблему как процесс в контексте исторической обстановки рассматриваемого периода и задач, решаемых обществом. Применение *специально-исторических методов* позволило сопоставить историографию темы на различных ее этапах, определить связь истории и современности, сравнить различные историографические точки зрения на историю изучения исторической персоналии генерала Деникина, определить наиболее дискуссионные из них. Использовались (в той или иной мере) многие из *историографических и источниковедческих методов исследования*.

С учетом специфики объекта и предмета исследования работы особенно пристальное внимание уделялось некоторым методам, заслуживающим более подробной характеристики.

Использование *проблемно-хронологического метода* способствует расчленению избранной темы на ряд более узких проблем, разработка каждой из которых рассматривается в хронологической последовательности. Метод периодизации позволяет выделить этапы и периоды в развитии историографии темы, отличающиеся, прежде всего, в содержательном отношении друг от друга. *Историко-сравнительный метод* дает возможность провести сравнение достигнутых результатов в пределах каждого из выделенных этапов в разработке рассматриваемой проблемы. *Методы логического и конкретного анализа* обуславливают изучение историографических фактов и источников с учетом

⁷³ Исторический и логический, классификационный, контент-анализ, факторный анализ и др.

⁷⁴ Системный и сопоставительный, синхронный и диахронный, методы экстраполяции и периодизации и др.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

условий их возникновения и взаимовлияния, взаимосвязи теоретического и фактического, поиска конкретных причин, породивших определенные историографические явления. Применение *метода актуализации* выражается в определении ценности тех или иных исторических знаний по рассматриваемой проблеме. При обращении к документам используются как традиционный метод источниковедческого анализа, основанный на внешней и внутренней критике источников, установлении степени влияния условий их создания на содержание, так и методы контент-анализа и факторного анализа, позволяющие извлечь информацию из больших массивов данных путем выделения совокупности количественных характеристик тех или иных объектов⁷⁵.

В теории и методологии историографического исследования особенное место отводится проблеме **периодизации**. Следует помнить, однако, что периодизация всегда несет на себе печать условности, которая вытекает не только из особенностей объекта исследования, но и из особенностей мышления⁷⁶. Анализ историографических источников, имеющих отношение к истории изучения исторической персоналии генерала Деникина по крупным историографическим периодам, позволит полнее отразить уровень развития исторической науки, охарактеризовать ее роль на крутых переломах истории, когда соответственно менялись критерии и качество обобщения исторических знаний, активизировался или падал уровень творческих изысканий, а приток в науку новых сил формировался в условиях подъема или

⁷⁵ См., напр.: *Бородкин Л. И.* Контент-анализ в исторических исследованиях. М., 1984.

⁷⁶ Представляется в данной связи неординарной точка зрения А. Г. Быкова и В. Г. Рыженко. Они полагают, что изображение движения мысли есть всегда «огрубление, омертвление, и не только мыслью, но и ощущением и не только движения, но и всякого понятия» (Быкова А. Г., Рыженко В. Г. Культура Западной Сибири: История и современность : курс лекций. Омск, 2003. С. 123). См., также, напр.: История и Математика: проблемы периодизации исторических макропроцессов / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, С. Ю. Малкова. М., 2006.

спада политической, общественной, научно-теоретической деятельности. Причем, в связи с конкретно-исторической обстановкой данные периоды характеризовались различными чертами и особенностями тематической направленности исследований, конъюнктурными деформациями, соответствующей источниково-базой, которой могли располагать ученые в то или иное время.

Наиболее сложный аспект в периодизации историографических исследований – вопрос о переходе от одного историографического периода к другому в отечественной исторической науке. Ученые пытаются детально разобраться, как совершается переход: или в форме одномоментного скачка, решительного перехода к новому и разрыву с предыдущей стадией в развитии исторических знаний, или в плавном темпе, занимая относительно длительный временной промежуток⁷⁷. Ряд отечественных исследователей склонны придерживаться четкой фиксации отдельных периодов и этапов в развитии историографии⁷⁸. Однако тезис о том, что переход от одного историографического периода или этапа к другому занимает достаточно длительные промежутки времени, постепенно находит все больше сторонников в корпусе современных историков⁷⁹. Мне представляется, что более целесообразно не придерживаться исключительно жестких рамок при обозначении отдельных этапов и периодов. Хотя подоб-

⁷⁷ См., напр.: *Щагин Э. М.* Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX – середина XX вв.). М., 2005; *Костов С. В.* Отечественная социальная история: вопросы историографии и методологии // История повседневности. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.el-history.ru/> – Загл. с экрана.

⁷⁸ *Шебзухов М. Х.* Ретроспективный взгляд на историю Великой Отечественной войны (методолог. и историогр. аспекты) // 50 лет Великой Победы : материалы науч.-практ. конф., состоявшейся в апр. 1995 г. Май коп., 1996.

⁷⁹ См., напр.: *Селюнин В. А.* Промышленность и транспорт Юга России в войне 1941–1945 гг. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов-н/Д., 1997; *Ефремов В. Я.* Указ. соч. и др.

ная позиция не отрицает возможности выделения рубежных вех, привязанных к каким-то эпохальным датам⁸⁰.

Необходимо особенно подчеркнуть, что существенным для разработки любой периодизации выступает выбор ее критериев. В качестве основных критериев для выделения периодов и этапов в развитии исторического знания по рассматриваемой проблеме можно выделить следующие: *круг изучаемых проблем и сюжетов; отражение темы в обобщающих трудах, общее количество и качество специальных исследований; степень изученности и уровень теоретического осмысления проблем; развитие источниково-базы, степень доступности и общее количество, видовое и содержательное разнообразие вводимых в научный оборот документов; принципы и методы обработки и осмысления исторической информации, совершенствование исследовательской методологии, используемая научная терминология; влияние внешних условий, социально-политической атмосферы на развитие исторической науки; численность и уровень профессиональной подготовки исследователей проблемы.* Следовательно, разработка проблемы периодизации, как одного из ключевых способов историографического анализа, выражающегося в рассмотрении процесса формирования и развития исторического знания при помощи его разделения на определенные этапы или периоды, отражает потребность исследователей в достижении исторической наукой такого уровня, при котором предметом специального изучения становится ее собственное развитие.

⁸⁰ Об этом я уже говорил в некоторых своих работах: *Ипполитов Г. М.* Белое движение в Гражданской войне на Юге России: советская историография проблемы // Науч. изыскания : сб. науч. ст. Вып. I. Самара, 2005; *Он же.* Моральный дух русской армии: из истории изучения проблемы (1870–1904 гг.) // Клио. 2005. № 2; *Он же.* Летопись братоубийства...; *Он же.* Россия императорская. Моральный дух армии в зеркале историографии. Историографическое исследование проблемы морального духа русской армии и его укрепления в 1870–1914 гг. Saarbrücken, Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

Если вести речь об объекте и предмете исследования, то нельзя не заметить (в контексте проблемы периодизации) того, что вся отечественная историография состоит из двух крупных блоков:

- 1) советская историография (1920-е – первая половина 1980-х годов);
- 2) современная историография (вторая половина 1980-х годов – до настоящего времени).

Ясно, что *современная историография* исторической персоналии генерала Деникина носит исключительно динамичный характер в силу ее незавершенности и постоянного обновления. Разумеется, это создает некоторые сложности при ее историографическом анализе.

Советская же историография деникинщины – устоявшийся историографический феномен, внутри которого можно выделить два историографических периода. Первый историографический период – время накопления исторических знаний по проблеме в период становления советской исторической науки и дальнейшего ее развития в сталинской теоретико-методологической парадигме, являвшейся монополярной (1920-е – примерно первая половина 1950-х годов). *Второй историографический период* – время изучения темы в системе теоретико-методологических координат периода хрущевской оттепели и частичной реанимации сталинских подходов (примерно вторая половина 1950-х гг. – примерно первая половина 1980-х годов). Поэтому здесь необходимо дать дополнительные методологические ориентиры, которые станут своего рода кроками исследовательского маршрута.

В конце 1980-х – начале 1990 гг. существовал взгляд (во многом имевший идеологизированную политическую цель ликвидации социалистического государства), согласно которому семьдесят лет существования советской власти рассматривались как процесс упадка российской государственности, колоссальный минус в русской истории. Это распространялось и на историографию, то есть на историю исторической науки советского пе-

риода⁸¹. Но подобные жесткие излишне категоричные аксиологические суждения постепенно становятся достоянием прошлого истории исторической науки. Наступает время верификационных, академически взвешенных оценок. Не случайно, в последние годы в научном сообществе все более утверждается точка зрения, согласно которой использование формулы «феномен советской историографии» сочетается с признанием ее достижений⁸².

Сейчас как в свете общеполитических, так и внутринаучных изменений уже многое видится иначе, чем даже в середине 1990-х гг. Становится ясной неисторичность подхода, при котором вычеркиваются целые страницы в истории России⁸³. Или еще парадоксальнее: начинает действовать принцип, обозначенный М. Н. Покровским, суть которого сводится к тому, что история – политика, обращенная в прошлое во всех смысловых ракурсах и, прежде всего, в отношении историко-научного сообщества⁸⁴.

Сегодня все более устойчивый характер принимает тенденция осторожного подхода к изучению истории советской исторической науки, исключаяющего как огульный нигилизм, так и слепую апологетику. Одним из таких верифицированных суждений

⁸¹ См., напр.: Афанасьев Ю. Феномен советской историографии // ОИ. 1996. № 5. С. 146–168; Иллерицкая Н. В. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица // Советская историография. М., 1996; Сахаров А. Н. Дискуссия в советской историографии: убитая душа науки // Там же.

⁸² Бычков С. П., Свешников А. В. Проблема феномена советской историографии // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005; Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета. 1834–2004. СПб., 2004; Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. Омск, 2005.

⁸³ Небезынтересно, что еще в период перестройки академик И. Д. Ковальченко, крупный методолог исторической науки, резко негативно воспринимал заявления некоторых ученых о полной несостоятельности советской исторической науки и призывам отказаться от нее. Он отмечал то, что умение соотнести поставленные цели, имеющиеся средства и возможные результаты «немыслимо без учета предшествующего опыта» (Ковальченко И. Д. Встречи с историей. Вып. 2. М., 1988. С. 17).

⁸⁴ О такой концепции М. Н. Покровского более подробно см.: Чернобаев А. А. «Профессор с пикой», или три жизни историка М. Н. Покровского. М., 1992.

может выступать следующее: вряд ли можно ставить под сомнение фактор активного государственного вмешательства в советскую историческую науку. Однако, как представляется, в попытке нахождения общих смысловых основ феномена советской историографии исследователи упускали из виду тот факт, что существование Советского государства в XX в. прошло, в свою очередь, несколько больших этапов. И в рамках данных этапов научная политика в области общественных наук, в том числе и исторического образования, академических институтов приобретала своеобразные черты, иногда кардинально отличавшиеся друг от друга. Между тем, не могут вызывать сомнений следующие характерные черты советской историографии, которые наложили неизгладимый отпечаток, в том числе, и на изучение деникинщины:

- 1) постоянная демонстрация историками лояльности, горячей приверженности идеям марксизма, советскому строю ради дальнейшего отстаивания научных взглядов;
- 2) государственный контроль и планирование деятельности историко-научного сообщества; доминанта историко-партийного направления по сравнению с конкретно-историческим;
- 3) директивность как основной способ взаимоотношений между государственными органами и исторической наукой⁸⁵;
- 4) рассмотрение исторического процесса как неуклонной единой линии освобождения от всех форм социального гнета, выделение революционных эпизодов в прошлом, накладывавшее значительные элементы телеологизма – неуклонного поступательного движения общества на пути к коммунистическому идеалу;
- 5) заданность и узость методологических поисков, догматизированный марксизм в большевистском его измерении был признан в качестве единственно верной методологии, а дальней-

⁸⁵ См., напр.: *Сталин И., Киров, Жданов А.* Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории ВКП(б) : сб. материалов. Куйбышев, 1938; О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»: постановление ЦК ВКП(б) от 14 нояб. 1938 г. // Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947.

шие поиски методологического плана советская власть пресекала, причем директивным путем⁸⁶.

⁸⁶ Более подробно см., напр.: *Иванова Л. В.* У истоков советской исторической науки: Подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг. М., 1968; *Она же.* Формирование советской научной интеллигенции: 1917–1927. М., 1980; *Очерки истории исторической науки в СССР.* Т. 4. М., 1966; *Чагин Б. А., Клушин В. И.* Борьба за исторический материализм в СССР. Л., 1975; *История и сталинизм:* сб. ст. / сост. и авт. предисл. *Н. Мерцалов.* М., 1991; *Кума-нев В. А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991; *Алексеева Г. Д.* Историческая наука в России после победы Октябрьской революции...; *Сидорова Л. А.* Оттепель в исторической науке: сов. историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997; *Она же.* Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М., 2008; *Она же.* Школы в исторической науке России // ОИ. 1999. № 6; *Историческая наука России в XX в.: [сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; редкол.: Г. Д. Алексеева (отв. ред.) и др.; [предисл. Г. Д. Алексеевой].* М., 1997; *Литвин А.* Без права на мысль. Историк в эпоху Большого Террора: Очерки судеб. Казань, 1994; *Поляков Ю. А.* Корифеи отечественной исторической науки : Восп. М., 1997; *Проблемы источниковедения и историографии.* Материалы II Научных чтений памяти акад. И. Д. Ковальченко. М., 1999; *И. Д. Коваль-ченко.* Научные труды, письма, воспоминания...; *Созрин В. В.* Осмысливая советский опыт: о новых трудах по истории XX в. // ОНС. 1999. № 3; *Пыжиков А. В.* Осознание сталинизма в годы «оттепели» // Вестн. РАН. 2003. № 6. С. 542–547; *Ипполитов Г. М.* Некоторые актуальные проблемы изучения военной истории в постсоветский период // *Телескоп* : Науч. альманах. Спец. вып. Проблемы изучения военной истории : материалы Всерос. конф., посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Самара, 2005; *Гречухин П. Б.* Выход «Краткого курса истории ВКП(б)» и предвоенное советское общество [Электрон. ресурс] / *П. Б. Гречухин, В. Н. Данилов.* – Режим доступа: <http://old.sgu.ru>. – Загл. с экрана; *Маслов Н. Н.* Советское искусство под гнетом «метода» социалистического реализма: политические и идеологические аспекты (30–40-е гг.) // ОИ. 1994. № 6; *Итоги и перспективы подготовки в России документальных публикаций (1992–2010 гг.): докл. руководителя Федерального арх. агентства чл.-кор. РАН В. П. Козлова на Бюро отд-ния ист.-филол. наук РАН 25 янв. 2006 г.* [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/news/doc_publ.shtml. – Загл. с экрана; *Наумов И. В.* Вопросы исторической науки в отечественной историографии. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2004. 18 с. Деп. в ИНИОН РАН 15.07.2004. № 58781; *Армизов А. Н.* Школа М. Н. Покровского и советская историческая наука конец 1920-х – 1930-е гг. : автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1998; *Бочаров А. В.* Проблема альтернативности исторического развития: историограф. и методол. аспекты : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002 и др.

Источниковая база исследования. Она обширна, многообразна и репрезентативна. Причем, здесь выделяется две группы источников - *историографические и исторические*⁸⁷. Подчеркну, что историографические источники (в сравнении с историческими) отличаются спецификой⁸⁸, что отражается, в частности, в их классификации. В первую очередь, подобное детерминировано сложностью понятий «*историографический факт*» и «*историографический источник*», которые являются нетождественными. Однако, будучи таковыми, понятия «историографический источник» и «историографический факт» находятся в диалектическом единстве, в котором ярко прослеживается как единичное, так общее и особенное, характерное для каждого из понятий, указанных выше.

Историографический факт - исходный материал для историографического исследования. Чаще других в литературе используется определение, данное в статье А. И. Зевелева и В. П. Наумова: «*Историографическим фактом является факт исторической науки, несущий информацию об исторических знаниях, используемых для выявления закономерностей развития истории исторической науки*»⁸⁹. Думается, что подобная дефиниция выглядит емко и в большей степени отражает содержание предмета историографии⁹⁰.

⁸⁷ Исторические источники будут охарактеризованы в отдельной главе монографии. – Г. И.

⁸⁸ См., напр.: Зевелев А. И. Историографическое исследование: методол. аспекты; Наумова Г. Р. О путях научного познания // История мысли: историогр. Вып. 1 / под ред. И. П. Смирнова. М., 2002; Ипполитов Г. М. Историографическое исследование: характеристика источниковой базы // 4-е Озобинские чтения. Всерос. науч.-практ. конф. Инза – Самара, 2006; и др.

⁸⁹ Зевелев А. И., Наумов В. П. Историографический факт: критерии оценок и анализа // ВИ. 1980. № 5. С. 36.

⁹⁰ Между тем, здесь имеются и другие точки зрения. Что такое историографический факт? М. В. Нечкина, отвечая на поставленный ею же вопрос, подчеркивала, что наука слагается, прежде всего, из результатов исследований ученых и, следовательно, «основным и важнейшим фактом истории науки являются труды ученого...» (Нечкина М. В. История истории: (некоторые

Историографический факт субъективен, является продуктом творчества субъекта, то есть историка. Существо историографического факта – в его истолковании, интерпретации. Важно понять, что факты остаются, даже если имеющиеся о них представления оказываются ложными. Понят факт или нет, верно объяснен или интерпретация ошибочна – все это не меняет положения дела. Сам факт объективно существует вне сознания историографа, независимо от интерпретации, исследовательских подходов и оценок.

Историографический факт содержит информацию о развитии науки, ее деятелях, учреждениях и организационных формах. Являясь источником информации, он имеет признаки, указывающие на характер, объем, глубину и степень достоверности. Историографические факты имеют свою градацию. К основному, важнейшему факту истории науки относятся труды ученого, в которые выливается его исследовательский процесс, и взаимодействие, взаимозависимость результатов этих трудов. Представляется важным отбор фактов, определение глубины и объема научной информации, ее истинности и значимости. Необходимо учитывать и время возникновения конкретного историографического факта: «сотворен» он современником анализируемых событий или автор описывает их с исторической дистанции, с ретроспективной позиции.

методолог. вопр. ист. науки) // История и историки: историогр. истории СССР. М., 1965. С. 11). Таким образом, труды историка – и первоисточник историографии как истории науки, и «главный историографический факт». К. Н. Тарновский считал, что под историографическим фактом следует понимать «авторскую концепцию, с большей или меньшей четкостью и полнотой изложенную в исследовании». Научные публикации (статьи, монографии, рецензии), материалы дискуссий и обсуждений, рабочую документацию (рукописи, конспекты, записные книжки) он, в отличие от многих авторов, рассматривал в качестве историографических источников. Свою точку зрения на концепцию как «историографический факт» Тарновский обосновал в первой главе своей книги (она увидела свет после смерти автора), где он размышлял об особенностях историографических исследований (см.: Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России. Начало XX века. Советская историография середины 50-х – начала 60-х годов. М., 1990. С. 7–13).

Определенная неясность в трактовке *историографического факта* проецируется и на *историографический источник*.

Традиционный *исторический источник*, вовлеченный в процесс историографического анализа, приобретает новый статус – *историографического источника*. Важно подходить к *историографическому источнику* с учетом науковедческого принципа трехаспектности науки, согласно которому в любом научном явлении необходимо, помимо предметной стороны (в данном случае – развития исторической мысли), видеть стороны социальную и индивидуально-психологическую (имеется в виду – психология творца науки). Рассматривая основной историографический источник в таких трех аспектах, мы по существу рассматриваем его как социокультурную практику и вынуждены выйти за рамки историографического факта в широкое культурологическое поле⁹¹.

По мере развития историографии круг источников все более расширяется. Особую значимость приобретает проблема *массовых историографических источников*. В первую очередь речь идет о статистических материалах, отражающих развитие исторической науки: количество выпускников исторических факультетов, защищенных диссертаций, опубликованных монографий и статей, периодичность издаваемых специальных журналов. Все эти источники отличаются по уровню информации, требуют специального подхода, учета цели и направленности проводимых историографических исследований.

Ясно и то, что *историографический факт* по своей функциональной нагрузке шире, чем *историографический источник*. Не каждый историографический факт «материализуется» в источник, доступный для широкого изучения (например, материалы

⁹¹ См., напр.: Камынин В. Д., Цыпина Е. А. Проблема историографического источника в отечественной литературе // Запад, Восток и Россия: проблема исторического и историографического источника. Екатеринбург, 2005. Вып. 7. Проблемы всеобщей истории.

лаборатории историка, рукописи книг и диссертаций, неизданные стенограммы дискуссий и научных конференций и пр.).

Не вызывает сомнений, что *историографический факт* базируется на *историческом факте*. Причем, исторический факт более широкое понятие, так как эта категория составляет фундамент всего здания исторической науки. Историографический же факт составляет лишь часть исторического факта. Следовательно, историографический факт – понятие более узкое. *Исторический факт* существует объективно, независимо от того, познан он или нет⁹².

При всей дискуссионности бесспорным остается утверждение, что историографический факт и историографический источник многослойны, неисчерпаемы по объему информации и способны играть решающую роль в развитии исторического знания.

Историографические источники, проанализированные в интересах раскрытия объекта и предмета исследования монографии, можно классифицировать следующим образом:

1. Исследования обобщающего характера: общие фундаментальные труды по истории революции и Гражданской войны, а также обобщающие работы по их отдельным аспектам; общие фундаментальные труды по истории исторической науки, источниковедению, а также обобщающие труды по их отдельным аспектам.

2. Специальные исследования: специальные монографические исследования по анализируемой теме; специальные диссертационные исследования; научные статьи; материалы научных конференций и прочих научных форумов; обзоры литературы, рецензии; научно-библиографические публикации.

⁹² См., напр.: Иванов Г. М. К вопросу о понятии «исторический факт» // Методологические и историографические вопросы исторической науки : сб. Томск, 1969. № 6; Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980. С. 205–215.

Исследования обобщающего характера

1. Общие фундаментальные труды по истории революции и Гражданской войны, белой эмиграции, а также обобщающие работы по их отдельным аспектам. Следует подчеркнуть, что в советской исторической науке созданию подобных трудов придавалось большое значение. Для их подготовки организовывались крупные авторские коллективы, которые вбирали в себя основные достижения и недостатки современной историографии⁹³. В современной России работ анализируемого вида стало появляться меньше⁹⁴. Это обусловлено, главным образом: *во-первых*, относительной непродолжительностью существования современной российской историографии; *во-вторых*, организационными и финансовыми трудностями, коммерциализацией издательского дела, сопровождавшими развитие российской исторической науки на протяжении 1990-х гг. и не преодоленными до конца и сегодня. Данные труды, безусловно, являются незаменимыми для репродуцирования в общих чертах конкретно-исторической обстановки в 1918–1920 гг., в которой протекала военная деятельность генерала Деникина. Но, в то же время, цель указанных работ и их рамки не позволили осуществить детальный анализ исследуемой проблемы.

2. Общие фундаментальные труды по истории исторической науки, источниковедению, а также обобщающие труды по их отдельным аспектам. Здесь, в первую очередь, следует отметить «Очерки исторической науки в СССР» (в пяти томах)⁹⁵, а также

⁹³ См., напр.: История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. М., 1965–1972; Советские Вооруженные силы: история строительства. М., 1978; История гражданской войны в СССР: в 5 т. М., 1931 – 1961; Гражданская война в СССР: в 2 т. М., 1980–1986; Великий Октябрь и защита его завоеваний: в 2 т. / под общ. ред. И. И. Минца. М., 1987; и др.

⁹⁴ См., напр.: Военная история Отечества с древнейших времён до наших дней: в 3 т. М., 1995; Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: в 2 т. М., 1996.

⁹⁵ См.: Очерки истории исторической науки в СССР: в 4 т. М., 1955–1966. Пятый том вышел в свет в 1985 г. – Г. И.

ряд крупных обобщающих историографических работ⁹⁶. Среди источниковедческих работ заслуживает персонального упоминания фундаментальный труд «Источниковедение истории советского общества». Он написан силами Института истории СССР АН СССР и выходил в свет в четырех выпусках в 1964–1982 гг.⁹⁷ Традиция появления подобного вида трудов продолжается и в постсоветской исторической науке⁹⁸. Правда, в количественном отношении их значительно меньше по причинам, указанным выше. Из таких работ можно почерпнуть, в первую очередь, общие представления об историографических и источниковедческих тенденциях на различных этапах развития советской исторической науки, историографических школах и концепциях. В то же время, если говорить об истории изучения исторической личности генерала Деникина, то в них нельзя найти достаточного количества материалов, имеющих к ней непосредственное отношение. Несколько больше материала в данной связи можно почерпнуть из обобщающих трудов по отдельным историографическим аспектам⁹⁹. Но его будет явно недостаточно для осуществления досконального анализа темы, которой посвящена монография.

Специальные исследования

1. Специальные монографические исследования по анализируемой теме. Их характеристике уделено наиболее значимое место в монографии. Подобное обстоятельство обусловлено тем, что монография предоставляет для профессионального исследователя наиболее полную возможность ввести в научный

⁹⁶ См., напр.: Очерки по историографии советского общества. М., 1967; Очерки советской военной историографии. М., 1974.

⁹⁷ См.: Источниковедение истории советского общества: в 4 вып. / АН СССР, Ин-т истории СССР. М., 1964–1982.

⁹⁸ См., напр.: Советская историография. М., 1996.

⁹⁹ См., напр.: Шерман И. Л. Советская историография Гражданской войны в СССР (1920–1931 г.) Харьков, 1964; Наумов В. П. Летопись героической борьбы: сов. историогр. Гражданской войны и империалист. интервенции в СССР. М., 1972; и др.

оборот свою концепцию по тем или иным проблемам, обосновать личную позицию по различным их аспектам¹⁰⁰. В моем труде анализируются монографии, в которых рассматриваемая тема получила прямое отражение¹⁰¹, или в ней затронуты какие-либо ее аспекты, отдельные значимые сюжеты¹⁰².

2. Специальные диссертационные исследования. Реалии научно-организационного процесса таковы, что не каждый автор (в силу множества причин¹⁰³) издает монографию. Поэтому особую роль в качестве историографического источника играют дис-¹⁰⁰ Неординарную оценку значимости монографических исследований дал Л. Н. Гумилев: «Чтобы написать такой труд (монографию – Г. И.) надо освоить предмет, надо вскрыть себе вену и каждую строку написать своей кровью, разумеется, фигурально. Иначе автор рискует быть единственным читателем своей книги. И чем больше «крови» перелить в печатные строки, тем больше читатель любит книгу, а иногда даже благодарен ее автору. Этот акт «переливания крови» обычно не дает автору ничего, кроме морального удовлетворения. Однако это удовлетворение таково, что ради него стоит жить, даже поступаясь удобствами, служебными неприятностями, интригами завистников и недоброжелательством коллег. Духовное одиночество – это подобие ада; прорыв к читателю, т. е. к его вниманию и пониманию, – путь через чистилище. Удовлетворение сделанным – награда за труд, большая, чем зарплата и гонорары...» (Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М., 1997. С. 419–420).

¹⁰¹ См., напр.: Кин Д. Деникинщина. М.; Л., 1927; Алексахенко А. П. Крах деникинщины. М., 1966; и др.

¹⁰² См., напр.: Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008; Голдин В. И. Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск, 2005; Он же. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск, 2010; и др.

¹⁰³ Одна из таких причин сегодня лежит на поверхности. В вузах и исследовательских учреждениях средств на издание монографий, как правило, не хватает. Если повезет, то издадут, поставив в нескончаемую очередь (лет на пять). Выпустить монографию в свет за свой счет при цинично-мизерных доходах доцентов и профессоров, весьма проблематично. Гранты – бюрократическая химера. В бумагах потонешь, а когда, если повезет, отчитаешься за полученные деньги, считай, приобрел бухгалтерское образование, либо опыт знакомства со следователем, если где-то, что-то напутал. В общем, реалии современной России... – Г. И.

сертационные исследования. Именно научно-квалификационные работы (диссертации) позволяют уяснить не только степень изученности той или иной проблемы, но и увидеть новые направления в исследовании¹⁰⁴. В монографии анализируются диссертации, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме¹⁰⁵. Кроме того, привлекаются материалы десятков диссертационных исследований общего характера, в которых приводятся те или иные сведения или оценки, характеризующие некоторые аспекты деяний генерала Деникина.

3. Научные статьи. Они представляют более компактную и оперативную форму исторического исследования. Автор ограничен объемом публикации. Однако он может более оперативно высказать новые положения, впоследствии нередко получающие развитие в монографии или коллективном труде, в сжатом виде представить аргументацию собственной позиции. Общее количество статей по рассматриваемой проблеме исчисляется сотнями наименований. В качестве наиболее оригинальных историографических источников рассматриваются материалы научных статей, имеющих прямое отношение к исторической персоналии Деникина¹⁰⁶.

4. Материалы научных конференций и прочих научных форумов. Они представляют собой отдельный вид историографии

¹⁰⁴ Полагаю, что можно согласиться с мнением современного исследователя Е. Л. Храмовой о том, что в диссертациях ставятся новые методологические, источниковедческие и иные вопросы, редко затрагиваемые в научных трудах. Диссертации, возможно, как никакие другие жанры исторических исследований, свидетельствуют «о сильных и слабых сторонах, о штампах, о старых и новых стереотипах отечественной историографии» (Храмова Е. Л. Культура России периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. : историогр. очерки. Самара, 2001. С. 5–6).

¹⁰⁵ См., напр.: Федюк В. П. Белое движение на Юге России : дис. ... докт. ист. наук. Ярославль, 1995; Самойлов А. Ф. Деятельность государственных органов по воспитанию офицеров белых армий Юга России в духе любви к Отечеству (ноябрь 1917 – ноябрь 1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004 и др.

¹⁰⁶ См., напр.: Мельзунов С. П. Гражданский подвиг А. И. Деникина (К пятилетию со дня кончины) // Возрождение. Тетрадь XXV. Янв. – Февр. 1953.

ческих источников, в которых зафиксированы результаты обсуждения наиболее значимых, приоритетных направлений исторических исследований, позволяющих выявить дискуссионные вопросы темы. В данной монографии используются материалы международных, всесоюзных, всероссийских, ведомственных, региональных, межвузовских научных конференций, посвященных истории революции и Гражданской войны, белой эмиграции¹⁰⁷. Кроме того, использованы материалы некоторых научных форумов, где рассматривались общие проблемы развития отечественной исторической науки¹⁰⁸.

5. Обзоры литературы, рецензии. Они имеют самостоятельную историографическую ценность. В них, как правило, в сжатой форме отражается не только оценка значимости профессиональным сообществом тех или иных исторических трудов по рассматриваемой проблематике, но и характер сложившихся о них представлений в исторической науке¹⁰⁹. Следовательно, появляется материал для компаративного анализа авторских результатов и оценок, что содержится в рецензиях предшественников по одним и тем же историографическим источникам.

6. Научно-библиографические публикации, имеющие прямое и косвенное отношение к теме монографии. Особенно много полезной информации почерпнуто из всевозможного рода библиографических указателей, так как в них учитываются следующие виды изданий: книги, сборники статей (как правило, аналитически расписанные), брошюры, авторефераты диссертаций, статьи

¹⁰⁷ См., напр.: К 60-летию победоносного окончания Гражданской войны в СССР (1918–1920 гг.). Материалы Всесоюзн. науч. конф. Киев, 1981.

¹⁰⁸ См., напр.: Актуальные проблемы отечественной историографии: материалы VII Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 1997; Актуальные вопросы истории России на пороге XXI века : материалы XXI Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 2001.

¹⁰⁹ См., напр.: *Гуковский А.* В белом стане. Обзор белоэмигрантской литературы по гражданской войне за 1928 год // Историк-марксист. Т. 11. М., 1929. С. 266–275.

из научных журналов и сериальных изданий, материалы и тезисы конференций, рецензии и депонированные рукописи¹¹⁰.

Теоретико-методологические основания монографии зиждутся на подходах, принципах и методах, продиктованных плюралистическим методологическим многоголосием, характерным для отечественной исторической науки в начале XXI века. Однако я не стремился к новомодным парадигмам, когда они лишь только декларируются через отточенную красивую научную фразу, но не претворяются в исследовании.

Источниковая база монографии отличается обширностью, разнообразием и репрезентативностью и при комплексном ее исследовании предоставляет благодатные условия для качественного анализа истории изучения исторической персоналии Антона Ивановича Деникина.

¹¹⁰ См., напр.: *Искодамская С.* Великая Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война: указ. сов. лит. 1972–1976. М., 1977; Библиография русской зарубежной литературы 1918–1968 / сост. Л. А. Фо-стер. Boston : Hall, 1970. Т. 1–2; и др.

Глава II

ОТЕЧЕСТВО В ОГНЕ, НО МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ. ПРЕДЫСТОРИЯ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. ДЕНИКИНА В ГОДЫ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920 гг.)

Условия развития предыстории истории изучения рассматриваемой проблемы. – «Красная» и «белая» историографии: факторы их развития. – Образ генерала Деникина в «красной» и «белой» историографиях периода безумия братоубийства.

Смутные времена только тем отличаются от спокойных, что в последние говорят ложь, надеясь, что она сойдет за правду, а в первые говорят правду, надеясь, что ее примут за ложь: разница только в объекте вменяемости.

В. О. Ключевский

«Я это сделал», – говорит моя память. «Я не мог этого сделать», – говорит моя гордость и остается непреклонной. В конце концов, память уступает.

Ф. Ницше

Оч бширная и многоаспектная история изучения исторической персоналии Деникина начинается в 1920-х годах. Однако она имела свою предысторию, совпавшую по времени с так называемой фронтовой Гражданской войной (1918–1920 гг.). Эта предыстория, в силу исторических реалий безумия братоубийства, довольно оригинальная. Она заслуживает быть кратко освещенной, ибо некоторые ее особенности оказались удивительно живучими и удачно прижились в истории изучения рассматриваемой проблемы.

У исторической науки есть одна особенность: то, что сегодня является предметом, далеким от истории, входит в ведение специалистов, завтра уходит в прошлое и становится компетенцией истории. Для «детей страшных лет России»¹¹¹ реалии действительности еще не стали историей в академическом ее понимании. А историография, как известно, наука дистанционная, требующая относительно больших временных интервалов для осмысления анализируемой исторической действительности, определенного количественного накопления массива исторических и историографических источников.

Однако наивно полагать, что когда гремят пушки, то музы замолкают. История исторической науки свидетельствует: в промежутках между сражениями и боями безумия братоубийства уже предпринимались первые, пусть робкие, далекие от академизма, но все-таки попытки осмыслить происходящие события, в том числе и на Юге России. Причем, такие попытки имели место по разные стороны баррикады.

Именно в непосредственном соприкосновении с реальными событиями, в прямом участии в них в качестве и субъек-

ⁱⁿ В кавычки взято выражение поэта А. Блока. – Г. И.

та, и объекта^{11 2} крылся особенный колорит осмысления явлений окружающей действительности теми, кто брался за перо, отложив на время в сторону винтовку. Но такое осмысление имело специфический характер.

Во-первых, налицо исключительно бескомпромиссный конфронтационный стиль изложения всех трудов, ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер публикаций. Например, ответственность за развязывание Гражданской войны большевистские журналисты вваливали на своих противников. В таком мифе большевики хотели перед лицом российского общества и мировой общественности снять с себя ответственность за начало братоубийственной бойни. Всероссийский размах войны они объясняли стремлением многомиллионных народных масс выступить в защиту своих прав «для одоления своих классовых врагов»^{11 3}. С другой стороны, даже отступления белых армий подавались антисоветскими газетами как предтеча будущих побед. Их отход читателям предлагалось рассматривать как хитроумный маневр для сохранения армии: «Колчак отступает, не теряя живой силы своей армии... На фронте у Деникина явление для них (большевиков – Г. И.) не более утешительное: они пленными потеряли в 3 раза больше, чем Деникин... И Троцкий чувствует близкую гибель», – писала архангельская газета «Отечество», когда деникинские и колчаковские войска были уже разгромлены^{11 4}.

Во-вторых, имеет место проблематичность достоверности фактического материала в источниках и литературе. Они детерминированы тем, что в агитационно-пропагандистских целях красные и белые допускали преднамеренные фальсификации в рамках психологической борьбы с противником. Так, военные противники советской власти изображались большевистскими га-

^{11 2} Объектно-субъектные связи, как известно, взаимопереходные: многое зависит здесь от точки отсчета. – Г. И.

^{11 3} См.: О войне внешней и войне внутренней // Изв. ВЦИК. 1917. 24 дек.

^{11 4} Архангельск, 2 декабря // Отечество (Архангельск). 1919. 2 дек.

зетами в виде бандитов, против которых активно борется весь народ и в тылу которых «уже поднимаются одно за другим восстания»^{11 5}. В то же время, вся информация в антисоветских газетах подбиралась и подавалась таким образом, чтобы у читателей создалось впечатление, что «*пусть медленно, пусть не так, как мы того хотели бы, пусть нанося порой удары своим противникам, но большевизм катится все ниже и ниже по наклонной плоскости, на которую он поставлен самой своей сущностью*»^{11 6}. Причем, эта психологическая борьба^{11 7} отличалась

^{11 5} Карпинский В. Не ждать, а действовать // Беднота. 1919. 14 окт.

^{11 6} По наклонной плоскости // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 29 июля.

^{11 7} Психологическая борьба – комплекс мероприятий, направленных на изменение поведенческих и эмоциональных установок определенных групп людей и отдельных лиц по тем или иным вопросам в желательном направлении. В вооруженных силах данные мероприятия осуществляются в целях подрыва морально-психологического состояния войск и населения противника, противодействия аналогичным акциям с его стороны, укрепления морально-психологических качеств своих войск и населения. Они рассматриваются как специфическое оружие, с помощью которого повышается эффективность боевых действий. Психологическая борьба осуществляется с помощью психологических операций. Ведется в мирное и военное время. Психологические операции – совокупность взаимосвязанных по целям, задачам, месту и времени мероприятий, информационно-психологического воздействия на войска и населения противника (см.: Военная доктрина Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации № 146 от 11 февр. 2010 г. // НГ. 2010. 12–18 февр. С. 4–7; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // РГ. 2000. 28 сент.; Доклад президента Академии геополитических проблем Ивашова Л. Г. На общем собрании 5 февраля 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.akademiagr.ru/main/news/57-d-o-k-l-a-d-p-r-e-z-i-d-e-n-t-a-akademii.html> – Загл. с экрана; Политическая работа среди войск и населения противника в годы Великой Отечественной войны. М., 1971; Селезнев И. А. Война и идеологическая борьба. М., 1974; Волкогонов Д. А. Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания. 2-е изд., доп. М., 1984; Крысько В. Г. Секреты психологической войны: цели, задачи, методы, формы, опыт. Минск, 1999; Почепцов Г. Г. Информационные войны. М., 2000; Он же. Пропаганда и контрпропаганда. М., 2004; Арзамаскин Ю. Н., Бублик Л. А. Морально-психологическое обеспечение в Вооруженных силах России. М., 2002; Полевой устав армии США. FM 33-1. Психологические операции. Перевод. М., 1988; Лайндбарджер П. Психологическая война. М., 1962; и др.

масштабностью, вытекающей из той значимости, которую ей придавали военно-политические руководители противоборствующих сторон¹¹⁸.

Естественно, в таких условиях невозможно было выполнить *академические исследования*. Тем более, что в годы Гражданской войны профессорско-преподавательский корпус вузов царской России понес значительные потери в своем составе. Кроме того, произошла колоссальная утрата: появились значительные повреждения книжного, архивного и музейного фондов страны. Время Гражданской войны – время существования отечественного историко-научного сообщества в экстремальных условиях¹¹⁹.

Современный уровень накопления исторических знаний позволяет утверждать: **в российской Гражданской войне, несмотря на пестрый состав ее субъектов, самыми мощными конфронтующими силами выступили красные и белые**. Поэтому резонно посмотреть реакцию на события братоубийственной бойни исследователей из двух стоящих насмерть враждебных лагерей – красных и белых, то есть проанализировать «красную» историографию и «белую» историографию проблемы¹²⁰ и выработать научные представления о предыстории истории изучения исторической персоналии генерала Деникина. При этом следует иметь в виду, что «красная» и «белая» историографии рассматриваемой проблемы развивались под воздействием ряда факторов.

¹¹⁸ См., напр.: Громов Е. С., Ипполитов Г. М. Духовное противоборство в войне: история и современность : учеб. пособие. Вольск, 1992; Репко С. И. Отечественный опыт ведения спецпропаганды (1918–1991). М., 1994; и др.

¹¹⁹ См., напр.: Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). М., 1968; Она же. Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // Россия в XX веке. Судьбы ист. науки. М., 1996. С. 43–51.

¹²⁰ Названия условные. – Г. И.

«Красная» историография проблемы

I. Дефицит источникового материала, особенно архивного. 1 июня 1918 г. приняли декрет «О реорганизации и централизации архивов в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике»¹²¹. В развитие его положений был проведен ряд мероприятий, позволивших создать стройную систему государственных архивов Советской России. В 1919 г. издали декрет Совнаркома, в котором на основании закона о централизации архивного дела указали, что все оконченные дела советских учреждений, профсоюзных и кооперативных организаций после пяти лет хранения передаются ими в исторические архивы¹²². Данным документом решался вопрос о создании в стране исторических архивов, хранящих материалы по истории революции и Гражданской войны¹²³.

Создавалась и система военных архивов. Приказом Реввоенсовета Республики № 399 от 7 декабря 1918 г. архивы всех управлений, учреждений, заведений, штабов Народного комиссариата по военным и морским делам передавались в ведение Главного управления архивным делом¹²⁴. В то время многие документы поступали в хранилища Военно-учетного архива при Военно-исторической комиссии Всероссийского главного штаба. К началу работы комиссии на 1 июля 1918 г. в Московском отделении ВУА имелось уже более 1 млн дел¹²⁵. В конце 1919 г. приняли решение выделить фонды Красной армии из Военно-учетного архива и создать самостоятельный архив Красной армии. Правда, вряд ли правомочно говорить о свободном доступе к докумен-

¹²¹ См.: ДСВ. Т. 2. М., 1959. С. 383–384.

¹²² См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1919. № 2. С. 393.

¹²³ Более подробно см.: Малахов В. В. Документы Советского государства в архивах СССР // Тр. историко-арх. ин-та. Т. 4. М., 1948. С. 6–7.

¹²⁴ См.: Кузнецов Ф. Е. Фонды центральных государственных военных архивов СССР и их научное использование // Там же. С. 87.

¹²⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1039. Л. 97.

Г. М. Ипполитов

там формирующихся советских архивов широкого круга исследователей: у высшего большевистского руководства наблюдалось пристрастие к созданию обстановки секретности в работе с документами в государственных учреждениях¹²⁶.

II. Большевистское руководство создавало условия для того, чтобы историки использовали в методологической основе исследований труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Тому способствовало, в частности, то, что с 1918 г. началось издание массовыми тиражами произведений классиков марксизма-ленинизма. Это была инициатива В. И. Ленина, который 25 мая 1918 г. на заседании Совета народных комиссаров поставил вопрос о переводе и издании материалистической и особенно марксистской литературы¹²⁷. В итоге, в 1918 г. в честь 100-летия со дня рождения К. Маркса выпустили серию популярных брошюр и очерков о его жизни, революционной, научной деятельности с изложением основ марксистского учения¹²⁸.

III. Проблема истории Гражданской войны, по ее ходу, живо интересовались политические лидеры РКП(б) – В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Я. М. Свердлов. Примечательно, что, когда шли масштабные боевые действия на фронтах Гражданской войны, В. И. Ленин уже заботился о написании ее истории. 6 апреля 1920 г. он написал В. В. Адоратскому в Казань письмо, в котором поднял проблему изучения истории Гражданской вой-

¹²⁶ Более подробно см., напр.: *Коротков А. В.* Военные архивы в первые годы Советской власти (1918–1921 гг.) // Советские архивы. 1990. № 4. С. 56–66.

¹²⁷ См.: *Покровский М. Н.* Десять лет Коммунистической академии // Вест. Коммунистической академии. 1928. № 28 (4). С. 7.

¹²⁸ См.: *Луначарский А. В.* Карл Маркс. Пг., 1918; *Ярославский Ем. К.* Маркс и Ф. Энгельс. М., 1918; *Стеклов Ю.* Карл Маркс, его жизнь и деятельность 1818–1883. М., 1918 и др. Вышли в свет работы, посвященные Ф. Энгельсу (см.: *Быстрянский В. Ф.* Энгельс (1820–1920). К его характеристике. Пг., 1920; *Дволайцкий Ш. М.* Фридрих Энгельс. Его жизнь и деятельность. М., 1919; *Логинов И.* Фридрих Энгельс. Материалы к библиографии его сочинений. Пг., 1920 и др.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

ны: «Можете ли собрать материалы для истории гражданской войны и истории Советской республики? Можете ли вообще собрать в Казани эти материалы? Могу ли помочь? Комплекты «Известий» и «Правды»? Многочего не хватает? Могу ли я помочь достать недостающее?»¹²⁹ Отдельной констатации заслуживает следующий факт: В. И. Ленин не только интересовался, но и сам принимал деятельное участие в разработке истории Гражданской войны. В 1919 г. ЦК РКП(б) планировал подготовить научное издание по ее истории. Вынашивался замысел, как явствует из справочных материалов, подготовленных в связи с вышеизложенным замыслом и сохранившихся в РГАСПИ, привлечь к его подготовке в качестве одного из соавторов В. И. Ленина¹³⁰. Представляется важным особо подчеркнуть следующее обстоятельство. Сочинения Ленина, Троцкого, Сталина, других большевистских лидеров в период Гражданской войны следует, в большей степени, расценивать с позиций их уникальности с точки зрения источниковедческой, имея в виду, что между трудами историографического и источниковедческого плана существует тесное диалектическое единство. Поэтому ниже будет дана им характеристика именно в источниковедческом плане. Разумеется, я не стал придерживаться схемы, являющейся печальным наследием советской историографии, когда изучению подвергались, прежде всего, труды Ленина и его ближайших соратников, не объявленных к тому или иному периоду «врагами народа». Основной акцент сделан на другой разнообразной литературе, составляющей массив «красной» историографии проблемы. Но не впал и в другую крайность. Вывести полностью из исследовательского поля труды большевистских лидеров (а такие попытки иногда встречались в постсоветской историографии, да и сегодня они есть) невозможно. И кто пытается делать это, встает на позиции лженауки.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 176.
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 528. Л. 82–83.

IV. Созданная в штабе РККА Военно-историческая комиссия, претерпев ряд трансформаций в 1918–1920 гг., занявшись предметно изучением исторического опыта Первой мировой и Гражданской войны, задала определенный исследовательский импульс положительной силы и в изучении рассматриваемой в монографии проблемы¹³¹.

V. Сложности взаимоотношений советской власти с историками, сформировавшимися в качестве ученых в дореволюционной России. Большевистское руководство принимало энергичные попытки привлечения к сотрудничеству бывших преподавателей общественно-гуманитарных наук из царских вузов, разумеется под жестким контролем ЦК РКП(б). Судя по воспоминаниям М. Н. Покровского, В. И. Ленин говорил ему: «Свяжите их (бывших преподавателей общественно-гуманитарных наук из царских вузов – Г. И.) твердыми программами, давайте им такие дела, которые отчетливо заставили бы их объективно стать на нашу точку зрения»¹³².

Но старые научные кадры не имели достаточного творческого желания заняться научной разработкой проблематики еще идущей Гражданской войны. О том свидетельствует, например, текстологический анализ дневниковых записок видного отечественного историка Ю. В. Готье. Он (так же, как и многие его коллеги из профессуры и доцентуры царских вузов) относился весьма скептически к возможности плодотворного сотрудничества с советской властью в сфере научного исторического творчества¹³³. Правда, имелись и исключения: видный российский

¹³¹ Более подробно см.: Зарождение и развитие советской военной историографии. 1917–1941. М., 1985. С. 6–7; Ростунов И. У истоков советской военной историографии // ВИЖ. 1967. № 11; Алексеев Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.) и др.

¹³² Цит. по: Покровский М. Н. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1933.

С. 21.

¹³³ См.: Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997.

историк Р. Ю. Виппер, писавший, что в царское время его избрали в Русское военно-историческое общество, но он не посещал его заседаний. Однако, будучи избранным в состав военно-исторической комиссии в 1919 г., Виппер так увлекся ее работой, что «не пропускал ни одного заседания»¹³⁴.

VI. Привлечение советской властью к военно-научной работе большого числа крупных военных специалистов царской армии. Только в течение 1918 г. на службе у нового политического режима состояло 679 выпускников Николаевской Академии Генерального штаба – интеллектуально и профессионально наиболее подготовленных представителей почти 300-тысячного (на осень 1917 г.) офицерского корпуса Русской армии¹³⁵. В числе сотрудников Военно-исторической комиссии фигурировали бывшие генералы К. К. Баиов, М. Д. Бонч-Бруевич, А. М. Зайончков-

¹³⁴ Виппер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 47. Между тем, гипотетически можно предположить, что ни Ю. В. Готье, ни Р. Ю. Випперу, несмотря на полярность их суждений, вряд ли бы могла по нравиться, например, такая официальная позиция, прозвучавшая в прессе: «С момента же установления диктатуры пролетариата проповедь коммунизма становится государственной задачей», – вещали «Известия Воронежского губкома РКП(б) (Против кустарничества и распыления сил. (Об агитационно-пропагандистской работе) // «Изв. Воронежского губкома РКП(б)». 1920. 30 авг.) Впрочем, изложенное выше, – только гипотеза. Не более. Поскольку среди действующих «старых» академиков обнаружилось совсем немного сторонников марксизма и самой советской власти, принимается решение о создании научных центров, параллельных с академическими. В июне 1918 г. издается декрет об учреждении Социалистической академии, в августе ВЦИК утверждает список действительных членов академии, а 1 октября она открывается. В августе 1920 г. организуется Комиссия по истории партии (Истпарт). Она быстро монополизировала все дело о хранении, обработке, издания документов и изучения Октябрьской революции и партии большевиков – не случайно, очень скоро ее переводят из ведения Наркомпроса в ведение ЦК РКП(б) (более подробно см.: Алексеев Г. Д. Историческая наука в России после победы Октябрьской революции. С. 43–51).

¹³⁵ См.: Каминский В. В. Русские генштабисты в 1917–1920 гг. // ВИ. 2002. № 12. С. 40–51.

ский, Е. И. Мартынов, Д. П. Парский, А. А. Свечин, А. Е. Снеса-рев и др. Именно старые военные специалисты стали инициаторами обсуждения единой военной доктрины в советской печати (в частности, на страницах журнала «Военное дело»¹³⁶). Но за односторонность подхода и приверженность старым принципам они были подвергнуты жесткой критике.

«Белая» историография проблемы

I. Политические режимы белых, как это ни парадоксально, но создали обстановку, в которой можно было говорить (правда, с очень большой долей условности) об относительной творческой свободе историков. На территориях, подконтрольных белым правительствам, не имелось столь жесткой цензуры, как в большевистской России. Здесь функционировали газеты и журналы, альтернативные правительственным изданиям, за исключением большевистских и других левых газет и журналов, находившихся под запретом. Общественное мнение находило выражение через деятельность различных кооперативных и общественных организаций, функционировали в полную силу всевозможные культурно-просветительные и образовательные учреждения и т. д.¹³⁷

II. На территориях, подконтрольных белым политическим режимам, имелся в наличии большой корпус интеллигенции.

III. В государственных образованиях белых не было, в отличие от Советской России, высокой степени консолидации политических сил. Собственно говоря, приходится вести речь об их конгломерате, раздиравшемся внутренними противоречия-

¹³⁶ См.: Военное дело. 1918. № 6.

¹³⁷ Более подробно см., напр.: *Еремеева А. Н.* «Под рокот гражданских бурь...» (Художественная жизнь юга России в 1917–1920 годах). СПб., 1998; *Зимина В. Д.* Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград, 1997 и др.

ми. Как следствие, жесткая конфронтация различных социально-политических сил¹³⁸.

IV. Не имелось соответствующей источников базы. Исследователям приходилось довольствоваться только материалами периодической печати. Весьма проблематичной являлась степень правдивости информации, содержащейся в газетах и журналах. О доступе же к текущим архивам белых правительств и белой армии речи быть не могло по соображениям сохранения государственной и военной тайны.

V. Вся «белая» историография, следует подчеркнуть, не столь многочисленна и в количественном отношении уступает «красной».

Как видно, факторы довольно разные.

«Красная» историография проблемы

Историографический анализ показывает то, что, несмотря на сложности, объективно обусловленные интенсивными и масштабными боевыми действиями, уже в 1918–1919 гг. появились первые публикации, имевшие отношение к Гражданской войне на Юге России¹³⁹. В данных публикациях освещалась, в опреде-

¹³⁸ Более подробно см., напр.: *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Т. 4, 5. Мн., 2002; *Врангель П. Н.* Записки. Южный фронт (1916–1920): в 3 ч. М., 1991; *Савич Н.* Закат белого движения // Москва. 1991. № 11. С. 17–68; № 12. С. 104–146; К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России: неизданные документы П. Б. Струве // Мосты (Мюнхен). 1970. Кн. 15. С. 415–439; Из истории гражданской войны. Письма, доклады, записки Н. И. Астрова А. И. Деникину // Новый журнал (Нью-Йорк). 1986. Кн. 63; *Маргулис М. С.* Из дневника // Юденич под Петроградом. Л., 1927. С. 150–189; *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории внешнеполитического ведомства 1917–1920: в 2 кн. М., 1994; *Родзянко А. П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921; *Федюк В. П.* Деникинская диктатура и ее крах. Ярославль, 1993; *Федюк В. П., Ушаков А. И.* Белый Юг, ноябрь 1919 – ноябрь 1920; М., 1999; *Ипполитов Г. М.* Указ. соч. (о А. И. Деникине); *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009; *Silverlight G.* The victors dilemma: allied intervention in the Russian civil war 1917–1920. N. Y., 1970; *Rosenberg W. G.* Liberals in Russian revolution: the constitutional-democratic party. 1917–1921. Princeton, 1974; и др.

¹³⁹ См.: *Гусев С. И.* О военном положении республики // Изв. 1919. 29 окт.; Что сделала Красная армия за год. М., 1919; *Новиков С. И.* Три года борьбы астраханского пролетариата. Астрахань, 1920 и др.

ленной степени, и тема моей монографии (в контексте борьбы советской власти с Деникиным).

Была даже издана брошюра, в которой поднимались аспекты, связанные с экономическим значением советского Южного фронта (на фоне его боевых действий)¹⁴⁰. М. Лацис, крупный деятель ВЧК, поведав «правду о красном терроре», убеждал читателей, что это – адекватный ответ на белый террор, приводя примеры, в том числе, происков деникинской разведки¹⁴¹. Отдельные аспекты борьбы против Деникина на Украине затронул в своей работе М. Рафес¹⁴². Имеется некоторый материал о деникинщине и в публикациях по проблемам партийно-политической работы в РККА. Он подан в ключе психологической войны с противником по принципу контраста: все, что делают красные, есть добро, а то, что делают деникинцы, – зло¹⁴³.

Появилась и популярная литература, близкая к публицистике, издаваемая политуправлениями фронтов, местными партийными комитетами РКП(б). Так, Т. Толоконников, бичуя «иуду Врангеля», не позабыл наградить уничтожительными эпитетами и его предшественника на посту единоличного военного диктатора белого Юга России Деникина¹⁴⁴. Вряд ли можно расценивать изложенное выше более, чем факт публикации. Вся подобная агитационная литература – потребности психологической войны.

Особенно следует выделить первые работы по истории Красной армии и по некоторым ее боевым операциям¹⁴⁵, а так-

¹⁴⁰ См.: Новиков С. И. Экономическое значение Южного фронта. Изд-во Политотдела 10-ой армии Южного фронта, 1919.

¹⁴¹ Лацис М. Правда о красном терроре // Изв. ВЦИК. 1920. 6 февр.; Он же. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920.

¹⁴² Рафес М. Г. Два года революции на Украине. М., 1920.

¹⁴³ См.: Смилга И. Политическая работа в Красной армии // Год Красной армии. Самара, 1919; О новых формах агитации и пропаганды: сб. ст. / под ред. Д. Фурманова. Б. м., 1919; Краткий очерк культурно-просветительной работы в Красной Армии. М., 1920; и др.

¹⁴⁴ См., напр.: Толоконников Т. Французская буржуазия и Иуда Врангель. М., 1920.

¹⁴⁵ См.: Гусев С. И. О военном положении республики // Изв. 1919. 29 окт.; Малиновский Л. П. К новой армии. М., 1919; Что сделала Красная армия за год. М., 1919; и др.

же материалы, вошедшие в сборники Военно-исторической комиссии¹⁴⁶. В 1919 г. она, на базе имевшихся в штабах документов, выпустила монографический труд по истории Гражданской войны, в котором предпринята попытка анализа основных операций 1918 – 1919 гг.¹⁴⁷ В трудах же Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914 – 1918 гг. был опубликован специальный очерк, посвященный анализу наступательных операций Южного фронта за период январь – май 1919 г.¹⁴⁸

В целом же, по всей Гражданской войне обобщение опыта боевых действий было впервые осуществлено в 1920 г. в сборнике «Фронты Красной армии и флота»¹⁴⁹. В нем показывались основные операции на Северном, Западном, Украинском, Южном, Каспийско-Кавказском и Восточном фронтах. Здесь уже тема борьбы с Деникиным освещается более предметно, чем в публикациях, указанных выше.

Таким образом, «красная» историография исторической персоналии генерала Деникина в «оболочке» деникинщины имеет ярко выраженную агитационно-пропагандистскую направленность. Подобной литературы не так много в количественном отношении, и она несовершенна по содержанию. Историческая персоналия Антона Ивановича не рассматривается по-целевому. Только его деяния освещены по канонам психологической борьбы с противником.

Но изложенное выше не может служить основанием для недооценки «красной» историографии исследуемой в моногра-

¹⁴⁶ Военно-исторический сборник : тр. воен.-ист. комиссии. М., 1919.

Вып. 1–4.

¹⁴⁷ См.: Гражданская война в России в 1918–1919 гг. М., 1919; Отчеты об операциях Красной армии и флота. М., 1920.

¹⁴⁸ См.: Гражданская война в России 1918/19 гг. Стратегический очерк на ступательных операций Южного фронта за период январь – май 1919 // Труды Комиссии по исследованию использованию опыта войны 1914–1918 гг. М., 1919.

¹⁴⁹ См.: Фронты Красной армии и флота : сб. ст. к съезду Советов / под ред. и с предисл. Главнокомандующего всеми Вооруженными силами Республики С. С. Каменева. М., 1920.

фии проблемы. В сравнительно небольшом массиве проанализированной литературы редко, но все же можно встретить оригинальные мысли, по крайней мере постановочного плана, имеющие отношение к военно-политической деятельности генерала Деникина во время братоубийственной бойни¹⁵⁰. Это еще несо-

¹⁵⁰ Возможно, что кого-то смутит частое употребление речевых конструкций типа «безумие братоубийства», «братоубийственная бойня», когда речь идет о Гражданской войне в России. Но подобные эмоциональные и образные оценки исторического феномена российской Гражданской войны – моя научная, гражданская и нравственная позиция. Под каким бы углом зрения ни оценивалась Гражданская война в исторических источниках и литературе, ее сущность и содержание – безумие братоубийства, Молох которого пожрал почти 13 млн человек (*Поляков Ю. А.* Советская страна после окончания Гражданской войны. Территория и население. М., 1986. С. 98.) Можно, конечно, спорить (особенно, если оставаться апологетом марксистско-ленинского классового подхода к оценке событий и явлений в истории), но, в конечном итоге, нельзя не согласиться с Волошиным, утверждавшим, что молитва во время Гражданской войны может быть только за тех и за других. «*Когда дети единой матери (России – Г. И.) убивают друг друга, надо быть с матерью, а не с одним из братьев*» (*Волошин М.* Россия распятая // Юность. 1990. № 10. С. 29.) ... А вот оценка безумия братоубийства, данная Мариной Цветаевой: *Все рядом лежат – / Не развесть межой. / Поглядеть: солдат. / Где свой, где чужой? / Белый был – красным стал. / Кровь обагрила. / Красным был – белый стал: / Смерть побелила.* Сегодня, когда мы знаем о годах второй русской смуты значительно больше, нежели в советское время, можно утверждать, что и красные, и белые, и «зеленые», и «жовтоблакитные» – все они являлись детьми великой России, «*кровью умытой*» (В кавычки взято выражение писателя Артема Веселого. Так он назвал свою книгу о Гражданской войне – Г. И.). «*Дети страшных лет России*» ... Убивая друг друга, они верили, что желают блага Отечеству, не понимая, что это был как раз тот случай, когда благими намерениями вымачивалась дорога в ад. *А воздух Отчизны, Приятный и синий, / Да тонкая пыль Деревенских дорог. / Они за Россию, / И мы за Россию, / Корнет Оболенский, / Так с кем же наш БОГ?* Точно заметил автор-исполнитель собственных песен М. Звездинский. Видимо, некоторые из тех, кто проливал братскую кровь, убеждаясь, что кровь людей не меняет цвета в зависимости от классовой принадлежности, задумывались: с кем же наш Бог? Но вряд ли они могли дать в то время исчерпывающий ответ... Только нам, их не столь далеким потомкам, надлежит разобраться в хитросплетениях Гражданской войны. Помня, что, изучая деяния «*детей страшных лет России*», не стоит выступать в роли прокурора или адвоката. Главное: не восхищаться и не проклинать, а изучать, извлекая уроки, суть которых – подобное действие не должно повториться. – Г. И.

вершенная литература, далекая до канонов академической науки. Однако она может расцениваться несколько выше, нежели просто как историографический факт. Получили, например, первую разработку военные аспекты борьбы с Деникиным в рамках набравшей силу военной историографии Гражданской войны.

«Белая историография» проблемы

Под ней подразумеваются публикации, увидевшие свет на белом Юге России в годы Гражданской войны в условиях, когда противоборствующие стороны вели, наряду с боевыми действиями, жестокую психологическую войну, что, безусловно, наложило специфический отпечаток на публикации о генерале Деникине. Все это усугубилось тем, что авторы таких публикаций – участники Белого движения, бывшие непосредственными участниками революции и Гражданской войны, не имевшими специальной подготовки для проведения исторических исследований. В то же время, о личности и деяниях вождя Белого движения в Гражданской войне на Юге России авторы писали предметнее, нежели авторы, творившие на территории, подконтрольной советской власти.

Историографический анализ показывает то, что первые произведения о Деникине – воспоминания¹⁵¹ участников процесса генезиса Белого движения, формирования Добровольческой армии и ее I Кубанского («Ледяного») похода, изданные в 1918–

¹⁵¹ Ясно, что по канонам исторической науки мемуары – *исторический источник*. Однако мемуаристика содержит в себе отображение связи индивидуального и социального в описываемых событиях. Поэтому она обретает свойства *историографического источника*, потребного для решения задач проблемно-тематической историографии. На подобное свойство мемуаров обращалось внимание ученых в современной историографии (см., напр.: *Ушаков А. И.* Современная отечественная историография антибольшевистского движения в годы Гражданской войны в России. М., 2004). Думается, что правомочно анализировать мемуаристику в некоторых случаях в качестве *историографического источника*, не забывая, между тем, что все-таки мемуаристика, главным образом, – все-таки *исторический источник*. – Г. И.

1919 г. на белом Юге России¹⁵². Несмотря на то, что им свойственна героизация добровольчества, значимость трудов усиливается следующими обстоятельствами:

1) в отличие от классической мемуаристики, писавшейся, как правило, с определенной временной дистанции, анализируемые работы издавались по горячим следам непосредственными участниками событий¹⁵³;

2) на фоне восторженно-эмоциональных оценок проскальзывают и робкие критические мнения о деятельности генерала. И хотя это не доминирующая тенденция, но современному исследователю она помогает при анализе роли и места Деникина в период генезиса Белого движения в Гражданской войне на Юге России, формирования Добровольческой армии и ее I Кубанского похода достигать более взвешенных и объективных оценок.

Перекликаются с проанализированной выше группой литературы и работы деникинских пропагандистов о своем вожде. Они прагматичны по своему характеру: *апологетика Белого вождя и его деяний*¹⁵⁴. И хотя в них имеются небезытересные све-

¹⁵² См.: *Иловайский В.* Год пути (жизнь Добровольческой армии). Ростов-н/Д., 1919; *Волин В.* Дон и Добровольческая Армия (Краткий исторический очерк со дня возникновения армии по 1/14 ноября 1918 г.). Изд. 2-е. Харьков, 1919; *Он же.* Дон и Добровольческая армия. Очерки недавнего прошлого. Ростов-н/Д., 1919; Кубанец. 1917–1918 год на Кубани (со включением истории 1 Кубанского похода). Екатеринодар, 1919; *Борин К.* Первые вожди Добровольческой армии и их взгляды на задачи ее. Ростов-н/Д., 1919; *Суворин (Алексей Прошин).* Поход Корнилова. 2-е изд. Ростов-н/Д., 1919; *Крюков.* Юнкера в Кубанском походе // *Донская волна.* 1919. № 33 (61). С. 14–15; *Новицкий И.* Эпоха гражданской войны // Там же. С. 18–21; и др.

¹⁵³ Еще работая в свое время над докторской диссертацией, исследовав архивные документы, имеющие отношение к вышеуказанному периоду, я пришел к выводу: расхождения с данными, опубликованными в работах, незначительные. – Г. И.

¹⁵⁴ См.: Кто такой Деникин? Харьков, 1919; Деникин идет к Москве. Издание осведомительной канцелярии 3 Армии. Б/м.; Б/г; Генерал А. И. Деникин в Одессе / под ред. С. Москвина с краткой биографией генерала А. И. Деникина. Одесса: Изд-во Отдела пропаганды, 1919; *Щелкин Г.* Генерал Деникин. Новочеркасск, 1919; *Нижегородцев А.* Почему Добровольческая Армия воюет против коммунистов Ленина и Троцкого? Харьков, 1919; Краткая записка истории взаимоотношений Добровольческой Армии с Украиной. Ростов-н/Д., 1919; и др.

дения официального характера о политической деятельности Деникина на белом Юге России, а также и об отдельных особенностях его стиля командования войсками, **агитационный характер брошюр** не позволяет их рассматривать в качестве серьезных историографических работ.

Подобную оценку можно дать еще ряду публикаций, посвященным историческим персоналиям белого Юга России, или слабо агитационным, очерковым, в которых фигурирует и Деникин. Например, в небольших брошюрах Б. Будиловича и Н. Туземцева о генерале Корнилове имеются упоминания о его соратнике генерале Деникине¹⁵⁵. Но таких работ не очень много¹⁵⁶. Есть также небольшой материал именно о генерале Деникине, выдержанный все в том же апологетическом ключе, в осваговском издании, раскрывающем жизнь и быт Добровольческой армии¹⁵⁷. О взаимодействии Донской армии и Добровольческой армии, а, следовательно, и о роли Деникина, как главкома ВСЮР, говорится в Отчете командующего Донской армией по оперативной части к концу сентября 1919 г.¹⁵⁸

Особая группа литературы – немногочисленные публикации о деятельности генерала в 1917 г. Так, начальник штаба одной из дивизий Западного фронта Я. Лисовой вспоминал о встрече Деникина с Керенским в период подготовки летнего наступления русской армии в 1917 г.¹⁵⁹ Автор ярко описал внешнее по-

¹⁵⁵ См.: *Будилович Б.* Чем был Корнилов для России. Екатеринодар, 1918; *Туземцев Н.* Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ростов-на/Д., 1919.

¹⁵⁶ См., напр.: *Камилин Я.* Генерал Сергей Леонидович Марков. Ростов-н/Д., 1919; *Кириллин Ф.* Основатель и верховный руководитель Добровольческой армии генерал М. В. Алексеев. Ростов-н/Д., 1919; *Аврамов А.* Генерал А. Г. Шкуро. Ростов-н/Д., 1919; *Лембич М.* Великий печальник: Верховный руководитель Добровольческой армии генерал М. В. Алексеев. Омск, 1919 (эта работа тематически примыкает к работам, изданным на Юге России. – Г. И.)

¹⁵⁷ См.: За Родину: сборник очерков и рассказов из жизни и быта Добровольческой армии. Вып. 1. Одесса: ОСВАГ, 1919.

¹⁵⁸ См.: Отчет командующего Донской армией по оперативной части к концу сентября 1919 г.: Краткий обзор. Новочеркасск, 1919.

¹⁵⁹ См.: Главнокомандующий генерал Деникин и главноговаривающий Керенский // *Донская волна.* 1918. № 1. С. 5–8.

ведение генерала, не согласного с политикой Временного правительства. А журналист В. Севский раскрывает побудительные мотивы поддержки генералом корниловского мятежа, показывает его поведение в быховской тюрьме. Правда, автор, явно симпатизируя своему герою, создал, в какой-то степени, его лубочный портрет¹⁶⁰.

Таким образом, можно констатировать, что на белом Юге России параллельно издавались два вида литературы – относительно независимая от властей и официальная, выражающая точку зрения Деникина и его правительства. Достоверность некоторых данных вызывает порою сомнение и требует дополнительной экспертизы на точность, так как психологическая война сыграла здесь далеко не последнюю роль¹⁶¹. Здесь нет научных исследований, имеющих отношение к объекту и предмету монографии. Анализируемая выше историография представляет определенную научную ценность. Но основное ее содержание – фактография¹⁶² на злобу дня, подготовленная под непосредственным воздействием огромного эмоционального заряда на авторов публикаций.

Аналитический материал, освещенный выше, дает основания для синтеза **основных историографических тенденций**.

«Красная» историография проблемы:

1. Недостаточность по количеству литературы и несовершенное содержание.
2. Источниковедческая база ограничивалась, в основном, опубликованными материалами, архивные же источники почти не привлекались.

¹⁶⁰ См.: Севский В. Генерал Деникин // Донская волна. 1918. № 2. С. 3.

¹⁶¹ Ясно, что психологическая война сыграла здесь далеко не последнюю роль. – Г. И.

¹⁶² *Фактография* – описание фактов без их анализа, обобщения. Фактографический – характеризующийся фактографией.

3. В проанализированных работах получили первую разработку военные аспекты борьбы с Деникиным в рамках набиравшей силу военной историографии Гражданской войны.

4. Деникин, как личность, по-целевому не рассматривался. Освещались только его деяния, причем, по канонам психологической борьбы с противником.

«Белая» историография проблемы:

1. Персонифицированный подход к освещению личности генерала Деникина.
2. Наличие воспоминаний, написанных по горячим следам, в которых фигурирует Антон Иванович.
3. Элементы апологетики деяний вождя Белого дела, с одной стороны, и робкие критические замечания – с другой.
4. Жесткая обусловленность публикаций агитационного характера о Деникине реалиями психологической борьбы с противником.

* * *

Итак, предыстория истории изучения исторической персоналии Деникина состоялась. Но если вести речь об освещении именно исторической персоналии вождя Белого дела, то придется констатировать, что это произошло только в «белой» историографии рассматриваемой проблемы.

В «красной» же историографии, имеющей отношение к генералу, его образ обезличен и загнан в жесткую схему монстра – ярого врага советской власти, которого надо уничтожить. Все это разукрашено уничижительными метафорами и эпитетами. Здесь налицо реалии психологической войны.

Не приходится в рамках предыстории истории изучения исторической персоналии генерала Деникина вести речь о научных разработках. Было бы невероятным, если бы они в условиях, когда Люцифер правил свой бал на полях, превращенных в плацдармы, на которых россияне с сатанинской одержимостью стре-

Г. М. Ипполитов

ляли друг в друга, все-таки появились. Хотя кое-какие элементы научного подхода можно усмотреть в «красной» историографии рассматриваемой проблемы, в работах, где освещаются военные аспекты борьбы с Деникиным.

В целом, проанализированную предысторию истории изучения исторической персоналии генерала Деникина не следует недооценивать. Это уникальный историографический феномен, без понимания которого невозможно полно осветить объект и предмет исследования моей монографии.

Глава III

КОГДА СВОБОДУ ТВОРЧЕСТВА СКОВАЛИ И БРОСИЛИ В ТЕМНИЦУ: ДЕНИКИНЩИНА В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1920-е – первая половина 1950-х гг.)

Это сладкое слово «свобода» и ее угасание: советская историческая наука в исследуемом периоде. – Деникинщина в историографических источниках, изданных в условиях относительной творческой свободы и ее исчезновения (1920-е – первая половина 1930-х гг.). – Культ личности И. В. Сталина и советская историческая наука. – Деникинщина в измерениях сталинской теоретико-методологической парадигмы (вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х гг.).

*Первая заглавная буква новых дней свободы
так часто пишется чернилами смерти.*

В. Хлебников

*Поймали птичку голосисту И ну
сжимать ее рукой. Пищит бедняжка
вместо свисту, А ей твердят: «Пой,
птичка пой!»*

Г. Р. Державин

*Я убежден, что абсолютно нет никакого
предела абсурду, который может получать
общее признание под соответствующим
правительственным давлением.*

Бертран Рассел

После Гражданской войны советская наука истории в хронологических рамках, означенных выше, прошла сложный и драматический, а временами и трагический путь. Это было время, насыщенное рядом уникальных явлений, детерминировавших ее развитие. И если в 1920-е – первой половине 1930-х гг. историки вкусили, что значит свобода научного творчества (разумеется, относительная), которая, правда, быстро свертывалась, то во второй половине 1930-х – первой половине 1950-х гг. молодая советская историография попала в тиски прогрессирующего культа личности И. В. Сталина.

Советская историческая наука в условиях наличия и затухания относительной творческой свободы. В то время шел поиск путей дальнейшего развития исторической науки в условиях становления молодого Советского государства. Марксистская методология пыталась доминировать, но пока что не являлась монополюющей. Она сталкивалась с методологическими подходами дореволюционных российских исторических школ. Относительно мирно существовали оставшиеся представители старой и новой исторической науки. Однако данные отношения постепенно усложнялись, что сопровождалось неуклонным вытеснением представителей старой исторической науки с руководящих постов в научных учреждениях. И со второй половины 20-х гг. XX в., начинается медленное, но уверенное затухание относительной творческой свободы историков.

Происходит и постепенное внедрение марксистской методологии исследования, оформление марксистских научных заведений и учреждений. Появляется и господствующая группа историков во главе с М. Н. Покровским, которая берет на себя функцию авангарда советской истории, бойцов с научной и политической оппозицией. Процесс медленного, но уверенного затухания относительной творческой свободы историков являет собой поучительную историю. Здесь можно выделить знаковые события.

Характерно, что наиболее значимые из них произошли в 1929 г., то есть в момент начала «великого перелома» – окончательного свертывания новой экономической политики и наращивания усилий в реализации курса на построение социализма в отдельно взятой стране¹⁶³.

Вначале прозвучал призыв М. Н. Покровского, официального рупора советской исторической науки, к переходу в «наступление на всех научных фронтах». Началась «чистка» в АН СССР. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о привлечении к суду группы историков – членов Академии наук. Было сфабриковано печально известное «академическое дело», где одним из главных обвиняемых фигурировал известный отечественный историк С. Ф. Платонов¹⁶⁴.

¹⁶³ См., напр.: *Сталин И. В.* Год великого перелома // Правда. 1929. 7 ноября; *Харитонов А. П.* Ленинско-сталинская теория о построении социализма и коммунизма в одной стране // Уч. зап. Казанского юрид. ин-та. М., 1940. Вып. 1. С. 3–40; *Васецкий Н.* Сталин: борьба за лидерство в партии // Свободная мысль. 1992. № 2; *Гордеев И. П.* Эпоха тоталитаризма // Государство и право. 1995. № 2; *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. Гл. 1.; *Жирнов Е.* 80 лет великому кризису // Коммерсант, власть. 2009. № 1. 19 янв.; *Зеленин И. Е.* «Революция сверху»: за вершение и трагические последствия [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/pyzh03vr.htm>. – Загл. с экрана; *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879 – 1929. М., 1991 и др.

¹⁶⁴ «Академическое дело», сфабрикованное сотрудниками ОГПУ, стало завершением той кампании, которую вело партийное и советское руководство против «буржуазной интеллигенции» в Академии наук, до конца 1920-х годов еще сохранявшей какие-то признаки автономии. Были арестованы 4 академика (С. Ф. Платонов, Е. Н. Тарле, Н. П. Лихачев и М. К. Любавский), арестовано или привлечено к следствию 9 член-корреспондентов АН СССР. Большая часть арестов произведена в Ленинграде. Арестованные в других городах (Москве, Минске, Свердловске) этапированы в Ленинград. Большинство пострадавших являлись историками, поэтому дело это часто называли «делом историков». Среди арестованных находились и другие специалисты, в частности, геологи и географы (см., напр.: Академическое дело. 1929–1931 гг. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. Ч. 1, 2. СПб., 1998; *Измозик В. С.* Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. СПб., 1995; *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова // ВИ. 1989. № 5; *Брачев В. С.* Крестный путь русского историка. Академик С. Ф. Платонов и его «дело». СПб., 2005; и др.).

Затем другой видный научный и общественно-политический деятель М. С. Ольминский в письме в журнал «Пролетарская революция» резко протестовал против продолжения публикации работ, мемуаров и другой литературы, написанной противниками советской власти. «Возможно, что в этом ворохе контрреволюционного хлама промелькнут факты, полезные и для нас, – писал он. – Но зачем же перепечатывать этот хлам целиком? Не полезнее ли бы предоставлять это благодарное занятие заграничной белогвардейщине? А то получается, что цари и их чиновники и эсеровские или меньшевистские контрреволюционеры и коммунисты – все валится на одну кучу под именем «Истории революции»... Для них, для пропаганды их идей, все такие издания клад, и эти издания должны раскупаться для контрреволюционных целей, какими бы большевистскими примечаниями и предисловиями они ни сопровождалась, даже очень дельными»¹⁶⁵.

10 ноября 1929 г. в газете «Правда» появился фельетон М. Кольцова «Упоительная книга». В нем автор возмущился обилием на книжных прилавках произведений белых эмигрантов¹⁶⁶. Вскоре у историков отняли возможность свободного исследования белых мемуаров и других оригинальных источников. А сам М. Кольцов, известный советский журналист, погиб в 1938 г., попав под жернова сталинского «большого террора».

Наконец, сказал свое веское слово и К. Е. Ворошилов. 21 декабря 1929 г. он опубликовал в «Правде» статью «Сталин и Красная Армия». Ее стержень – идеологическая установка на пересмотр принципиальных положений всей военной истории страны, начиная с 1917 г.¹⁶⁷

¹⁶⁵ Цит. по: *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 6.

¹⁶⁶ См.: *Кольцов М.* Упоительная книга // Правда. 1929. 29 нояб.

¹⁶⁷ См.: *Ворошилов К. Е.* Сталин и Красная Армия // Там же. 21 дек. Данная статья была издана в 1937 г. в отдельной брошюре, в которой поместили, кроме того, многие документы из истории Гражданской войны, связанные с деятельностью И. В. Сталина (см.: *Ворошилов К. Е.* Сталин и Красная армия. М.: Воениздат, 1937).

Мысли К. Е. Ворошилова нашли дальнейшее развитие в сборнике статей, посвященных 50-летию со дня рождения И. В. Сталина. В нем наметились яркие контуры пересмотра самой концепции истории Гражданской войны, в которой решающая роль в организации победы над белогвардейцами и интервентами приписывалась исключительно Сталину: «Где Сталин, там победа»¹⁶⁸. Преувеличивать роль И. В. Сталина в Гражданской войне начали к концу исследуемого периода и другие авторы¹⁶⁹.

С 1931 г. к удушению относительной творческой свободы историков вплотную подключается сам Сталин. Он начал практиковать посылку в центральные исторические издания писем, в которых, теперь уже в директивных формах, указывались методологические ориентиры для ученых. В первую очередь это касалось трактовки проблем истории партии большевиков. Но излагались и «универсальные рецепты» для подготовки исторических исследований. Например:

- 1) «.. клевету нужно заклеить, а не превращать в предмет дискуссии»;
- 2) нельзя вести дискуссии с фальсификаторами истории¹⁷⁰;
- 3) необходимо усиливать «классовую бдительность», обострять борьбу с буржуазной идеологией, выявлять «вредительство» как одну из главных опасностей для строительства социализма¹⁷¹.

И, наконец, в исследуемом периоде произошло еще одно знаковое событие в плане уничтожения относительной творческой свободы историков. 31 июля 1931 г. «Правда» опубликовала постановление ЦК ВКП(б) «Об издании «Истории Граждан-

¹⁶⁸ См.: Сталин : сб. ст. к 50-летию со дня рождения. М.-Л., 1930. С. 10, 44.

¹⁶⁹ См., напр.: За большевистскую разработку истории гражданской войны // Борьба классов. 1932. № 6. С. 1–7; *Данилов И.* За большевистскую историю гражданской войны // Знамя. 1933. № 6. С. 122–123.

¹⁷⁰ *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. М., 1946. С. 350–351.

¹⁷¹ См.: *Сталин И. В.* Соч. М., 1949. Т. 12. С. 10–16.

ской войны» в 10–15 томах для широких масс, в виде сборников научно-популярных статей и литературных произведений»¹⁷².

Кроме относительной творческой свободы историков, которая медленно, но уверенно затухала, развитие советской исторической науки в исследуемом периоде, в том числе и по рассматриваемой теме, детерминировалось еще рядом **явлений**:

1) противоречивое положение с источниковой базой исторических исследований и наличие разных подходов к ее использованию;

2) увеличение научно-исследовательских работ по общим проблемам истории Гражданской войны и продолжение издания работ, особенно в первой половине 1920-х гг., которые отличались популярностью и краткостью изложения, ограниченным привлечением документальных источников; создание исторических периодических изданий;

3) приход в историческую науку новой генерации историков-коммунистов, вплотную занявшихся изучением проблем истории Гражданской войны;

4) появление первых попыток историографического осмысления публикаций об истории Гражданской войны и выход в свет ряда работ научно-справочного и библиографического характера.

Противоречивое положение с источниковой базой исторических исследований и наличие разных подходов к ее использованию. Несомненно, положительно то, что продолжал совершенствовать свою деятельность архив Красной армии, который осуществлял базовую научную и техническую обработку документов, а также и их опубликование. Уже в 1932 г. в нем сосредоточилось до 2 млн единиц хранения материалов по Гражданской войне¹⁷³.

¹⁷² См.: Об издании «Истории Гражданской войны» в 10–15 томах для широких масс, в виде сборников научно-популярных статей и литературных произведений: Постановление ЦК ВКП(б) // Правда. 1931. 31 июля.

¹⁷³ См.: *Найда С. В., Наумов В. П.* Советская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. М., 1966. С. 7. Заметим и то, что выпустили в помощь работающим в архиве научно-справочное издание (см.: Архивы СССР. Архив Красной армии / сост.: А. К. Бочков, Е. Д. Дивчина, М. П. Ершов [и др.]. М., 1933).

Однако военные историки все же жаловались на недостаток архивных материалов. Об этом, в частности, писал А. С. Бубнов в предисловии к первому тому истории Гражданской войны¹⁷⁴. А в предисловии ко второму тому данного труда уже С. С. Каменев пожаловался читателям на то, что архивы «*влачат еще довольно жалкое существование*»¹⁷⁵.

Но в ноябре 1931 г. Сталин направил открытое письмо в журнал «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма». По сути, это был удар по источниковедению, так как архивные разыскания большевистский лидер оскорбительно назвал «*копанием в случайно подобранных бумагах*», а исследователей, которые строили свою работу на основе архивных материалов - «*архивными крысами*»¹⁷⁶. Таким образом, архивные разыскания и документальная основа исторических исследований - главное условие их достоверности и научности - ставились под сомнение. С 1931 г. архивы стали работать в режиме бесконечных ограничений и запретов¹⁷⁷.

Между тем, увидели свет и документы именно по российской Гражданской войне¹⁷⁸.

Следует подчеркнуть, что в источниковой базе резко увеличилась доля эгоисточников: в 1920-х гг. опубликовали отдельными книгами и в журналах около 600 названий мемуаров¹⁷⁹. Кро-

¹⁷⁴ См.: *Бубнов А. С.* Предисловие // Гражданская война 1918–1921. Т. 1. М., 1923. С. 7.

¹⁷⁵ *Каменев С. С.* Предисловие // Гражданская война 1918–1921 гг. Т. 2. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М.; Л., 1930. С. 8.

¹⁷⁶ П Р. 1931. № 6. С. 3–12.

¹⁷⁷ Правда, еще появлялись обзорные публикации об архивных находках (см., напр.: О работе по выявлению материалов по истории гражданской войны. О выявлении архивных материалов белых правительств // Бюллетень ЦАУ РСФСР. 1931. № 5. С. 11–14). Но это были последние всплески уходящей под давлением советской власти относительной творческой свободы историков. – Г. И.

¹⁷⁸ Их характеристика будет дана в отдельной главе монографии. – Г. И.

¹⁷⁹ См.: *Шерман И. Л.* Указ. соч. С. 36.

ме того, следует выделить в отдельную группу работы, классифицируемые как труды мемуарно-исследовательского характера. В них имеется большое количество документов, часть из которых можно расценивать как уникальные. Правда, авторам, не имевшим, как правило, базового исторического образования, не всегда удавалось качественно проанализировать имевшийся в их распоряжении документальный материал. Подобные работы можно расценивать как занимающие промежуточное положение между собственно мемуаристикой (видом исторического источника) и собственно научной литературой. В них можно почерпнуть интересный материал как источникового, так и исследовательского характера. Правда, исследовательского материала наличествует меньше¹⁸⁰.

Характерно, что авторы в то время могли использовать разнообразные работы о революции и Гражданской войне, издававшиеся в большом количестве в Советской России. Даже такой ярый противник большевизма, как В. Бурцев, писал Б. Николаевскому из Парижа, что ему в последнее время попадает много исторической литературы, которую он читает с увлечением. В. Бурцев восхищался тем, что в Советской России историки могут работать «в блестящих условиях». Он считал, что создается настоящая школа изучения русского революционного движения. Эта русская литература, заключает автор письма, не имеет широкого размаха в выборе тем. Он говорит, что в ней нет широты критики. Но то, что она теперь делает - огромное богатство, и в будущем «им можно прекрасно воспользоваться для изучения русского революционного движения»¹⁸¹.

Парадоксально, но факт: в 20-е годы прошлого века в Советской России, СССР можно было ознакомиться с источника-

¹⁸⁰ См.: Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне: в 4 т. М., 1924–1932; и др.

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. 9217. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 об.

ми белой эмиграции, в частности с мемуарами белогвардейцев, так как власти не препятствовали их свободному изданию¹⁸².

Причем, появившиеся в советских изданиях публикации белоэмигрантов довольно часто сопровождались рецензиями. Так, с 1921 по 1928 г. в журнале «Пролетарская революция» было опубликовано 25 рецензий¹⁸³. Рецензировались и белоэмигрантские публикации, выходившие в свет на чужбине¹⁸⁴.

Но все эти рецензии на работы, комментарии, обзоры литературы, написанные представителями белой эмиграции, отличались идеологической и политической заданностью, которая на-

¹⁸² См., напр.: Революция на Украине. По мемуарам белых // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.-Л.: ГИЗ, 1930; Слащов Я. Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний. М.-Л.: ГИЗ, б. г. Здесь по томки должны быть благодарны В. И. Ленину, который в январе 1920 г. дал указание о том, чтобы государственные библиотеки «немедленно начали собирать и хранить все белогвардейские газеты (русские и заграничные)» и чтобы «все военные и гражданские власти собрали и сдавали эти газеты в государственные библиотеки» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 51. С. 118). В нормативном акте советской власти уточнено – «для хранения и общего пользования» (ДСВ. Т. 7. М., 1974. С. 110–112.) Характерно, что публикация отрывков из произведений представителей антибольшевистского движения допускалась, прежде всего, только в отношении тех, кто признал советскую власть, перешел на службу или более или менее лояльно относился. Хотя публиковали и отрывки из произведений непримиримых врагов Советов. А. И. Деникина, например. Более того, крупные отрывки из деникинских «Очерков Русской Смуты» издали отдельной книгой (см.: Деникин А. И. Поход и смерть генерала Корнилова. М.-Л., 1928). Наиболее крупным стало издание под редакцией С. А. Алексеева пятитомника «Революция и Гражданская война в описании белогвардейцев», в который вошли отрывки практически из всех крупных произведений политических и военных деятелей российской контрреволюции. Например, в первом томе, вышедшем в 1925 г., были собраны работы М. В. Родзянко, В. В. Шульгина, П. Н. Милюкова, А. И. Деникина и других деятелей (см.: Революция и Гражданская война в описании белогвардейцев. В 5 т. / под ред. С. А. Алексеева. М.: Л., 1926–1928). Но всяко ре подобная литература оказалась в печально известном спецхране ГБЛ им. В. И. Ленина.

¹⁸³ Подсчет по: Пролетарская революция. Системат. каталог. М., 1931.

¹⁸⁴ См., напр.: Десницкий В. Печать белой русской эмиграции // Книга и революция. 1922. № 1(15). С. 46–50; Канторович Я. Зарубежная книжная литература о Советской России в 1921 г. Там же. № 5(17). С. 25–31; и др.

носила существенный ущерб академизму. Вот пример: видный военный ученый и публицист российского зарубежья Генерального штаба полковник Е. Э. Месснер в начале 1926 г. анонимно опубликовал в немецком журнале «Wissen und Wehr» статью «Декадентство в военном искусстве». Редакция журнала, между тем, сделала указание, что автор статьи - офицер бывшей Русской царской армии. Большую статью сразу заметили в СССР. В майском номере центрального военно-научного журнала «Война и революция» была помещена разгромная рецензия С. М. Белицкого. Рецензент работу «неизвестного русского белогвардейца» наградил ярлыком «несуразной вещи»¹⁸⁵. Он с сожалением отмечал, что «немецкая печать слишком часто прибегает к услугам военных белогвардейских писателей»¹⁸⁶. Особое раздражение у С. М. Белицкого вызывало то, что демонстрировалось непочтительное отношение белогвардейского автора-анонима к некоторым советским военным деятелям, их взглядам. Разумеется, все положения статьи были объявлены «ненаучными» и «реакционными»¹⁸⁷.

Подобной большевистской априорности в изучении проблем Белого движения послужило в исследуемом периоде, по моему суждению, одно серьезное обстоятельство. В 1925 г. Ист-парт ЦК ВКП(б) предложил своим отделениям составить хроники местных событий периода революции и Гражданской войны, четко определив в данной связи хронологические рамки - 1917 - начало 1921 г. В подготовленной объяснительной о технике составления и принципах отбора источников для данных хроник записке особое внимание акцентировалось на следующем аспекте:

¹⁸⁵ См.: Война и революция. 1926. № 5. С. 27–40.

¹⁸⁶ Там же. С. 28.

¹⁸⁷ Более подробно см.: Домнин И. В. От мировой до «Третьей Всемирной». Жизненный путь Генерального штаба полковника Е. С. Месснера // Хо чешь мира, победи мятежвояну (так у автора)! Творческое наследие Е. С. Месснера. М., 2005 (Рос. воен. сб.). С. 40–41.

авторы-составители при освещении деятельности контрреволюционных правительств и организаций должны осветить эту проблему так, чтобы характер, формы борьбы РКП(б) с белыми предстали в наиболее выгодном свете¹⁸⁸. Понятно, что выполнение подобных инструкций никоим образом не способствовало тому, чтобы такие хроники разрабатывались на принципах объективности, историзма, компаративизма.

Однако особо следует подчеркнуть обстоятельство принципиального характера: **примерно с 1929 г. тенденция затухания интереса к изучению лагеря белых приняла достаточно устойчивый характер.** Она стимулировалась государственным и партийным руководством СССР. Если до 1929 г. в нашей стране успели издать свыше 50 мемуаров¹⁸⁹, написанных деятелями Белого движения, а в печати (отметим данное важное обстоятельство еще раз, априори обрекая себя на упреки за повтор) постоянно появлялись рецензии на книги белой эмиграции, то вскоре последовал негласный запрет на их публикацию, оформившийся в 1930-е гг. как неукоснительное руководство к действию.

Начались попытки пересмотра вопроса об использовании эмигрантских источников и оценки усилий историков по их выявлению и введению в научный оборот. Так, И. Л. Шерман сделал подсчет публикаций документов по истории Гражданской войны в первое десятилетие по ее окончании и показал, что из 60 журнальных публикаций 36, то есть почти 60 %, были подборками документов белогвардейского, националистического происхождения, а также документов, принадлежащих интервентам. Полученный резуль-

¹⁸⁸ Более подробно см.: Пересветов В. А. Деятельность Истпарты по собиранию воспоминаний об Октябрьской революции и Гражданской войне // ВИ. 1981. № 5; Балковская В. Г. Деятельность Истпарты и формирование большевистской концепции истории Гражданской войны // Уч. зап. Рос. таможенной академии. Владивостокский филиал. Владивосток, 1996. Вып. 1. С. 75–76; Гришанин П. И., Зимица В. Д. Указ. соч. С. 20–21.

¹⁸⁹ См.: Шерман И. Л. Указ. соч. С. 36.

тат послужил основанием для отрицательной оценки публикаторской практики в журналах, особенно в «Красном архиве»¹⁹⁰.

Представляется также необходимым отметить то, что авторы, которые специализировались на истории Гражданской войны, практиковали разные подходы к использованию источни-ковой базы. Здесь, как показывает анализ, соперничали два подхода. Сторонники первого подхода призывали относиться критически к мемуарной литературе, о чем заявляли со страниц журнала «Пролетарская революция»¹⁹¹. Другие историки предостерегали от фетишизации архивных документов¹⁹².

Увеличение научно-исследовательских работ по общим проблемам истории Гражданской войны и продолжение издания работ, особенно в первой половине 1920-х гг., которые отличались популярностью и краткостью изложения, ограниченным привлечением документальных источников. Подобную особенность отмечал в 1928 г. Истпарт¹⁹³. Действительно, из 504 работ по общим проблемам Гражданской войны, изданных в 1920-х гг., исследовательский характер имеют, по подсчетам советского историографа И. Шермана, около 250 произведений¹⁹⁴.

¹⁹⁰ См.: Шерман И. Л. Указ. соч. С. 41.

¹⁹¹ См.: П Р. 1926. № 11–12. С. 336–337; 1927. № 3. С. 202.

¹⁹² Гражданская война 1918–1921. Т. II. М., 1928. С. 13. И что характерно: иногда мемуарам идеологическими инстанциями на предмет достоверности фактов, излагаемых в них, давался карт-бланш. Так, издательство «Прибой» выпустило в свет воспоминания Павла Макарова – советского разведчика, адъютанта генерала В. З. Май-Маевского, командующего Добровольческой армией в 1919 г. (того самого П. Макарова, который стал прототипом капитана Кольцова в многосерийном телевизионном фильме известного советского режиссера Е. Ташкова «Адъютант его превосходительства». – Г. И.) В книге есть приписка: «От редакции. Все факты, сообщаемые в книге т. Макарова проверены Испартотделом ОК ВКП(б) Крыма и рядом партийных работников, работавших в Крымском подполье» (Макаров П. В. Адъютант генерала Май-Маевского. Л. : Изд. «Прибой». [Б. г.] Даты выпуска книга не имеет, но появилась она не позже 1930 года, когда издательство «Прибой» слилось с ОГИЗ – Г. И.).

¹⁹³ См.: П Р. 1928. № 11–12. С. 36.

¹⁹⁴ См.: Шерман И. Л. Указ. соч. С. 46.

В то же время нельзя не отметить доминирование чисто военной проблематики в изучении истории Гражданской войны. Из приведенного выше общего количества работ, изданных в 1920-х гг. (504 наименования), 400 наименований, то есть более 80 %, относится к трудам, в которых освещен общий ход боевых действий на фронтах и в тылу и других именно военных аспектов¹⁹⁵. Данной же теме посвящено 75 % публикаций по проблемам археографии¹⁹⁶. Между тем, высшее военно-политическое руководство страны отмечало не слишком удовлетворительные темпы развития военно-научной и военно-исторической работы¹⁹⁷. Тенденция к изданию работ (особенно в первой половине 1920-х гг.), отличавшихся популярностью и краткостью изложения, ограниченным привлечением документальных источников, продолжала иметь место.

Создание исторических периодических изданий. Так, в журнале «Красный архив» иногда публиковались неординарные документы по истории Гражданской войны на Юге России, показы-

¹⁹⁵ См.: Шерман И. Л. Указ. соч. С. 30.

¹⁹⁶ См.: Там же.

¹⁹⁷ Здесь представляет интерес сохранившийся в РГВА доклад начальника штаба РККА в Реввоенсовет СССР от 15 июля 1928 г. В нем, в частности, говорится: «Современное состояние военно-научной и военно-исторической работы в РККА характеризуется громадным замедленным темпом. Выходящие в свет издания этого вида военной литературы не объединены каким-либо общим единым планом и в большинстве случаев носят случайный, спорадический характер, либо приурочиваются к отдельным запросам заинтересованных учреждений (академий). В неудовлетворительном состоянии находится история и мировой, и Гражданской войны. Примерные расчеты, сделанные по библиографическим данным, свидетельствуют, что относительное количество военно-исторических трудов в общем массиве военной литературы в СССР несоизмеримо отстает от такового же в зарубежных странах, что видно из следующих данных: Франция – 29,8 %; Германия – 28,2 %; Польша – 17,8 %; СССР – 1,8 %» (РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 447. Л. 10.) Данный документ впервые введен в научный оборот в коллективной монографии «Зарождение и развитие советской военной историографии. 1917–1941» (М., 1985. С. 14).

вающие, например, изнанку Белого движения в плане состояния преступности в войсках и в тылу белых¹⁹⁸. Публиковались небезытересные документы из истории, например, французской интервенции на Юге России¹⁹⁹. Подобную оценку можно дать и таким журналам, как «Пролетарская революция»²⁰⁰, «Красная летопись»²⁰¹ и др.²⁰²

Приход в историческую науку новой генерации историков-коммунистов, вплотную занявшихся изучением проблем из истории Гражданской войны. Историки старой школы предпочитали в подавляющем большинстве не касаться столь политизированной темы. Своеобразным центром здесь стал постоянный семинарий по истории Гражданской войны, действовавший в Институте красной профессуры под руководством Покровского. Прочитанные в нем доклады легли впоследствии в основу ряда исследований. Что характерно: новая генерация историков-коммунистов стала проявлять особо повышенный интерес к исследованию военных аспектов Гражданской войны. Как следствие, в 20-х гг. прошлого века по военной истории Гражданской войны было опубликовано около 257 названий книг и статей, из них о борьбе на фронтах Гражданской войны – 186²⁰³.

Появление первых попыток историографического осмысления публикаций о Гражданской войне и выход в свет ряда работ научно-справочного и библиографического характера. Из-

¹⁹⁸ См., напр.: Доклад постоянного члена Главного военного и военно-морского суда генерал-лейтенанта Макаренко Главнокомандующему Вооруженными силами Юга России барону Врангелю от 28 марта 1920 г. № 79 // КА. Т. 5. М.; Л., 1927. С. 190–199.

¹⁹⁹ См.: К истории французской интервенции на Юге России // КА. Т. 5. М.; Л., 1927. С. 6–37.

²⁰⁰ См., напр.: Кубанская демократия и Англия. Докладная записка кубанских демократов английским интервентам // П Р. 1923. № 3. С. 223–235.

²⁰¹ См., напр.: К истории корниловщины // КЛ. 1924. № 1(10). С. 201–207.

²⁰² Например: «Каторга и ссылка», «Печать и революция», «Военно-исторический сборник», «Военный вестник», «Военная мысль» и пр.

²⁰³ См.: Шерман И. П. Первые исследования по истории Гражданской войны // ВИЖ. 1964. № 7. С. 99.

вестно, что историка, как наука об историографии, ее методах и задачах, настоятельно требует солидной временной дистанции для научных изысканий. Тем не менее, исследователи не могли оставаться равнодушными по отношению к тому факту, что массив литературы о революции и Гражданской войне быстро нарастал, в первую очередь за счет мемуаров.

Это было вызвано, по мнению советского писателя К. Федина, тем, что *«множество людей взялось за перо после войны и революции, побуждаемое... потребностью осмыслить жизненный опыт, хотя редко сознавая природу своих побуждений, особенно при столкновении с высокими требованиями искусства»*²⁰⁴. Уже в 1921 г. критика отмечала буквально следующее: *«Мы стоим у истока реки, которая обещает быть многоводной, – реки воспоминаний... Уже в настоящее время мемуарная литература о Великой Русской революции может быть исчислена десятками книг и брошюр»*²⁰⁵.

Но так как не представлялось еще возможным осмыслить этот нарастающий литературный массив на уровне хотя бы обобщающей научной статьи, выглядит закономерным, что в период зарождения и становления советской исторической науки первые попытки историографического осмысления исторического феномена Гражданской войны не пошли дальше подготовки рецензий, комментариев, а также обзоров литературы, в том числе мемуарной²⁰⁶.

²⁰⁴ Федин К. Горький среди нас. Картины литературной жизни. М., 1967. С. 50.

²⁰⁵ Полонский Вяч. Искатели объективной истины // ПиР. 1921. Кн. 2. С. 15.

²⁰⁶ См., напр.: Генкина Э. Обзор литературы по Февральской революции // П Р. 1924. № 2–3. С. 68–74; Селиванов Вл. Начало Гражданской войны (революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев) // КЛ. М.-Л., 1926. № 5(20). С. 163–167; Рейхардт В., Анишев А. Очерки истории Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 1925 // Там же. 1926. № 3(18). С. 183–186; Волков Г. Слово «генерала барона Врангеля» // Большевик. 1927. № 6. С. 118–122; Минц И. И. В белой эмиграции (по поводу книги «Белое дело») // Большевик. 1927. № 6. С. 40–48; Петров В. Новые книги по истории интервенции 1917–1920 гг. // КЛ. 1932. № 1–2. С. 253–266; и др.

Между тем, в обозначенном направлении постепенно стали наращиваться усилия и темпы²⁰⁷. О масштабах работы в области историографической критики позволяет судить первый аннотированный библиографический указатель литературы по истории революции и Гражданской войны, вышедший в России и за рубежом, подготовленный И. В. Владиславлевым. Автор в лаконичной форме оценивал документальную базу исследований, их жанровое своеобразие, выносил свои суждения о степени объективности содержащихся в них выводов²⁰⁸.

Особого внимания заслуживает статья, написанная Д. А. Фурмановым. Он достаточно глубоко и образно рассматривает большое количество книг и брошюр, вышедших в местных издательствах и посвященных показу борьбы с белогвардейцами и интервентами в различных районах страны. Ценность данной обзорной статьи и в том, что в ней дан критический разбор показа авторами боевых действий Красной армии. Фурманов уловил необходимость подготовительной работы к серьезному историографическому исследованию войны. А его обзор и открывает отечественную научную библиографию по истории Гражданской войны²⁰⁹. Появилось также несколько работ, оценивающих литературу

²⁰⁷ См., напр.: *Данишевский С. Л.* Опыт библиографии Октябрьской революции. М.; Л., 1926; *Шварц М. К.* К постановке вопроса исследования Гражданской войны 1917–1921 гг. // *Война и революция.* 1928. № 1. С. 48–60; *Меликов В.* Задачи военно-исторического исследования в Красной Армии // *Воен. кн. после мировой войны : воен.-библиогр. справ. сб.* 1. М., 1925. С. 7–12; *Он же.* К вопросу изучения гражданской войны // *Фрунзевец-ударник.* Сб. М., 1931. С. 30–35; *Гуковский А.* Об изучении истории Гражданской войны 1917–1921 гг. // *Книга и оборона СССР.* 1930. № 3–4. С. 3–5; За большевистскую разработку истории гражданской войны // *Борьба классов.* 1932. № 6. С. 1–7; *Работа над «Историей гражданской войны»* // *Историк-марксист.* 1934. Т. 3. С. 137–140.

²⁰⁸ См.: *Владиславлев И. В.* Литература по истории Октября и Гражданской войны (Указатель работ, за исключением Истпартовских изданий) // *ПР.* 1924. № 10 (33). С. 240–267.

²⁰⁹ См.: *Фурманов Д.* Краткий обзор литературы (непериодической) о Гражданской войне // *ПР.* 1923. № 5(17). С. 321–341.

ру не только о Гражданской войне, но и иностранной военной интервенции²¹⁰.

Однако из-за постепенного угасания творческой свободы историков (примерно со второй половины 1920-х гг.) начался процесс торможения в научном историографическом осмыслении истории Гражданской войны. Не мудрено: резко сузилась источниковая база исследований, так как многочисленные материалы по истории Гражданской войны перевели в режим специального хранения.

Относительно некоторой научно-справочной литературы замечу, что определенный интерес представляют и справочные издания, где можно найти те или иные сведения, анализ которых в целом способствует выявлению содержания Гражданской войны²¹¹. Появились библиографические издания, в первую очередь, военно-библиографического плана, что способствовало повышению качества научных исследований²¹². Особое место занимает здесь первый военно-библиографический журнал «Военная книга», начавший издаваться в 1923–1924 гг. С 1927 г. он стал издаваться регулярно под названием «Военно-библиографический справочник». В 1931 г. его реорганизовали в издание «Книга и оборона СССР»²¹³. На его страницах современный историк об-

²¹⁰ См.: *Гуковский А.* Литература о союзной интервенции в России в годы Гражданской войны // *Историк-марксист.* 1927. № 6. С. 54–58; *Герман Е.* К истории пролетариата в Гражданской войне в районах контрреволюции // *История пролетариата.* 1931. № 8, 9.

²¹¹ См., напр.: *Россия в мировой войне (в цифрах).* М., 1925; *Именной список потерь на фронтах в личном составе Рабоче-Крестьянской Красной армии за время Гражданской войны.* М.: Управделами РВС СССР, 1926; *Потери населения от интервенции.* М.; Л., 1929 и др.

²¹² См.: *Военная книга после мировой войны: воен.-библиогр. справ. сб.* 1. М., 1925; *Военная книга.* М., 1923–1924; *Военно-библиографический справочник.* М., 1927–1930; *Мищенко М.* Партийно-политическая работа в Красной армии: указ. лит. М.; Л., 1929; *Тематический указатель литературы по Гражданской войне / ВПАТ. Каф. Гражд. войны.* Л., 1929; *Пролетарская революция: сист. каталог.* М., 1931; *Пролетарская революция: системат. и алфавит. указатель.* 1921–1929 гг. М., 1930; и др.

²¹³ См.: *Книга и оборона СССР.* М., 1930–1934.

Г. М. Ипполитов

наружит немало работ, имеющих отношение к предмету исследования монографии. В 1928 г. по постановлению РВС СССР началась разработка Советской военной энциклопедии. Была создана редакция отдела истории войн и военного искусства. Первый и второй тома изданы в 1932 г. В этом же ряду следует отметить издания «Справочника партийного работника»²¹⁴.

Таким образом, относительная творческая свобода – этот, безусловно, дар, преподнесенный историкам строителями новой советской государственности, аналогов которой еще не знала история мировых цивилизаций, – был вскоре ими же и отобран. Тем не менее, данное явление, в комплексе с другими, рассмотренными выше, просто не могло не оказать положительно-го влияния на развитие молодой советской исторической науки, в том числе и на процесс изучения деникинщины. Ведь в то время история Гражданской войны являлась приоритетным направлением научных исследований. Тематический указатель литературы по Гражданской войне, выпущенный Военно-политической академией в 1929 г., включал в себя 3750 названий²¹⁵.

И в этом огромном массиве литературы нашлось место и освещению, в первую очередь, военных аспектов борьбы советской власти против белой армии на Юге России. Так, из 186 наименований изданий о борьбе на фронтах Гражданской войны, увидевших свет в 1920-е годы, 18 посвящено непосредственно разгрому Деникина 18 (из них книг – 6)²¹⁶.

²¹⁴ См.: Справочник партийного работника : вып. 3. М., 1923; вып. 4. М., 1924; вып. 5. М.; Л., 1926; вып. 6. Ч. 1, 2. М., 1928; вып. 7. Ч. 1, 2. М.; Л., 1930; вып. 8. М., 1934; вып. 9. М., 1935.

²¹⁵ См.: Тематический указатель литературы по гражданской войне / ВПАТ. Каф. гражд. войны. Л., 1929. Видимо, в данной связи нельзя согласиться с В. Р. Клочковым, оценившим в 1984 г. историческую литературу 20-х гг. минувшего столетия по истории Гражданской войны как «крайне бедную» (см.: Клочков В. Р. Красная Армия – школа коммунистического воспитания советских воинов (1918–1941 гг.). М., 1984. С. 11).

²¹⁶ См.: Шерман И. Л. Первые исследования по истории гражданской войны // ВИЖ. 1964. № 7. С. 99.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

Анализ историографических источников показывает, что первые публикации, имеющие отношение к проблеме деникинщины, – воспоминания непосредственных участников вооруженной борьбы в Гражданской войне на Юге России²¹⁷, а также участников коммунистического подполья, действовавшего на белом Юге России²¹⁸. Ясно, что мемуаристы представляют читателям сугубо личностное видение проблемы, акцентируют внимание, главным образом, на своем вкладе в антиденикинскую борьбу. Нельзя также не обратить внимания и на то, что некоторые мемуары вышли в свет в региональных изданиях. Общим недостатком подобных изданий является то, что события, преимущественно происходившие на одном фронте, вы-

²¹⁷ См.: Гаврилов П. Под Касторной // Комиссары. М., 1923; Павлович М. На высотах Красного Дагестана // Из истории контрреволюции на Кавказе. М., 1923; Федоров Г. И. В Чечне и Грозном. Грозный, 1927; Лиманский А. Заложнику белых. Ростов-н/Д., 1927; Он же. Кубанское крестьянство в борьбе с корниловщиной // П. Р. М.; Л., 1926. № 4. С. 89–124; История революционного движения на Тереке : сб. ст. и восп. Пятигорск, 1924; С. 13–18; Борьба за Советы на Екатеринославщине : сб. восп. и ст. Днепропетровск, 1927; Махарадзе Ф. Борьба за Советскую власть в Грузии. М., 1928; Киселев М. Агитпоезд: воспоминание о борьбе с контрреволюцией на Украине, 1918 – 1919 гг. Киев, 1933; Ковтюх. От Кубани до Волги и обратно: Из воспоминаний о походах и боях красных таманских частей. М., 1926; Он же. «Железный поток» в военном изложении. 3-е изд. М., 1935; и др.

²¹⁸ Баба-хан Н. Крымское подполье (1919–1920 гг.). Ялта, 1921; Сеф С. Партийные организации Крыма в борьбе с Деникиным и Врангелем // П. Р. М.; Л., 1926. № 10; Ингулов С. Под пятой (из эпохи деникинского подполья) // Легионеры революции. 1926. № 3–4. С. 21–51; Мягков Г. В эпоху добровольческой армии в Киеве // Там же. 1926. № 3–4; Колос Г. А. Заметки о подполье и вооруженной борьбе, 1918–1919. Днепропетровск, 1927; Максименко. Из истории партизанской борьбы в Донбассе и Екатеринославщине в 1918–1919 гг. // Там же. 1925. № 4. С. 155–164; Верлов В. Из истории гражданской войны на Северном Кавказе // Там же. 1927. № 6(65). С. 232–249; Болдырь А. В. В Крыму во времена ген. Слащева и Врангеля. 1920 г. // Былое. 1925. № 2; Бобрин В. В застенках контрразведок. Изд. Истпарта окружкома ВКП(б), 1928; и др.

Г. М. Ипполитов

давались за «всеобщую историю»²¹⁹. Однако из такой литературы уже можно почерпнуть некоторые отрывочные сведения о военной и политической деятельности генерала Деникина в 1918–1920 гг.

Параллельно с воспоминаниями появляются военно-исторические исследования, представляющие первый опыт изучения вооруженной борьбы Красной армии против Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. Естественно, акцент делался на детальном разборе боевых действий Красной армии, а деникинская армия выступала в данной связи оперативно-тактическим фоном²²⁰.

Заметным явлением стала вышедшая в 1921 году книга видного военного деятеля В. К. Триандафилова «Краткий страте-

²¹⁹ См.: *Лебедев М.* Красная армия в борьбе за Советскую власть Краткая история Гражданской войны 1918–1920. Изд. Политуправления Киевского воен. округа. Киев, 1922; *Батулин Н.* Красная Таманская армия. Станица Славянская Кубано-Черноморской области. 1923; *Головченко Ф., Емельянов Ф.* Гражданская война в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1928; *Майоров М. М.* Из истории революционной борьбы на Украине (1914–1919). Киев, 1922; *Самурский Н.* Гражданская война в Дагестане // Новый вестник. 1923. № 1; *Он же.* Гражданская война в Дагестане. Махачкала, 1925. С. 16–52; *Леонтьев О.* Первая Конная. М.; Л., 1930 и др.

²²⁰ См.: *Лямин Н.* Операции на Южном фронте против генерала Деникина весной и летом 1919 г. // Сб. тр. ВНО. Кн. 2. М., 1922; *Анулов Ф.* Красный Верден: борьба за Царицын. Кн. 3. М., 1922; *Тюленев И.* Первая Конная за Ростовым // Там же. Кн. 3. М., 1922; *Лямин Н.* Операции на Южном фронте против генерала Деникина весной и летом 1919 г. // Там же. Кн. 2. М., 1922; *Венцов С. И., Белицкий С. М.* Краткий стратегический очерк Гражданской войны 1918–1920 гг. М., 1923; *Майоров М. М.* Из истории революционной борьбы на Украине (1914–1919). Киев, 1922; *Самурский Н.* Гражданская война в Дагестане // Новый вестник. 1923. № 1. С. 16–52; *Он же.* Гражданская война в Дагестане. Махачкала, 1925; *Рымшан.* Рейд Мамонтова. Август – октябрь 1919 г. Военно-истор. библиотека. Вып. VII. М., 1926; *Клюев Л. П.* Камышинская операция десятой Красной армии. Июль 1919. М.; Л., 1928; *Он же.* Борьба за Красный Царицын. 1918–1919. М.; Л., 1928; *Эйдеман Р., Какурин Н.* Гражданская война на Украине. Харьков, 1929; *Майстрах Б. В.* Маныч – Егорлыцкая – Новороссийск. М., 1929; *Леонтьев О.* Первая Конная. М.; Л., 1930; *Грозвенский А.* Разгром Деникина // Молодой большевик. 1931. № 23. С. 61–72; *Антонов-Овсієнко В. О.* В боротьбі за Радянську Україну // Літопис революції. 1931. № 4. С. 78–123; и др.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

гический очерк наступательных операций Южного фронта по ликвидации деникинской армии», в которой достаточно подробно освещены боевые действия на Южном фронте. Автор обосновал, в частности, стратегическое значение направления главного удара через Орел – Курск – Харьков – Ростов. Он показал, что это был кратчайший путь к центру зоны влияния генерала А. И. Деникина (Дон, Кубань), а также к жизненным центрам страны, питавшим фронт. Из данного контекста можно извлечь фактический материал о генерале Деникине как о белом военачальнике²²¹.

Представляет научный интерес и такая оценка белым генералам, в том числе и Деникину, которую дал М. В. Фрунзе: «В области военной они, разумеется, были большими мастерами. И провели против нас не одну талантливую операцию и совершили, по-своему, немало подвигов, выявили немало самого доподлинного личного героизма, отваги и прочего»²²².

Заслуживает повышенного внимания и труд советского военачальника, погибшего в годы сталинских репрессий, М. Свечникова. В нем автор показал сильные стороны деникинских войск. При этом Свечников ввел в оборот уникальные факты о разложении отдельных красных частей, о жестокости красного командования по отношению к населению казачьих станиц Кубани²²³.

С. И. Гусев, крупный партийный функционер, объективно оценивал немалые военные знания и организационный опыт белых, проявившиеся на первых порах. Отсутствие же в дальнейшем планомерного военного строительства, рассчитанного

²²¹ См.: *Триандафилов В. К.* Краткий стратегический очерк наступательных операций Южного фронта по ликвидации деникинской армии. Записки воен.-науч. об-ва. Вып. 1. М., 1921.

²²² *Фрунзе М. В.* О принципах стратегии и тактики Красной армии // Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах 1917–1940. М., 1965. С. 55.

²²³ См.: *Свечников М.* Борьба Красной армии на Северном Кавказе. М.; Л., 1926.

на длительный период, приводило к стремительному истощению их людских ресурсов. Он также отметил общие проблемы и для Красной, и для белой армий: 1) дезертирство; 2) неорганизованность и слабая психологическая устойчивость сформированных на ходу воинских частей; 3) маневренный характер военных действий и многочисленные партизанские выступления, а также волны прилива – отлива добровольно-принудительных пополнений за счет населения занимаемых территорий. Нельзя не обратить внимания и на такое замечание Гусева: укрепление белой армии происходило за счет увеличения числа офицеров, однако рядовой состав не отличался высокой профессиональной подготовкой²²⁴.

В 1924–1933 гг. увидели свет «Записки о Гражданской войне» крупного советского военно-политического деятеля В. А. Антонова-Овсеенко (в 4-х томах)²²⁵. Он сконцентрировал основные усилия на освещении военной ситуации и деятельности руководства Красной армии до середины 1919 г. на Украине. Снабженный большим числом документальных материалов, данный труд носит, прежде всего, оперативный характер. Одно из подтверждений тому – иллюстрация четырехтомника картами и схемами. Однако автор много внимания уделяет и военно-политическим аспектам. Кроме того, труд насыщен личными воспоминаниями Антонова-Овсеенко. Он, например, детализировал проблемы взаимоотношений Донского казачьего правительства атамана А. М. Каледина с добровольческими частями²²⁶. Небезынтересно и то, что Антонова-Овсеенко объективно оценил военные успехи генерала Деникина летом 1919 года как следствие точного учета главкомом ВСЮР общестратегической обстановки и ошибок командования РККА²²⁷.

²²⁴ См.: Гусев С. И. Уроки Гражданской войны. М., 1921. С. 6–10, 12–13.

²²⁵ См.: Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне: в 4 т. М., 1924–1933.

²²⁶ См.: Там же. Т. 1. М., 1924. С. 68, 194–198.

²²⁷ См.: Там же. Т. 4. С. 331–335.

В целом, анализируемая книга помогает пониманию всей сложности военно-политической и оперативно-стратегической обстановки на Украине и на Юге России в 1918–1919 гг., в которой проистекала военная и политическая деятельность генерала Деникина.

Наибольший же интерес в числе специальных военно-исторических исследований проблемы деникинщины представляет работа А. И. Егорова «Разгром Деникина. 1919 год»²²⁸. Ее издали в 1931 г., пока культ личности Сталина не набрал должной силы. Поэтому здесь нет еще идеологических догматов, которые через несколько лет четко определять методологические подходы советской исторической науки. Труд выполнен на добротной документальной базе, имевшейся в распоряжении автора – крупного военного теоретика. По форме книга Егорова – оперативный очерк, подробно описывающий боевые действия на Южном фронте в 1919 г. с точки зрения советского командования. На нее наложило серьезный отпечаток то, что сам автор принимал непосредственное участие в разгроме войск генерала Деникина²²⁹.

Из данного труда можно составить представления о стратегических замыслах и решениях генерала А. И. Деникина в 1919 г. Сам Егоров писал, что желал сосредоточиться в своем труде на следующих вопросах: *параллельная оценка планов главного командования в июле и командования Южным фронтом в октябре 1919 г.; развитие и последствия августовского наступления красных, когда главный удар наносился в соответствии с планом главного командования – левым крылом армий через Донскую область; основной замысел и организация октябрь-*

²²⁸ См.: Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919 год. М., 1931.

²²⁹ Будущий советский маршал с октября 1918 по октябрь 1919 г. командовал последовательно 9-й, 10-й и 14-й армиями красных. В начале октября 1919 г. Егоров был назначен командующим войсками Южного фронта, а с 10 января 1920 г. возглавлял Юго-Западный фронт, довершивший разгром белых войск на Украине. – Г. И.

Г. М. Ипполитов

ского контрудара армий Южного фронта; первый и второй этап операции²³⁰.

Небезынтересно то, что автор впервые раскрывает причины удачного проведения главкомом ВСЮР наступательных операций весной – летом 1919 г. Причем, Егоров не побоялся сказать правду: одна из существенных причин успехов генерала Деникина – неслышанно тяжелые материальные условия войск советского Южного фронта (отсутствие планового материального снабжения, скудность обмундирования, массовые эпидемии). Немаловажную роль сыграли здесь, по Егорову, и усталость личного состава, его разложение (ясно, что такие оценки не могли бы через несколько лет быть напечатанными).

Тем не менее, будущий Маршал Советского Союза, жертва сталинского большого террора, в своей работе рассматривает действия только Южного фронта, которым командовал, оставив без внимания Юго-Восточный фронт, что лишает представления о состоянии войск противоборствующих сторон полноты. Между тем, труд можно рассматривать как первое целевое исследование разгрома войск генерала А. И. Деникина в 1919 г.

Анализ историографических источников позволяет заключить, что, кроме военных аспектов борьбы с деникинщиной, авторы обращались и к политическим проблемам. Это происходило на фоне анализа боевых действий.

Следует отметить в данной связи работу Б. Симонова, резко отличающуюся от многих военно-исторических трудов по истории Гражданской войны на Юге России тем, что в ней автор дал анализ политических и военных причин разгрома генерала Деникина. Рассмотрев его единоличную военную диктатуру на белом Юге России, внутреннюю политику генерала Деникина, состояние тыла и войск ВСЮР, Б. Симонов делает вывод: главнейшими причинами разгрома Деникина стали причины политического

²³⁰ См.: Егоров А. И. Разгром Деникина 1919 год // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М.; СПб., 2003. С. 5.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

характера. Особо он выделяет при этом то, что крестьянство было в целом враждебно настроено по отношению к единоличному военному диктатору. Данное справедливое утверждение историк подкрепляет тезисом, который, однако, глубоко не аргументировал: пролетариат в борьбе против деникинщины играл руководящую роль по отношению к крестьянству. Хотя это, как показывает современный уровень накопления исторических знаний, далеко не так²³¹.

Представляет определенный научный интерес (в связи с вышеизложенным) изданная в 1923 г. работа Г. Ладохи, в которой автор, главным образом на базе местного материала, используя и некоторые архивные документы, осветил Гражданскую войну на Кубани. Ему удалось показать некоторые противоречия во взаимоотношениях единоличного военного диктатора белого Юга России генерала Деникина с революционной демократией в лице Кубанской Рады. Работа, однако, страдает описательно-стью, многие значимые события показаны фрагментарно²³².

Я. Ратгаузер высказал оригинальную мысль, подчеркнув в своем исследовании то, что среди казаков, дезертирующих из деникинской армии, особое место занимают «сунженцы и казаки тех станиц, которые расположены вблизи Чечни». Автор это объясняет тем, что дезертиры якобы боялись потерять землю²³³. Исследователь также констатирует, что на Тереке зажиточные казаки и горская знать не желали идти на какие-либо уступки в земельном вопросе в 1917–1918 гг. что повышало градус социальной напряженности. Подливало масла в огонь и то, что казачество взимало ежегодную дань с малоземельных иногородцев и горцев в сумме 3000000 рублей²³⁴.

²³¹ См.: Симонов Б. Разгром деникинщины: почему мы победили в октябре 1919. М.-Л., 1928. С. 68.

²³² См.: Ладоха Г. Очерки Гражданской войны на Кубани. Краснодар, 1923.

²³³ См.: Ратгаузер Я. Революция и гражданская война на Тереке (1917–1918). Баку, 1927. С. 116.

²³⁴ См.: Там же. С. 106.

За подобные оригинальные мысли историка критиковали уже на закате советской историографии. Ведь автор ничего не сказал о классово дифференциации казачества, что явно диссонировало с классовым подходом к оценке событий и явлений. Так, Н. Д. Мажаев писал, что даже беглое знакомство с работой Ратга-узера настораживает, так как «*в глаза сразу же бросаются ошибочные исходные авторские позиции, чувствуется определенный политический привкус*»²³⁵.

Кроме того, Ратгаузер писал о том, что будто деникинцы для усмирения горцев предъявляли им только ультиматум экономического характера, не упомянув, однако, о вооруженном подавлении сопротивления горцев. Это также не прошло незамеченным для советских критиков. Тот же Мажаев писал, что на самом деле «*белые банды Деникина за время пребывания на Северном Кавказе всякое сопротивление трудящихся масс подавляли жестоко, опустошая и разоряя целые населенные пункты, получая активную поддержку со стороны крупной национальной буржуазии*»²³⁶.

Качественно новое явление в историографии деникинщины – первые обобщающие труды по истории Гражданской войны. Так, А. Анишев в своей книге предпринял попытку изложить систематизированную историю Гражданской войны. Автор охватывает почти всю Гражданскую войну и исследует не только оперативно-стратегические вопросы, но и политический смысл борьбы, и социальные процессы. При этом он особенно подчеркивает то, что на формирование внутренней контрреволюции в значительной степени повлиял интервенционистский фактор. Однако накопленный к тому времени фактический материал Анишев в своем

²³⁵ Мажаев Н. Д. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в национальных районах Северного Кавказа в освещении советской историографии (1918–1978 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Орджоникидзе, 1984. С. 96.

²³⁶ Мажаев Н. Д. Указ. соч. (докт. дис.) С. 98–99.

исследовании использовал недостаточно. Бегло освещены важнейшие проблемы, имеется ряд заимствований, которые, в конечном итоге, составляют внушительный объем.

И вообще: данный труд – типичный продукт своего времени. В нем определенное место отводилось освещению организации контрреволюционных образований при поддержке Антанты, «классовой природе» политического режима генерала Деникина. Историк в деникинском лагере усматривал сложное соединение «кулацко-казачьих» и «шовинистически-националистических» интересов и настроений, подчеркивал неустойчивость и изменчивость социальной базы антибольшевистского лагеря. Одним из первых он обратил внимание на зависимость колебаний крестьянства между белыми и красными от конкретно-исторической обстановки в период политики так называемого военного коммунизма.

Характерно также и то, что исследователь, в частности, указал на столкновение на Дону и Кубани двух социально различных течений – буржуазно-помещичьего (Добровольческая армия) с общероссийскими реставраторскими целями и местного, «*кулацко-ограниченного*»²³⁷, пытавшегося отгородиться от революционной России в своей области. В то же время, в книге присутствует излишняя описательность и наличие агитационно-пропагандистских штампов.

Но при всех недостатках очерки А. Анишева интересны как первый опыт систематизации и анализа материалов по истории Гражданской войны, в том числе и на Юге России, в частности феномена деникинщины²³⁸.

Особое место занимает фундаментальный научный труд военного историка Н. Какурина, где налицо изложение военных аспектов Гражданской войны с исследованием социально-

²³⁷ Здесь лексика 1920-х годов. – Г. И.

²³⁸ См.: Анишев А. Очерки истории Гражданской войны 1917–1920 гг. Л., 1925.

политических процессов²³⁹. Двухтомник существенно отличается от многих других работ по истории Гражданской войны, изданных в 1920-е гг.²⁴⁰, ибо автор ввел в научный оборот большое количество документов. Н. Какурин: 1) впервые относительно подробно осветил Первый Кубанский (Ледяной) поход Добровольческой армии; 2) попытался показать, хотя довольно фрагментарно, политический облик деникинского правительства, умонастроения в различных слоях населения на территории, подконтрольной ВСЮР; 3) кратко затронул отношения лидеров Белого движения генералов М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина.

²³⁹ См.: Какурин Н. Как сражалась революция: в 2 т. М., 1925–1926.

²⁴⁰ О неординарности труда Н. Какурина свидетельствует то, что он, как никто другой, получил в советской историографии противоречивые, зачастую диаметрально противоположные оценки. По моему суждению, объективно анализировали произведение Н. Какурина А. П. Ненароков, В. П. Наумов, В. Д. Поликарпов (См.: Ненароков А. П. Историк Гражданской войны // ВИЖ. 1966. № 11. С. 65–68; Наумов В. П. Летопись героической борьбы; Поликарпов В. Д. Начальный этап Гражданской войны (история изучения). В то же время, И. П. Шерман допустил тенденциозность (см.: Шерман И. П. Советская историография Гражданской войны в СССР.) Небезынтересно и то, что анализируемое произведение получило положительную оценку в белоэмигрантской историографии (см.: Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.: в 12 кн. Кн. 11. Ч. 5. Берлин, 1937. С. 87; Кн. 12. С. 58–59). Нельзя, видимо, в данной связи не учитывать, что Н. Какурин погиб в годы сталинских репрессий, и его имя и творчество предали на многие годы забвению. Хорошо, что переиздание двухтомника «Как сражалась революция» в 1990 г. (См.: Какурин Н. Е. Как сражалась революция : в 2 т. / комментарий. А. И. Ушаков. Изд. 2-е уточн. М., 1990.) возвратило его широкому кругу научной общественности и вернуло имя Н. Какурина из забвения, куда его поместили сталинские идеологи и надзиратели над советской исторической наукой (более подробно см., напр.: Ушаков А. И. Современная отечественная историография антибольшевистского движения в годы Гражданской войны в России. М., 2004; Ипполитов Г. М. Некоторые военные и социально-политические аспекты истории российской Гражданской войны (1917–1922 гг.) в трудах Н. Е. Какурина // Пятые Ознобишинские чтения : сб. материалов Межд. научно-практ. конф. (29–30 июня 2007 г.) / под ред. О. М. Буранка, В. Н. Шкунова. Инза-Самара, 2007).

Однако подобная информация рассредоточена по всему двухтомнику, она носит более констатирующий, нежели аналитический характер. Бросается в глаза и такая деталь: для Какурина термин «белогвардейцы» – синоним термина «контрреволюционеры»²⁴¹.

В целом, соотношение сил у белых характеризовалось им как крайне сложное. Тем самым исследователь обозначал проблему противоречий у белогвардейцев, подчеркивая, что перевес сил складывался в пользу красных²⁴².

Кроме того, по сути, Какурин чуть ли не впервые обозначил в научном плане проблему истории белой государственности, сведя ее к определению «военной диктатуры» применительно ко всем белым правлениям. Но дальше этого утверждения он не пошел, почти полностью сконцентрировавшись на проблематике военных вопросов. Между тем, военный историк, исследуя политический режим единоличной военной диктатуры генерала Деникина, пришел к выводу о том, что здесь можно выделить следующие системообразующие признаки изучаемого им феномена: 1) реакционность политического курса; 2) сосредоточение власти в руках военной элиты; 3) произвол на всех уровнях осуществления властных функций²⁴³.

Исходя из вышеизложенного, Какурин дает такую трактовку: упразднение генералом Деникиным собственного Особого совещания – это чуть ли не собственно крушение политического режима единоличной военной диктатуры на белом Юге России. Налицо явное преувеличение.

Представляет повышенный интерес и другая работа Н. Какурина «Стратегический очерк гражданской войны». Автор в очерковой форме раскрыл достаточно широкий круг проблем,

См.: Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 1. С. 39. Там же. С. 50. См.: Там же. С. 69.

имеющих отношение к Гражданской войне на юге России: 1) зше-лонный период Гражданской войны; 2) интервенция Антанты и образование фронтов Гражданской войны; 3) расширение театра Гражданской войны в пространстве в связи с революцией и зимняя кампания 1918–1919 гг. на Южном, Северо-Кавказском и Украинском ТВД; 4) борьба за Донецкий бассейн; 5) начало общего отступления советских армий на Южном ТВД; 6) положение на Украине весной 1919 г.; 7) осенняя кампания 1919 г. на Украине; 8) переход советских армий Южного фронта; 9) контрманевр белых; 10) решительное сражение на орловском направлении; 11) перелом в военной кампании на Южном фронте и начало отступления ВСЮР; 12) общее отступление деникинской армии, ее преследование; бои на Северном Кавказе; 13) ликвидация Южного фронта; 14) кампания 1920 г. в Северной Таврии и Крыму; 15) ликвидация Крымского белого фронта.

Исходя из того, что военная стратегия исключительно тесно связана с политикой, Н. Какурин уделяет повышенное внимание политическим аспектам²⁴⁴. В каждой строчке очерка чувствуется, что он написан высококлассным военным профессионалом. Например, удивительно современно звучит установленная ученым одна из основных причин поражения Белого движения. Он посчитал, что разница политических и военных целей отечественных и иностранных участников противосоветской коалиции имела следствием не только отсутствие надлежащего взаимодействия между вооруженными силами тех и других на театрах военных действий, но даже «приводила к открытым вооруженным столкновениям между ними (борьба между деникинцами и петлюровцами на Украине)»²⁴⁵.

В то же время, военный ученый не смог дать четкой оценки вешенскому восстанию казаков (весна 1919 г.). Он ограничил-

См.: Какурин Н. Стратегический очерк гражданской войны. Л., 1929. Там же.

ся лишь небольшим подстрочным примечанием, в котором написал буквально следующее: «Вешенское восстание явилось результатом работы контрреволюционных сил, использовавших колеблющиеся настроения казачьего населения, не могшие сразу улечься в рамки советского строительства. Анархо-эсеры приложили свою руку и к этому восстанию, выставив лозунг «советы без коммунистов»²⁴⁶. Хотя современный уровень накопления исторических знаний показывает, что здесь все намного сложнее.

Из специальных научных исследований, посвященных экономическим, социально-политическим и духовным аспектам деникинщины, следует, в первую очередь, отметить монографию Д. Кина²⁴⁷. Историк на основе протоколов заседаний Особого совещания, газет, мемуаров, рассматривает политику генерала Деникина в рабочем, крестьянском, национальном вопросах, пытается проанализировать состояние тыла белых. Показан генезис деникинской единоличной военной диктатуры.

Время написания книги ощущается почти что на каждой странице: пропагандистские штампы, изначальная заданность на обличительный уклон. Но при анализе конкретных событий появляется объективность. Как следствие, промежуточные выводы, сделанные в главах, часто диссонируют с общим заключением. Поэтому многие вопросы в работе лишь поставлены, но не нашли разрешения. Необходимо учитывать, что серьезной помехой в выполнении анализируемого исследования стала недостаточность документальных источников.

²⁴⁶ Какурин Н. Стратегический очерк гражданской войны... Указ. соч. С. 94.

²⁴⁷ Кин Д. Деникинщина. М.; Л., 1927. Своего рода подготовительной работой к изданию данной монографии можно считать статью Д. Кина, посвященную повстанческому движению на Украине против единоличной военной диктатуры (см. Кин Д. Повстанческое движение против деникинщины на Украине // Летопись революции. 1926. № 3–4. С. 70–90). Также можно классифицировать и небольшую брошюру Д. Кина, носящую агитационно-пропагандистский характер, «Деникинщина на Украине» (Б/г., Б/м.).

Особенно следует отметить оригинальные обобщения историка: ученый подчеркнул, что первостепенным по значительности в судьбе российской контрреволюции явилось то, что она начинала борьбу с периферии и двигалась к центру с окраин бывшей империи. Удержав же за собой центр, Советы получили преимущество в борьбе за власть, а пестрые по этноконфессиональному и социальному составу окраины оказались благоприятной средой для консолидации сил белых, к тому же получивших материальную поддержку Антанты. *«Это переплетение иностранной интервенции с сословно-казачьей, кулацкой и буржуазно-националистической контрреволюцией сыграло первостепенную роль в истории белого движения»*²⁴⁸, – писал Д. Кин. Именно поддержка интервентов придала антибольшевистскому движению всероссийский характер.

Необходимо подчеркнуть, что в анализируемой монографии показана разнонаправленность программ сил, соединившихся под началом генерала Деникина. Это, несмотря на массовость, слитность действий и определенные успехи поначалу, в конечном счете привело к поражению. Историк объяснял антисоветские выступления казачества и крестьян не только ошибками большевиков в продовольственном, земельном и национальном вопросах, но и «происками» кулачества и подпольной работой белогвардейцев.

Кин довольно подробно охарактеризовал формирование и развитие Добровольческой армии, ее идеологов (В. В. Шульгин), политический состав и структуру аппарата управления, личность самого генерала Деникина. Так, исследователь отмечал, что «не-предрешенчество» и «беспартийность» позиции Деникина, вождя Белого движения в Гражданской войне на Юге России, определялись «промежуточной» социальной природой единоличной военной деникинской диктатуры, а стремление провести сред-

нюю линию между крайней реакцией и «либерализмом» было бесперспективным.

Автор рассмотрел также состояние органов самоуправления, основные течения среди белой общественности по поводу земельного вопроса, положение основных отраслей экономики и национальную политику на занятой ВСЮР территории. Можно выделить характерную черту: историк резко высказывается по поводу ошибок советской власти, которые создавали ситуацию, выгодную для генерала Деникина²⁴⁹. Общий же вывод заключался в том, что «деникинщина» является «антидемократической», «антисоциалистической» контрреволюцией, и ее поражение закономерно²⁵⁰.

Анализ показывает, что Кин особое внимание акцентировал на пагубности деникинской политики великодержавного шовинизма. Он писал буквально следующее: *«Российская великодержавная контрреволюция оттолкнула от себя буржуазию малых наций и государственных новообразований: торжество белых означало гибель их государственной «самостоятельности». Своей империалистической политикой и негибелюемой линией на реставрацию «Единой, Великой, Неделимой России» белогвардейщина сумела очень быстро восстановить против себя Грузию, Азербайджан, Польшу, Прибалтийские государства, а вместе с тем и Антанту, главным образом Англию»*²⁵¹.

Монография Кина в настоящее время устарела. Но то, что автор попытался представить попытки преобразований Деники-

²⁴⁹ Подобная позиция критиковалась в советской историографии (см.: *Алексашенко А. П.* Советская историография деникинщины // ВИЖ. 1968. № 1. С. 83). Кроме политизации, тут сыграло свою роль то, что Кина расстреляли в годы сталинских репрессий, и его имя долгое время числилось по ряду запретных (см., напр.: *Артизов А. И.* Судьба историков школы Покровского // ВИ. 1994. № 7).

²⁵⁰ См.: *Кин Д.* Указ. соч. С. 45–50, 53–58, 82–115, 120–141, 158–170, 229–250, 262–273.

²⁵¹ *Кин Д.* Указ. соч. С. 250.

Г. М. Ипполитов

на на белом Юге России в период единоличной военной диктатуры как альтернативный вариант большевистскому развитию, не может не вызывать повышенного интереса у современных историков.

Вплотную примыкают к исследованию Д. Кина и статьи М. Мальта²⁵². В первой статье автор, базируясь на небольшом и разрозненном материале, который хранился в Архиве Октябрьской революции, анализирует отношения диктатора и крестьянства на белом Юге России. Историк рассматривает, главным образом, земельную программу генерала Деникина, особо подчеркивая, что ее краеугольным камнем являлось право частной собственности. Показано, что генерал откладывал окончательное решение аграрного вопроса до завершения Гражданской войны. Историк удалось кратко осветить борьбу внутри лагеря белых по аграрному вопросу. Он тонко подметил, что, как бы ни пытался единоличный военный диктатор придать либеральный характер своим аграрным мероприятиям, все равно они объективно укрепляли влияние и положение крупных помещиков, что озлобляло крестьянство и толкало его на борьбу с Деникиным.

В другой статье Мальт анализирует взаимоотношения диктатора и рабочих на белом Юге России. Особое внимание автор заостряет на попытках Деникина извлечь для себя пользу из «кир-стовщины», своеобразной формы установления гармоничных отношений между трудом и капиталом, близкой к тред-юнионизму²⁵³.

²⁵² См.: Мальт М. Деникинщина и крестьянство // П Р. М.; Л., 1925. № 1(25). С. 140–151; Он же. Деникинщина и рабочие // Там же. 1924. № 21. С. 64–68.

²⁵³ Тред-юнионизм (англ. – профессия объединение) – течение в рабочем движении, ограничивающее его задачи профессиональной борьбой за экономические требования. Тред-юнионы – профсоюзы в Англии и других странах – явились образцом для реализации в России идеи полицейского социализма (Национальная историческая энциклопедия. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: – <http://interpretive.ru/dictionary/386/word/tred-yunionizm>. – Загл. с экрана; <http://interpretive.ru/dictionary/386/word/tred-yunionizm>.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

Показано, почему рабочие в конечном итоге заняли враждебную позицию по отношению к генералу. Обе статьи взаимно дополняют друг друга, однако по информационной насыщенности вторая статья уступает первой. Общее же для них то, что они написаны с ортодоксальных марксистских позиций.

Рассматриваемая тема нашла отражение и в трудах о проблемах иностранной интервенции на Юге России²⁵⁴. Применительно к исследованию деникинщины наиболее значимой представляется работа А. Гуковского. В ней показана двойственность политики руководства французских интервентов, когда те, поддерживая Деникина, держали в уме вероятность его поражения. В данном контексте автор раскрыл некоторые противоречия генерала во взаимоотношениях с командованием интервенционистских сил Франции.

Однако из данной работы мы можем узнать лишь о внешней стороне контактов главнокомандующего ВСЮР и французского командования. Подспудные течения историк осветить не удалось, так как он не использовал архивные документы и француз-

²⁵⁴ См.: Балкун Ф. Интервенция в Одессе // Там же. 1923. № 6–7; Акулов Д. Союзный десант на Украине // Летопись революции. 1924. № 1(6); Левидов М. К истории союзной интервенции в России. Л., 1925; Черная книга : сб. ст. и материалов об интервенции Антанты на Украине в 1918–1920 гг. Харьков, 1925; Костяев Ф. Интервенция на Юге России // Кто должник? Сб. документированных ст. по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции. М., 1926.; Сухов В. Т. Иностранная интервенция на Одессине в 1918–1919 гг. Одесса, 1927; Танин М. 10 лет внешней политики СССР 1917–1927. М.; Л., 1927; Минц И. К десятилетию неудачи интервенции // Историк-марксист. 1929. № 11; Сперанский А. Вмешательство иностранных держав во внутренние дела России (По архивным материалам) // К десятилетию интервенции : сб. ст. М.; Л., 1929; Якушкин Е. Е., Полушин С. Английская интервенция в 1918–1920 гг. М.: Л., 1928; Якушкин Е. Е. Французская интервенция на юге. 1918–1919 гг. М.; Л., 1929; К десятилетию интервенции : сб. ст. М., 1929; Иоффе Я. Организация интервенции и блокады Советской республики. 1918–1920 гг. Очерк. М.; Л., 1930; Кальварии М. Интервенция в Крыму. Симферополь, 1930; и др.

Г. М. Ипполитов

ские источники²⁵⁵. В целом, в работе слабая источниковая база, больше фактографии, а не фактологии²⁵⁶.

Поднималась и тема взаимоотношений советской власти и казачества²⁵⁷. Представляет определенный исследовательский интерес и работа бывшего председателя казачьей секции ВЦИК И. Ульянова «Казачи и Советская республика». Ее несомненная ценность заключается в том, что автор довольно откровенно излагает материал о «расказачивании», безапелляционно классифицируя это как ошибку советской власти. Ульянов делает вполне обоснованный логический вывод, что именно «расказачивание» бросило огромную часть казаков в лагерь Деникина. Но этот труд нельзя классифицировать как строго научный. Во многих местах он пронизан идеологическими штампами, пропагандистскими тезисами²⁵⁸.

Особое внимание уделялось «еврейской» политике, проводившейся в рамках деникинщины. В таких публикациях на обширной документальной базе (официальные данные, показания очевидцев и т. д.) рассматривалась история еврейских погромов, чинившихся Добровольческой армией и ВСЮР²⁵⁹.

Необходимо подчеркнуть то, что вместе с проанализированными выше работами продолжали выходить в свет и труды, освещающие борьбу с деникинщиной в отдельных местно-

²⁵⁵ См.: *Гуковский А.* Французская интервенция на Юге России. М.; Л., 1928. Некоторые сюжеты из этой книги имеются и в другой работе Гуковского (см.: *Гуковский А. Н.* Очерки истории гражданской войны. 1917–1920 гг. М.; Л., 1928).

²⁵⁶ *Фактология* – описание фактов, опора на фактический материал, документальность. – Г. И.

²⁵⁷ См., напр.: *Микоян А. И.* Партия и казачество. Ростов-н/Д., 1925; *Янчевский Н. Л.* Разрушение легенды о казачестве. Ростов-н/Д., 1931; и др.

²⁵⁸ См.: *Ульянов И.* Казачи и Советская республика. М.; Л., 1929.

²⁵⁹ См.: *Лекаш Б.* Когда Израиль умирает. Л., 1928; *Ларин Ю.* Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л., 1929; *Островский З.* Еврейские погромы 1918–1921 гг. М., 1926; *Горев М.* Против антисемитов. Очерки и зарисовки. М., 1928; *Гусев-Оренбургский С. И.* Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 г. / ред. и послесл. М. Горького. М., 1923.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

стях²⁶⁰. Среди них стоит выделить произведения А. Тахо-Годи и Н. Янчевского.

Характерная особенность работы первого автора – опора на воспоминания непосредственных участников событий. Следовательно, здесь большая доля субъективизма. Тахо-Годи акцентирует внимание на антисоветской политике государств Антанты в лице правящих кругов Англии, «*связанных с Деникиным и стремившихся превратить Северный Кавказ в свою колонию*». В подтверждение такой мысли автор приводит документ, изобличающий так называемую английскую миссию. Ее представитель полковник Роладсон в своем обращении к горскому населению утверждал: «*Англия помогает Деникину снаряжением, тканями, аэропланами, пушками, пулеметами и будет помогать до исполнения Деникиным его цели. Англия дала для этого своих инструкторов*»²⁶¹.

Особенность работ второго исследователя – правильное определение основного противоречия в изучаемом регионе как

²⁶⁰ См.: *Полуян Я.* Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1921; *Калмыков Б. Е.* Очерки революционного движения в Кабарде. Нальчик, 1921; *Такоев С. А.* История революционного движения на Тереке. Владикавказ, 1926; Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927; *Лола И.* О кубанском казачестве. Ростов-н/Д.; Краснодар, 1926; *Головенченко Ф., Емельянов Ф.* Гражданская война в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1928; *Борисенко И. П.* Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. Краткая история республик: в 2-х т. Ростов-н/Д., 1930; *Он же.* Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 г. Ростов-н/Д., 1930; *Павлович М.* На высотах Красного Дагестана (из истории контрреволюции на Кавказе) // Новый Восток. 1923. № III; *Берлов В.* Из истории Гражданской войны на Северном Кавказе (1918–1919 гг.) // П Р. 1927. № 6 (55). С. 232–248; *Метелев А.* Кубанское крестьянство в борьбе с корниловщиной // П Р. 1926. № 4(51). С. 89–124; *Лозовый В.* Разгром деникинщины на Украине // Летопись революции. 1926. № 34; *Городецкий Б.* Периодика Кубано-Черноморского края. 1863–1925. Краснодар, 1927; *Литвинов Д.* Классовая борьба на Северном Кавказе в 1917–1920 гг. // История пролетариата СССР. 1934. № 1. С. 163–172; и др.

²⁶¹ См.: *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 36.

противоречия между казаками и «иногородними», вокруг которого и развивались вся борьба, не случайно *«Дон заслужил имя Вандеи»*. У Н. Янчевского есть, кроме того, попытка исследования разногласий между генералом Деникиным и Кубанской Радой. Интересно и такое наблюдение исследователя: трудящиеся горцы из-за низкого культурного уровня и религиозного фанатизма порой превращались в орудие контрреволюции. Он также пытается раскрыть такую проблему, как роль правящих кругов Англии в организации походов Деникина.

По мнению историка, *«национальный вопрос заслонил на Тереке остальные вопросы, к тому же, горские народы были слишком слабо дифференцированы, а пролетариат мало числен и недостаточно организован. Надо было сначала отвоевать у горской и русской контрреволюции горское крестьянство, трудовое казачество и иногороднее население»*. Но глубине анализа мешает излишняя описательность²⁶².

В другой своей работе Н. Янчевский констатирует: Деникин, захватив территорию Северного Кавказа весной 1919 г., *«установил в крае кровавый режим. Большевики вынуждены были уйти в подполье, но под их руководством продолжалась борьба горской бедноты»*²⁶³. Это был, по мнению автора, этап героической борьбы рабочих, горской бедноты и трудового казачества против засилия Добровольческой армии Деникина, неравной борьбы большевиков края с сильным врагом.

Историк также отмечает, что Кавказский краевой комитет партии большевиков призвал (4 августа 1919 г.) рабочих и беднейшие массы крестьянства объединиться для *«последнего и ре-*

²⁶² См.: Янчевский Н. Гражданская война на Северном Кавказе: в 2 т. Ростов-н/Д., 1927. Заметим, что ранее некоторые фрагменты из своей работы Н. Янчевский уже описал тремя годами раньше (см.: Янчевский Н. Л. Краткий очерк истории революции на Юго-Востоке (1917–1920). Ростов-н/Д., 1924). – Г. И.

²⁶³ Янчевский Н. От победы к победе (краткий очерк истории гражданской войны на Северном Кавказе). Ростов-н/Д., 1931. С. 64.

шительного удара по буржуазии и помещикам деникинской банды». Такой призыв нашел горячую поддержку у всех трудящихся края. Одна из особенностей этого этапа борьбы заключается в том, что партизанское движение развертывалось во взаимодействии с частями регулярных красных войск. Правда, в анализируемом очерке исследователь повторил некоторые положения, опубликованные им ранее.

Поднял интересную проблему в своей статье И. Гольден-тул, посчитавший, что увеличение числа иногородних на казачьих территориях стало причиной углубления социального разделения населения в этих районах на политические блоки во время Гражданской войны²⁶⁴.

В работе М. Ф. Бунегина освещается история иностранной оккупации Крыма и взаимодействие интервентов с антибольшевистскими правительствами и Добровольческой армией. Две последние главы его работы называются «Крым под властью Деникина» и «Врангелевщина», но в них рассказывается не о Белом движении, а о борьбе большевиков-подпольщиков и других против белых режимов. В книге достаточно подробно освещается история взаимоотношений Вооруженных сил на Юге России с населением, национальная политика ВСЮР в Крыму и т. д.²⁶⁵ Но все перипетии внутренней политики белых рассматриваются лишь как неудачная попытка реализации безжизненной политико-экономической программы и за внешне демократической формой скрыть реакционную сущность режима. *«Большевиков в деревне, – пишет М. Ф. Бунегин, – создала Добровольческая армия и правительство своими действиями. Они вскрыли крестьянину классовую сущность Гражданской войны»*²⁶⁶.

Конечно, с точки зрения современного уровня накопления исторических знаний, М. Ф. Бунегин прав: именно ошибки Белого

²⁶⁴ Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани. Краснодар, 1924.

²⁶⁵ Бунегин М. Ф. Революция и Гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). Симферополь, 1927. С. 294–314.

²⁶⁶ Там же. С. 314.

движения в аграрной политике в Гражданской войне на Юге России предопределили, главным образом, поворот основной массы крестьянства в сторону советской власти во всех регионах страны. И в Гражданской войне подобное стало одним из решающих условий победы Красной армии. Однако историк «не заметил» значительный демократический потенциал и динамику внутренней политики белых, связанных с развитием событий на фронте и изменениями в расстановке партийно-политических сил в их правительствах. Налицо доминанта классового подхода к оценке событий и явлений.

Как довольно яркое историографическое явление можно отметить и воспоминания бывшего прокурора Донской армии И. М. Калинина, символически озаглавленные «Красная Вандея». Автор смог непредвзято взглянуть на события, глубоко проникнуться психологией казачьей массы. Но это пронизано идеологическими клише, все больше утверждавшимися в историографии в то время. Из воспоминаний можно почерпнуть интересные сведения о противоречиях Деникина с казачеством Дона, особенно в сфере политики, а также и в военной сфере²⁶⁷.

Анализ истории изучения деникинщины в условиях относительной творческой свободы и ее исчезновения (1920-е – первая половина 1930-х гг.) позволил выявить **основные тенденции ее развития**:

1. Научный поиск авторов в рамках становления и утверждения проблемы, указанной выше, разработка путей ее углубленного изучения. Благоприятным фактором оказались условия относительной творческой свободы, положительный потенциал которых, однако, так и не был использован до конца. Да и сама она затем исчезла. В ход пошли ярлыки об «ученых – врагах марксизма» с соответствующими организационными выводами (вплоть до ареста), а также выдача всевозможных директивных указаний на предмет того, что и как писать.

См.: Калинин И. М. Красная Вандея. М.; Л., 1926.

2. Недостаточная опора в исследованиях на архивные документы и материалы, некоторая недооценка их отдельными историками.

3. Изучение рассматриваемой проблемы по восходящей линии: от научно-популярной, публицистической, очерковой литературы к научным исследованиям. Причем, в первых научных исследованиях обобщающего плана по истории Гражданской войны (А. Анищев, Н. Какурин) рассматриваются не только военные, но и социально-политические аспекты деникинщины. Увидели свет и специальные монографические исследования (Д. Кин) и статьи (М. Мальт, А. Гуковский и др.), в которых освещаются социально-политические аспекты деникинщины и некоторые аспекты внешней политики генерала Деникина, единоличного военного диктатора белого Юга России.

4. Доминирование исследования военных аспектов деникинщины – вооруженной борьбы Красной армии против Добровольческой армии и ВСЮР. Здесь имеются крупные специальные военно-исторические исследования (А. И. Егоров). Подобная тенденция логически вытекает из приоритетов советской исторической науки в изучении истории Гражданской войны в хронологических рамках, означенных выше.

5. Отсутствуют историко-психологические аспекты, то есть нет, к примеру, освещения личностных качеств вождя Белого движения на Юге России. Есть только пропагандистские клише и уничижительные ярлыки, выполненные в духе классового подхода к оценке событий и явлений. И чем больше угасала относительная творческая свобода историков, тем больше появлялось в работах о деникинщине пропагандистских клише и уничижительных ярлыков.

6. Охарактеризованы стержневые программные положения и партийно-политический состав южнороссийского Белого движения; определены стратегические положения политического курса Деникина, проводимого в рамках его единоличной военной диктатуры; выявлены причины поражения Белого движения на Юге России.

Культ личности И. В. Сталина и советская историческая наука. Советские историки стали заложниками методологической парадигмы, рожденной историческими реалиями прогрессирующего культа личности Сталина. И «попытка к бегству» каралась с исключительной жестокостью²⁶⁸, вплоть до смертной казни ослушников, посмевших «нырнуть под флажки»²⁶⁹.

Главное содержание исследуемого периода определялось социально-политической и духовной атмосферой, начавшей утверждаться в стране в результате культа личности Сталина. Теоретическая и методологическая база исторических исследований заострилась в рамках догматизированного марксизма, преломленного сталинскими идеологами в политических интересах тоталитарного режима. При этом заслуживает отдельной констатации следующее обстоятельство: марксизм в большевистском его измерении стал, по емкому определению Б. Рассела, данного ученым еще в 1920 г., не просто политической доктриной, но еще и религией со «своими догмами и священным писанием»²⁷⁰.

Правда, в 1933 г. в работе Покровского, недавно умершего, но пока еще до конца не осельмованного, можно было прочитать о том, что не стоит ограничиваться только цитированием классиков марксизма-ленинизма, что цитатничеством не заменить исторические исследования²⁷¹. Тем не менее, в исторической науке на долгое время в теории исторического познания занял ведущее место **догматизм**. А его главную характерную черту ранее чет-

²⁶⁸ См., напр.: Против исторической концепции М. Н. Покровского. М.; Л., 1939; Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. М.; Л., 1940; К изучению истории : сб. М., 1946; *Артизов А. Н.* В угоду взглядам вождя (конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР) // Кентавр. 1991. Окт.–дек.; Он же. Школа М. Н. Покровского и советская историческая наука: конец 1920-х – 1930-е гг. : автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1998; и др.

²⁶⁹ См., напр.: История и сталинизм : сб. ст. / сост. и авт. предисл. *Н. Мерцалов*. М., 1991; *Артизов А. Н.* Судьбы историков школы Покровского. С. 34–48; и др.

²⁷⁰ *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 7.

²⁷¹ См.: *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. М., 1933. Вып. 2. С. 377.

ко определил великий Гегель – односторонне рассудочное мышление, когда «исключаются противоположные определения»²⁷². Догматизм выступал в тесной связи с конъюнктурщиной, которая в отличие от него может быть не закостенелой, а постоянно видоизменяться, реагируя на политический ангажемент. В конечном итоге, Сталин, сделав марксизм-ленинизм государственным мировоззрением, оградив его от критики, создал все условия, чтобы тот, вместо утверждения себя в качестве одного из путей исторического познания, окончательно закостенел.

Необходимо подчеркнуть, что особый отрезок в истории советской исторической науки занимает период Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков (июнь 1941 – май 1945 г.). Она выдвинула перед историками новые задачи. Первостепенное значение приобрела историческая тематика, связанная с воспитанием патриотизма, укреплением единства армии и народ²⁷³. Произошел взлет исторического самосознания нации, и идеологически была востребована национальная история с культом героических личностей прошлого, прежде всего военачальников.

Однако, хотя и в несколько смягченных формах, но влияние культа личности Сталина на историческую науку по-прежнему имело место. За время Великой Отечественной войны на заседаниях Оргбюро ЦК ВКП(б) было рассмотрено около 40, а на заседаниях Секретариата ЦК – более 50 вопросов, связанных с идеологической деятельностью правившей в стране коммунистической партии²⁷⁴. И здесь обязательно затрагивались проблемы советской исторической науки. Это будет иметь далеко идущие последствия для дальнейшего ее развития, в том числе и в сфере изучения проблем Гражданской войны.

²⁷² *Гегель*. Соч. М.; Л., 1929. Т. 1. С. 70.

²⁷³ См., напр.: *Городецкий Е. Н.* Отечественная война против германских оккупантов в 1918 году на Украине. М., 1941.

²⁷⁴ См.: История Коммунистической партии Советского союза. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С. 405.

Причем, чем ближе приближался Советский Союз к победе, тем сильнее историки ощущали идеологическое и организационное давление, порожденное культом личности Сталина. В подтверждение данного тезиса выдвину такие аргументы:

1) в 1944 г. в связи с выходом в свет III тома «Истории дипломатии» принимается специальное постановление ЦК ВКП(б), где отмечалось, что в данном труде есть элементы возвеличивания немецкой нации и на этом фоне пренебрежительное отношение к славянским народам, а также пропаганда апологетики войны²⁷⁵;

2) в июне-июле 1944 г. состоялось Совещание по вопросам истории в ЦК ВКП(б). Анализ стенограммы Совещания²⁷⁶ позволяет сделать два обобщения: историки вынуждены были декларировать верность идеям и личности Сталина; обструкции предавались те ученые, кто пытался высказывать неординарные суждения (Е. Тарле, например)²⁷⁷.

Следовательно, партийное руководство исторической наукой несло в себе и большой отрицательный заряд, сковывало инициативу и творческий порыв историков. Нельзя не отметить и большие потери в составе историко-научного сообщества.

В первое послевоенное десятилетие сложным оставалось положение с источниковой базой исследования истории Гражданской войны, в том числе на Юге России. Тенденция к засекречиванию огромного пласта документов прогрессировала на фоне кампаний по повышению политической бдительности, «шпиономании», борьбы с «тлетворным влиянием Запада» и прочих мифологем периода культа личности Сталина.

Анализ показывает, что пленение советской исторической науки сталинской теоретико-методологической парадигмой на-

²⁷⁵ См.: Под знаменем марксизма. 1944. № 4–5. С. 7. Обвинения, с позиций современной исторической науки, необъективные. – Г. И.

²⁷⁶ См.: Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // ВИ. 1996. № 2–7, 9.

²⁷⁷ См.: Там же. № 9. С. 51.

чалось с сильнейшего удара по относительной творческой свободе историков, которая в силу указанных выше причин быстро затухала. Этот удар нанес выход в свет первого тома «Истории Гражданской войны». Работа по его подготовке шла быстрыми темпами²⁷⁸, что само по себе уже свидетельствует об обеспокоенности ЦК ВКП(б) отсутствием труда, где бы наличествовали априорные оценки и суждения по истории Гражданской войны. Тем самым был бы положен конец вольномыслию в трактовке ключевых, наиболее острых и дискуссионных вопросов злободневной проблемы недавнего прошлого.

В научной периодике начинают появляться материалы о том, как писать планируемую к изданию «Историю Гражданской войны»²⁷⁹. А уже в 1932 г. публикуется план издания, утвержденный главной редакцией²⁸⁰. Теперь в научной периодике появляются публикации о ходе работы над готовящимся к изданию фундаментальным научным трудом²⁸¹.

О значимости, которую придавали идеологи правившей в стране компартии подготовке «Истории Гражданской войны», говорит тот факт, что лично Сталин вошел в состав редакционной коллегии и оказывал самое непосредственное влияние на подготовку упомянутого издания. Он прекрасно осознавал, что планируемый труд будет нести огромную идеологическую нагрузку в интересах формирующегося тоталитарного политического режима (не случайно, были привлечены лучшие ученые-историки

²⁷⁸ См., напр.: *Говорков А. А.* К вопросу об участии М. Н. Покровского в работе над «Историей Гражданской войны в СССР» // *Вопр. истории Сибири.* Томск, 1972. С. 119–129.

²⁷⁹ См., напр.: *Кин Д.* Об истории Гражданской войны [Задачи издания] // *Зап. Ком. акад. Секция по изуч. пробл. войны.* 1931. Т. 4. С. 8–19.

²⁸⁰ См.: *История Гражданской войны. План издания, утвержденный главной редакцией.* М., 1932.

²⁸¹ См., напр.: *Грен Г.* История Гражданской войны. [Значение и задачи издания] // *Книга и пролет. рев.* 1932. № 4–5. С. 124–126; *Г. Р.* О работе местных комиссий содействия «Истории Гражданской войны» // *Историк-марксист.* 1933. Т. 4. С. 146–147; *Работа над «Историей Гражданской войны»* // Там же. 1934. Т. 3. С. 137–140 и др.

и литераторы во главе с А. М. Горьким). Как явствует из письма историку И. И. Минцу и Я. Б. Гамарнику от 19 августа 1935 г., Сталин говорил, что мы пишем историю не столько для себя, сколько для мирового пролетариата. Нужно объяснить рабочим и трудящимся, «почему в Европе не получилось, а у большевиков получилось и морда не в крови»²⁸².

В таком контексте становится ясной и позиция А. М. Горького, оценивающего готовящийся труд как историю «драки еще незаконченной»²⁸³.

Грандиозный замысел, благословленный лично Сталиным, материализовался в пятитомнике. Первый том, вышедший в 1935 г., в который Сталин лично внес более 700 исправлений²⁸⁴ (как по тексту, так и по оформлению), представил собой красочно оформленный памфлет. Более половины иллюстраций книги - политические карикатуры на контрреволюционеров всех оттенков. Сталин добился того, чего опасался Горький, написавший лидеру Советского государства в начале апреля о том, что первый том «Истории Гражданской войны» получается обезличенным, так как в нем нет подлинно исторических портретов контрреволюционеров²⁸⁵. Последующие тома, издававшиеся в другой обстановке, были более корректными, но до предела идеологизированными²⁸⁶.

И, наконец, последний победный удар по остаткам относительной творческой свободы историков нанес выход в свет в 1938 г. сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)»²⁸⁷. Созданный, как указывалось на титульном листе, под редакцией комиссии ЦК ВКП(б) и одобренный ЦК ВКП(б)²⁸⁸, он на долгие годы стал

²⁸² См.: Источник. 1996. № 2. С. 67.

²⁸³ Там же. С. 75.

²⁸⁴ См.: Там же.

²⁸⁵ См.: Там же. С. 78

²⁸⁶ См.: История Гражданской войны в СССР: в 5 т. М., 1935–1961.

²⁸⁷ См.: История Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). 1938 год. М., 1938.

²⁸⁸ Самое деятельное участие в его разработке принял И. В. Сталин (см., напр.: Сталин И. В. в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)» (Вступительная статья М. В. Зеленова) // ВИ. 2002. № 11, 12).

единственным пособием для изучающих историю большевистской партии как в СССР, так и за рубежом²⁸⁹.

Все это привело к тому, что история изучения проблемы деникинщины развивалась под воздействием ряда существенных факторов негативного характера: 1) жесткая регламентация научной жизни, нетерпимость к инакомыслию, давление на историков, вплоть до их физического устранения; 2) противоречивое, со многими деформациями развитие источниковой базы; 3) непомерное восхваление Сталина как обязательная атрибутика научных работ; 4) неизгладимый отпечаток эскалации беззакония, принимавшего все более грандиозные масштабы во всех сферах жизни.

Жесткая регламентация научной жизни, нетерпимость к инакомыслию, давление на историков вплоть до их физического устранения. По количеству постановлений и мер, принятых и предпринятых ЦК и СНК в области истории, первая половина 30-х годов минувшего века не имеет себе равных²⁹⁰. Изучаемый период ознаменовался судебными процессами над крупнейши-

²⁸⁹ За 15 лет – с 1938 по 1953 г. – «Краткий курс» переиздавался 301 раз тиражом 42 816 тыс. экземпляров на 67 языках (см.: Советская библиография: сб. ст. и материалов. Вып. 1(34). М., 1953. С. 224.). Об этой работе см.: См.: Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П. Культ личности и историко-партийная наука // ВИ КПСС. 1988. № 5; Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б) – энциклопедия культа личности Сталина // ВИ КПСС. 1998. № 11.

²⁹⁰ См. напр.: Постановление о военных архивах СССР от 7 апреля 1933 г.; О преподавании Гражданской истории в школах СССР: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) // Правда. 1934. 16 мая. Небезынтересна здесь и такая публикация: Вопросы преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. Стенограммы докладов Е. Ярославского, В. Адоратского, Д. Кина, Б. Куна, прений по докладом, резолюции и тезисы, принятые на совещании, происходившем в Обществе историков-марксистов Коммунистической академии 9–13 февр. 1930 г. М., 1930. В ней, в частности, имеются сведения о том, что Д. Кин признал историю партии большевиков «особой в отличие от ленинизма самостоятельной научной дисциплиной», основанной на марксистско-ленинской методологии. Именно с помощью истории партии большевиков, посчитал Д. Кин, можно изучать, «в борьбе с какими врагами вырос, окреп и победил большевизм» (там же. С. 313).

ми историками, причем жестокие репрессии затронули не только специалистов старой школы²⁹¹, но и историков «школы Покровского»²⁹². Последние активно участвовали в разгроме и травле старой профессуры, а затем сами оказались в числе репрессированных. Кроме того, в академических журналах публиковались статьи директивного плана, в которых советским историкам выдавались рекомендации (а вернее указания), что и как писать²⁹³.

Противоречивое, со многими деформациями развитие ис-точниковой базы. Казалось, что следовало большее число документов ввести в научный оборот. Однако вместо увеличения фактического материала иногда происходило его сокращение. В научный оборот не только не вводились новые документы и факты, но и замалчивались многие из тех, которые широко распространялись в исторической литературе. Огромное количество документов, идущих вразрез со сталинскими идеологическими установками, засекречивалось.

Непомерное восхваление И. В. Сталина как обязательная атрибутика научных работ. Тон здесь задавало высшее партийно-политическое звено руководства страны. Так, Ворошилов писал: *«Нужно быть Сталиным и обладать его крупнейшими организаторскими способностями, чтобы, не имея никакой военной подготовки (товарищ Сталин никогда не служил на военной службе), так хорошо понимать специальные вопросы в тогдашней трудной обстановке»*²⁹⁴. Сыграли здесь свою роль и академические журналы. Например, журнал «Вопросы истории» (1949. № 12) был целиком посвящен показу роли Стали-

²⁹¹ В 1938 г. были необоснованно репрессированы А. Свечин и А. Верховский. – Г. И.

²⁹² Более подробно см.: Артизов А. Н. Судьбы историков школы Покровского.

²⁹³ См., напр.: Основные задачи историков советского общества // ВИ. 1949. № 8; О задачах изучения истории сталинской внешней политики Советского Союза // Там же. 1950. № 4.

²⁹⁴ Ворошилов К. Е. Царицын // Героическая оборона Царицына. С. 10.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

на не только как «великого вождя и учителя»²⁹⁵, но и теоретика марксизма²⁹⁶, ученого-историка²⁹⁷. Все это приурочивалось к 70-летию со дня его рождения. Разумеется, и в периодике освещаемая тенденция расцвела пышным цветом.

Неизгладимый отпечаток эскалации беззакония, принявшего все более грандиозные масштабы во всех сферах жизни. Данная устойчивая тенденция находила всемерное оправдание в литературе, что особенно ярко прослеживается в военной периодике. Со второй половины 1930-х гг. в ней все чаще появляется информация, подобная следующей: работники Политуправления РККА, собравшись по поводу вынесения смертных приговоров в июне 1937 г. М. Н. Тухачевскому и др., попутно клеймили позором Я. Гамарника. Пока СССР находится в капиталистическом окружении, «каждый красноармеец, каждый политработник должен быть передовым разведчиком нашей социалистической Родины. Мы обязуемся стать активными добровольцами НКВД по разоблачению врагов народа»²⁹⁸.

Все это, в конечном итоге, способствовало тому, что историографическая работа советских историков в 1930-е – 1940-е гг. не получила должного развития. Относительно же рассматриваемой темы приходится констатировать, что она практически не нашла историографической разработки: не издали в данной связи ни одной хотя бы обобщающей статьи историографического плана.

²⁹⁵ См.: Товарищу Сталину – великому вождю и учителю, продолжателю бессмертного дела Ленина // ВИ. 1949. № 12; Маленков Г. Товарищ Сталин – вождь прогрессивного человечества // Там же.

²⁹⁶ См.: Каммари М. Создание и развитие И. В. Сталиным марксистской теории нации // ВИ. 1949. № 12.

²⁹⁷ См.: Сидоров А. И. Сталин и советская историческая наука // ВИ. 1949. № 12.

²⁹⁸ Красная звезда. 1937. 14 июня. Клеймили позором «врагов народа» и на открытом партийном собрании Института красной профессуры (май 1937 г.) (см.: 1937 год. Институт красной профессуры (стенограмма партийного собрания) // ОИ. 1992. № 2.)

Между тем, неправильно было бы полагать, что в рамках безраздельного господства в советской исторической науке сталинской теоретико-методологической парадигмы вовсе не имелось благоприятных факторов для создания исторических исследований.

Во-первых, для придания методологической стройности работам в системе координат, существовавших тогда в советской исторической науке подходов по проблемам Гражданской войны, имели большое значение следующие обстоятельства: в 1941 г. издан двухтомник военных произведений Ф. Энгельса²⁹⁹; в 1946 г. завершается издание 28-томного первого собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса; в 1941–1950 гг. было выпущено четвертое издание сочинений В. И. Ленина в 35 томах, содержащее около 3000 ленинских произведений. Причем, данное собрание сочинений переводилось на национальные языки во всех союзных республиках; в 1941–1945 гг. Институт Маркса – Энгельса – Ленина издал XXXIV–XXXV Ленинские сборники, в которых опубликованы документы В. И. Ленина, относящиеся к периоду Гражданской войны; особенно следует отметить издание в 1943 г. «Военной переписки В. И. Ленина»³⁰⁰ (правда, в данное рассуждение необходимо внести поправку, что все более набиравший силу культ личности Сталина отодвигал на второй план методологическую значимость ленинских произведений).

И если сегодня нет смысла говорить о методологической ценности материалов Ленинских сборников, то в их источниковедческом значении сомневаться не стоит. И вообще, размах издательской деятельности в данной связи впечатляет: утвержденный на 1941–1945 гг. план издательской работы предполагал, в частности, выпуск новых томов 4 издания собрания сочинений В. И. Ленина, его военной переписки в 1917–1920 гг., сбор-

Энгельс Ф. Избр. военные произв.: в 2 т. М., 1941.
Ленин В. И. Военная переписка. М., 1943.

ников и отдельных произведений. Всего же за годы Великой Отечественной войны опубликовалось более 500 трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина общим тиражом около 17 млн экземпляров³⁰¹.

Во-вторых, улучшился качественный состав кадров военных историков, которые занимались и проблематикой Гражданской войны. Только в 1938–1939 гг. защитили 459 докторских и кандидатских диссертаций. К началу 1940–1941 учебного года 40 % преподавателей военных академий имели ученую степень и (или) ученое звание³⁰².

В-третьих, выпущены сборники документов, что свидетельствует об определенном количественном приращении источниковой базы. В них вошли достаточно разнообразные, но крайне односторонне трактуемые документы, что отразилось в пространных комментариях³⁰³. Издавались и воспоминания³⁰⁴. Между тем, подготовка данных сборников велась более квалифицированно, чем в первое десятилетие советской власти. Они стали в большей степени отвечать тематической направленности и выигрывать в археографическом аспекте.

Таким образом, культ личности Сталина стал прокрустовым ложем для советской исторической науки. Профессия историка стала даже опасной для жизни.

В подобных условиях исследование деникинщины в измерениях сталинской теоретико-методологической парадигмы

³⁰¹ См.: Партийное строительство. 1945. № 7/8. С. 46–47.

³⁰² См.: Шлыков А. Ф. Деятельность Коммунистической партии по подготовке и воспитанию военно-педагогических кадров в период мирного социалистического строительства. 1921 – июнь 1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 18–19.

³⁰³ Их характеристика будет дана в отдельной главе монографии. – Г. И.

³⁰⁴ См., напр.: В боях за Ростов. Воспом. Ростов-н/Д., 1939; Ворошилов К. Е. Воспоминания о взятии Ростова. Ростов-н/Д., 1940; Женщина в гражданской войне. Эпизоды борьбы на Северном Кавказе в 1917–1920 годах: (в очерках и воспоминаниях участников). М., 1937.

априори проходило в жесткой оценке, изложенной в «Кратком курсе истории ВКП(б)». В нем, к примеру, отмечалось, что Деникин – сподвижник Корнилова, организатор Добровольческой армии, орудовавшей против советской власти на юге, в районе Кубани. Генерал, армию которого «Антанта снабдила... большим количеством вооружения и снаряжения и двинула на Север против советской власти». Генерал, который был разгромлен, благодаря тому, что ЦК РКП(б) «принял план товарища Сталина по уничтожению Деникина»³⁰⁵.

Под такую немудреную догматизированную схему и подгонялись все работы. Главное внимание историков, четко выполнявших указание ЦК ВКП(б), сосредоточилось на темах по «разгрому «белогвардейских банд Деникина»³⁰⁶. Выполняя «указания товарища Сталина», историки громили «белогвардейские банды Деникина» на страницах обобщающих работ по истории Гражданской войны³⁰⁷, и в специальных публикациях, выходивших в свет

³⁰⁵ История Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). 1938 год. М., 1945. С. 227.

³⁰⁶ Причем, о руководителях этих «белогвардейских банд», как об исторических личностях, писали мало. А если и писали, то допускали вопиющие неточности даже в кратких биографических справках. Так, 31 января 1949 г. была составлена пояснительная записка к личному фонду генерала Деникина в ЦГАОР (ныне ГА РФ). В ней составители черным по белому записали: во-первых, Деникин являлся во время Русско-японской войны командиром дивизии; во-вторых, после Гражданской войны Деникин – белый эмигрант, который якобы до 1930 г. жил во Франции, позже в Америке (хотя Антон Иванович покинул Францию в декабре 1945 г.). Деникин по политическим взглядам, утверждают авторы пояснительной записки, был близок к октябристам (ГА РФ. Ф. р-5827. Оп. 1. Пояснительная записка. Л. 3–4). Все вышеизложенное не соответствует истине. Налицо все тот же курс на создание фигур умолчания, неудобоваримых для советской власти и о которых можно писать всякую ложь. – Г. И.

³⁰⁷ См.: Минц И. И. Иностранная интервенция и Гражданская война М., 1940; Милуковский А. И. Гражданская война в СССР. 1918–1920 гг.: в 3-х ч. М., 1939–1940.

как в центре³⁰⁸, так и на периферии³⁰⁹. Некоторые из них писали и крупные военачальники РККА³¹⁰.

Правда, нельзя не заметить, что иногда пробивали дорогу и рациональные мысли, не вписывающиеся в систему координат культа личности Сталина. Так, Ворошилов, на фоне беспримерного восхваления Сталина утверждал, однако, что из всех частей генерала Деникина «наиболее серьезной силой следует считать добровольческую армию (пехота), как наиболее квалифицированную, с большим резервом кадровых офицеров при полках, и кавалерийские корпуса Шкуро-Мамонтова (конница). Добровольческая армия имела своей задачей взятие Москвы, конница же Шкуро и Мамонтова – прорывы и разрушение тылов наших южных армий»³¹¹. С точки зрения современного уровня накопления исторических знаний, с подобным утверждением можно, по крайней мере, в основном, согласиться.

Нельзя не отметить крупную работу Э. Генкиной. Автор резко подчеркивает коалиционные противобольшевистские намерения донского атамана генерала П. Н. Краснова и командующего Добровольческой армией генерала Деникина захватить «красный Царицын». При этом присутствие каких-либо противо-

³⁰⁸ См.: Разгром армии Деникина. М., 1939; Ангарский М. К двадцатилетнюю победу над Деникиным // ВИЖ. 1939. № 8. С. 5–35; Кузнецов Ф. Начало разгрома Деникина // Воен. вестн. 1939. № 11; Первая конная (Очерки из истории Красной конницы). М., 1938; Меликов В. Сталинский план разгрома Деникина. М., 1938; Федоров А. М. Разгром армии Деникина // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 21.; Кабышев Л. В. Сталинский план разгрома Деникина. М., 1940; и др.

³⁰⁹ См., напр.: Евсеев Н. Фланговый удар на Воронеж – Касторная. М., 1936; Раенко Я. Н. Г. К. Орджоникидзе на Кубано-Черноморье. Краснодар, 1940; Апанасенко И. Из боевого прошлого (20 лет Первой Конной). Ташкент, 1939; Загородских Ф. С. Борьба с деникинщиной и интервенцией в Крыму. Симферополь, 1940; и др.

³¹⁰ См., напр.: Егоров А. И. Героическая эпопея. Царицынская операция 1918. Сталинград, 1937; Буденный С. М. Конные массы, как решающая сила в Гражданской войне // Красная конница. 1939. № 11.

³¹¹ Ворошилов К. Е. Сталин и Красная армия. М.: Воениздат, 1937. С. 12.

Г. М. Ипполитов

речий между названными антибольшевистскими политическими лидерами, даже в личностном плане, не показывались. Напротив, сознательно подчеркивался факт абсолютного соглашения, будто бы на деле достигнутого между ними в мае и декабре 1918 г.

Для Генкиной нет сомнений: генерал Краснов – «наемник германского империализма», а генерал Деникин – «ставленник англо-французских империалистов». Следовательно, эти генералы не имеют политического лица, они просто слепые исполнители воли своих хозяев и поэтому обречены на поражение³¹².

Освещая роль генерала Деникина в битве за Царицын, историк допустила ошибку, отведя ему лишь роль надежного гаранта безопасности тыла атамана Краснова. В духе «Краткого курса» Генкина объясняет поражение генерала Деникина только лишь классовыми причинами, отсутствием контакта между тылом и фронтом, «антинародной политикой» режима, а его временные успехи – помощью англо-французских интервентов, колебаниями крестьянства и казачества, изменой отдельных красных военачальников, покровительствуемых «предателем Троцким» и т. п.

Допустил ошибку и В. Меликов, утверждавший, что генерал Деникин отказался от совместных действий с атаманом Красновым, так как считал, что в тот момент было более правильным захватить Кубань с помощью Антанты, а затем подчинить себе крас-новские войска³¹³. Однако в период Второго Кубанского похода генерал Деникин пока еще не получал ощутимой помощи от союзников. Кроме того, он был вынужден отказаться от участия в операциях под Царицыном, потому что Добровольческая армия увязла в кровопролитных сражениях с 11 Красной армией на Северном Кавказе. Но Меликов в своей работе, как это ни парадоксально, счел необходимым вообще умолчать об этой армии.

³¹² См.: Генкина Э. Битва за Царицын в 1918 году. М., 1940. С. 214.

³¹³ См.: Меликов В. Героическая оборона Царицына (1918). М., 1938.

Историографический анализ показывает следующее: несмотря на то, что исследовательские акценты были смещены на проблему Царицына, но появлялись, хотя и в небольшом количестве, публикации о борьбе с красных и белых в других регионах. Здесь следует отметить три работы профессора И. Разгона, проявившего исследовательский интерес к Добровольческой армии образца 1918 г. и проблеме борьбы Деникина с кубанскими «самостийниками» в 1919 г.

В первой статье наличествует большой фактографический материал о расправе Деникина с кубанскими самостийниками в конце 1919 г. Но много и пропагандистских ярлыков, составленных по канонам времен культа личности Сталина³¹⁴.

В другой его статье на фоне разгрома корниловщины³¹⁵ на Кубани рассматривается Деникин как слепой исполнитель воли Корнилова, хотя это и далеко от исторической правды. Характерно, что Разгон в своей статье опирается на некоторые документы, хранящиеся в ГА РФ в личном фонде А. И. Деникина, а также на отдельные документы, отложившиеся сегодня в фондах РГВА³¹⁶. Данную статью можно классифицировать как оригинальный труд, позволяющий более глубоко представить генерала Деникина в период генезиса Белого движения, главным образом в качестве военачальника. Разумеется, если отбросить при этом в сторону обязательную идеологическую атрибутику периода культа личности Сталина³¹⁷.

³¹⁴ Разгон И. «Кубанское действо». Разгром Кубанской Рады генералом Деникиным // Борьба классов. 1937. № 6. С. 68–77.

³¹⁵ Еще одна политизированная категория советской исторической науки, стоящая в одном ряду с такими категориями, как деникинщина, врангелевщина, колчаковщина. – Г. И.

³¹⁶ Работая в ГА РФ и РГВА, я встречал подпись проф. И. Разгона в листах ознакомления с документами, материал из которых историк использовал в своих работах. В условиях чрезвычайной секретности хранения документов Белого движения он все же имел к ним некоторый доступ, что, видимо, можно объяснить тем, что Разгон входил в число официальных историков, работавших под эгидой ЦК ВКП(б). – Г. И.

³¹⁷ Разгон И. Разгром Корнилова на Кубани // ВИЖ. 1940. № 2. С. 27–39.

И, наконец, еще в одной работе ученый обращается к исследованию деятельности исторических персоналий двух видных большевистских лидеров (Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров) в годы Гражданской войны. Здесь содержится много интересных сведений о подпольной и партизанской борьбе против деникинщины. Однако последняя работа Разгона представляет несколько меньший интерес, чем первые две. В ней есть много данных, которые уже фигурировали в то время в научной литературе³¹⁸. Точно так же, как и еще в одной статье ученого, изданной в годы Великой Отечественной войны³¹⁹.

Следует констатировать то, что кроме военных аспектов разгрома деникинщины, появились и некоторые публикации, посвященные ее политическим и социально-экономическим аспектам³²⁰.

Особого внимания в данном ряду заслуживает исследование А. Четыркина «Развал и разложение армии Деникина». Его

³¹⁸ См.: *Разгон И.* Орджоникидзе и Киров в борьбе за власть Советов на Северном Кавказе (1918–1920). М., 1941. Такой же оценки заслуживает еще одна работа И. Разгона (см.: *Разгон И.* Э. Женщины в гражданской войне. Эпизоды борьбы на Северном Кавказе и Украине в 1917–1922 гг. М., 1938).

³¹⁹ См.: *Разгон И.* Борьба партизан против белогвардейцев на Северном Кавказе в 1919–1920 гг. М., 1942.

³²⁰ См.: Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936; *Утевский Б.* Белый террор. Углубление и расширение белого террора // Уголовная политика капиталистических стран : сб.ст. Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. С. 89–104; *Лунин Б. В.* К истории донского казачества. Ростов-н/Д., 1937; *Мельчин А. Г. К.* Орджоникидзе. М., 1939; *Корчин М., Раенко Я.* Борьба большевистских организаций Дона за Великую социалистическую революцию. Ростов-н/Д., 1939; *Раенко Я. Н.* Из истории большевистских организаций Кубано-Черноморья (1917–1920 гг.). Краснодар, 1940; *Он же.* Борьба большевиков за установление советской власти на Кубани и Черноморье // Большевик. 1940. 26 февр.; *Он же.* Борьба за Великую социалистическую революцию на Кубани и Черноморье // ИЖ. 1938. № 10; *Он же.* Г. К. Орджоникидзе на Кубано-Черноморье. Краснодар, 1940; *Он же.* Хроника исторических событий на Дону, Кубани, Черноморье. Т. 1–2. Ростов-н/Д., 1941; *Бычков Л.* ВЧК в годы Гражданской войны. М., 1940 и др.

главное достоинство – богатый фактический материал об экономике на территории, подконтрольной единоличному военному диктатору белого Юга России. Автор вскрывает причины разложения тыла ВСЮР, опираясь, в основном, на богатый материал прессы белого Юга России, а также на отдельные архивные документы.

В работе цитируются некоторые высказывания генерала Деникина, из которых можно составить отрывочные представления о нем как единоличном военном диктаторе. Четыркин довольно подробно анализирует мероприятия главкома ВСЮР по локализации процесса разложения тыла и армии. Исследователь особенно акцентирует внимание на том, что единоличный военный диктатор, в силу личных ошибок, неподготовленности к политической деятельности не смог придать процессу разложения тыла и армии хотя бы дискретный характер. Особенно следует подчеркнуть то, что богатый фактографический материал, представленный в работе, может привести современного исследователя к выводам, иногда диаметрально противоположным заключениям и обобщениям Четыркина, подогнанным под догмы «Краткого курса истории ВКП(б)».

В целом же, данная работа занимает несколько обособленное положение по глубине анализа проблемы, а также собранного в исследовании, не будет преувеличением сказать, уникального фактического материала, главным образом по источникам лагеря белых (что нетипично для исторической науки времен культа личности Сталина)³²¹.

Анализ историографических источников показывает, что в послевоенное время основные усилия ученых сосредоточились на военных аспектах разгрома деникинщины, что нашло от-

³²¹ См.: *Четыркин А.* Развал и разложение армии Деникина // ИЗ. М., 1941. С. 8–36.

ражение в ряде трудов, все также базирующихся на сталинской методологии³²².

Естественно, по-прежнему резко преувеличивалась роль Сталина в разгроме «белогвардейских банд Деникина». Так, краткая биография Сталина несла в себе такую мифологему. После того, как Ленин обратился от имени ЦК РКП(б) к партийным организациям «со страстным призывом *«Все на борьбу с Деникиным!»*», Южный фронт получил все необходимое. Но «нужен был руководитель, который сумел бы сплотить сотни тысяч бойцов, сцементировать их единой волей и обрушить на врага». Ясно, что таким человеком стал Сталин, назначенный на Южный фронт. Он смог разработать правильный стратегический план, так как устранил из штабов войск «ставленников Троцкого и потребовал полного невмешательства в дела Троцкого». Сталин отбросил «преступный старый план», автором которого являлся Троцкий³²³. И как резюме: «*Реализация плана Сталина привела к разгрому Деникина*»³²⁴.

Между тем, современный уровень накопления исторических знаний свидетельствует: роль Сталина в разработке, в частности, стратегического плана борьбы с войсками генера-

³²² См.: *Кадышев А. В.* Сталинский план разгрома Деникина. М., 1946; *Корчин М. Н.* Донское казачество. Ростов-н/Д., 1949; *Кондрашов И. С.* М. Киров – организатор большевистского подполья в тылу Деникина // ВИ. 1947. № 7. С. 18–34; *Лихолат А. В.* Разгром буржуазно националистической Директории на Украине. К., 1949; *Он же.* Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917–1922 гг.). К., 1955; *Саланичев К.* Волжско-Каспийская флотилия в борьбе за Каспий (1918–1920). М., 1952; *Бурджалов Э.* Советская страна в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1952; и др.

³²³ Иосиф Виссарионович Сталин : крат. биогр. 2-е изд., испр. и доп. М., 1952. С. 76–77.

³²⁴ Там же. С. 78.

ла Деникина, да и в разгроме ВСЮР, в целом, не столь уж велика³²⁵.

Но при всем критическом отношении к работам, разобранным выше, нельзя не отметить того, что в послевоенной историографии деникинщины имеется, как правило, некоторый фактографический материал. Так, Г. А. Кокиев писал о том, что «*формы классовой борьбы трудящихся масс Кабарды против белогвардейской своры были разнообразны, начиная от молчаливого саботажа распоряжений деникинских властей и кончая ожесточенной вооруженной борьбой. Одной из наиболее распространенных и весьма чувствительных для белых форм классовой борьбы было дезертирство из рядов белой армии насильственно мобилизованных кабардинских крестьян*»³²⁶.

Имеется небезынересная фактография в форме фрагментарных сведений о внешнеполитической деятельности политического режима генерала Деникина на белом Юге России и в работах о дипломатической истории интервенции³²⁷.

Подобную оценку можно дать и статьям И. Кондрашова, И. Г. Гимпельсона, Н. Я. Раенко, посвященным соответственно большевистскому подполью на территориях, подконтрольных

³²⁵ См., напр.: *Волкогон Д. А.* Троцкий (политический портрет): в 2 кн. М., 1992; *Он же.* Ленин. Политический портрет: в 2-х кн. М., 1994; *Бойчев И. З.* Военно-политическая деятельность Троцкого в годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; *Кузнецов В. А.* Военно-политическая деятельность И. В. Сталина в годы военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1990 и др.

³²⁶ *Кокиев Г. А.* Борьба кабардинской бедноты за Советскую власть (1917–1921 гг.). Нальчик, 1946. С. 45–46.

³²⁷ См.: *Лемин И. М.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локкарно. 1919–1925. М., 1947; *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920). М., 1949 (своего рода апробацией данной монографии можно считать статью Штейна: см.: *Штейн Б.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции // ВИ. 1947. № 8); *Волков Ф. Д.* Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции советского государства. М., 1954; и др.

Г. М. Ипполитов

ВСЮР и ее экономическому ограблению силами интервентов и белогвардейцев, а также теме борьбы за установление советской власти на Кубани, в Черноморье и на Северном Кавказе³²⁸.

Богаты фактографией и работы, в которых на документальном материале рассматривается захват деникинскими войсками Терека и других районов Северного Кавказа³²⁹. Здесь, по мнению авторов очерков, упомянутых в подстрочном примечании, был установлен «режим дикого произвола, массовых грабежей и казней».

В качестве отличительной черты можно выделить то, что после Великой Отечественной войны появились и диссертационные исследования, в которых нашли отражение следующие проблемы: 1) *военные аспекты разгрома деникинщины*³³⁰; 2) *деятельность партийных и государственных органов по мобилизации населения на борьбу с Деникиным*³³¹; 3) *партизанское дви-*

³²⁸ См.: Кондрашов И. С. М. Киров – организатор большевистского подполья в тылу Деникина // ВИ. 1947. № 7. С. 18–34; Гимпельсон Е. Г. Ограбление хозяйства Юга России интервентами и белогвардейцами в 1919 г. // ИЗ. 1950. № 35. С. 36–61; Раенко Н. Я. Борьба за установление Советской власти на Кубани и в Черноморье // Уч. зап. Ростовского пед. ин-та. 1953. Вып. 1. С. 53–94; Разгон И., Мельчин А. Борьба за власть Советов в Дагестане (1917–1921). Махачкала, 1945; Из истории борьбы за советскую власть на Северном Кавказе в 1917–1918 годах // ВИ. 1951. № 10 и др.

³²⁹ См.: Очерки по истории Дагестана. Махачкала, 1950; Кабарда в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). Нальчик, 1954. В анализируемых книгах войска белых именуются как «деникинские банды». – Г. И.

³³⁰ См.: Таллалов Б. Р. Борьба большевиков Дагестана против английских интервентов и Деникина (1919–1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1950; Докунин И. И. Разгром вооруженной интервенции Антанты на Юге Украины : дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1950; Титкин И. Ф. Партия большевиков – вдохновитель и организатор разгрома Деникина : дис. ... канд. ист. наук. М., 1951; Аеуреев К. В. Контрнаступление Красной армии против Деникина (осень 1919 г.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1952; Крылова Е. Т. Борьба за освобождение Царицына от деникинской контрреволюции (июнь – декабрь 1919 г.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1952; Фиронов Н. А. Коммунистическая партия – организатор разгрома второго похода Антанты : дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.

³³¹ См.: Шафир А. Советы в борьбе с Деникиным : дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

жение на территориях, подконтрольных белым³³²; 4) *партийно-политическая работа в войсках Красной армии, участвовавших в борьбе с ВСЮР*³³³. Все диссертации выполнены на господствовавшей в тот период методологической основе. Между тем, в них имеются и небезы-interесные для современных исследователей факты, требующие лишь нового прочтения.

Таким образом, советские историки являлись пленниками сталинской теоретико-методологической парадигмы. Деникинщина, главным образом «разгром белогвардейских банд Деникина», благодаря «гениальным планам товарища Сталина» изучалась в априорных схемах, заданных «Кратким курсом истории ВКП(б)». Военно-историческая проблематика, как и в 1920-е – начале 1930-х гг. была приоритетной. Причем, на направлении главного удара ученых исторических сил находилось царицынское направление, так как оно напрямую связано с именем Сталина.

Рассматривались, однако, и некоторые экономические, и социально-политические аспекты деникинщины. Именно здесь появилось наибольшее количество уничтожительных ярлыков. Ими подменялось раскрытие личности генерала Деникина. Правда, и в условиях культа личности Сталина появилось крайне небольшое количество статей, которые несколько выходят за рамки, заданные «Кратким курсом истории ВКП(б)» (И. Разгон, А. Четыркин). При новом прочтении они могут дать современным исследователям небезы-interесную информацию к размышлению.

³³² См.: Заболотский Н. Большевистская партия – организатор партизанского движения в тылу Деникина на Юге России (1918–1920); Красильников К. К. Партизанское движение на Черноморье в период интервенции и Гражданской войны (1918–1921) : дис. ... канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 1951; и др.

³³³ Владимирцев В. С. Партийно-политическая работа на Южном фронте в период разгрома Деникина (октябрь 1919 – январь 1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1952; Прусанов И. П. Коммунисты Южного Фронта в борьбе за разгром Деникина : дис. ... канд. ист. наук. М., 1953; Титкин И. Ф. Партия большевиков – вдохновитель и организатор разгрома Деникина : дис. ... канд. ист. наук. М., 1953; и др.

Анализ истории изучения проблемы деникинщины в хронологических рамках, указанных выше, позволил выявить **основные историографические тенденции ее развития:**

1. Меньшая, по сравнению с 1920-ми – началом 1930-х годов, плодотворность научной работы по рассматриваемой теме. Это привело к наращиванию негативных влияний, детерминированных историческими реалиями сталинизма. Военно-исторические исследования локализовывались изучением событий, происшедших под Царицыном, так как в них участвовал Сталин. Даже при том, что в конце 40-х – начале 50-х гг. прошлого века некоторые аспекты изучения деникинщины получили научную разработку на уровне кандидатских диссертаций, деформации периода культа личности Сталина серьезно девальвировали конечные научные результаты исследований. Сформировавшаяся к подмене вдумчивого кропотливого научного анализа идеологизацией, политизацией и уничижительными ярлыками тенденция принимает сверхстойчивый характер. Правда, иногда все-таки публиковались статьи, которые несколько выпадали из сталинской теоретико-методологической парадигмы (А. Четыркин, И. Разгон). Их новое прочтение дает серьезную информацию к размышлению современным исследователям. Но это как раз то исключение из правил, что подтверждает незыблемость правила.

2. Отсутствие практики введения в научный оборот новых архивных документов. Доступ исследователей к ним все более затруднялся, цензура становилась все более жесткой.

3. Проблема деникинщины не получила надлежащей историографической разработки, в историографических трудах по истории Гражданской войны, которых, к тому же, имелось немного в количественном отношении. Ясно, что о целевом историографическом освещении рассматриваемой проблемы речи идти не может.

* * *

Ряд работ о деникинщине, увидевших свет в 1920-е – первой половине 1930-х гг., несут в себе богатый материал. Наличие

же большого числа научно-популярных публикаций не должно служить поводом для недооценки данной историографии. На самом деле в то время шла серьезная научно-исследовательская работа. Охват и глубина исследований из года в год нарастали. Наглядная иллюстрация тому – план-проспект обобщающего труда по истории Гражданской войны, который предполагалось подготовить силами Коммунистической академии. Его планировалось издать в 8(!) томах³³⁴.

Историография, рассмотренная выше, заслуживает, в основном, положительной оценки. И ни одно серьезное научное исследование исторической персоналии генерала Деникина сегодня невозможно без освещения и критического анализа материала, освещенного выше.

Изучение деникинщины в измерениях сталинской теоретико-методологической парадигмы (вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х гг.) протекало в сложных и противоречивых условиях. Безусловно, главными факторами, определившими сущность и содержание освещения проблемы, означенной выше, стали следующие:

1. Утверждение в стране неограниченного единовластия Сталина. Оно породило в исторической науке сталинскую парадигму, в рамках которой не было места свободе творчества, а научные дискуссии с целью поиска исторической истины подменялись политизированной полемикой, вследствие которой морально (а затем и физически) уничтожались честные ученые.

2. Степень научной разработанности проблемы деникинщины не отличается высоким качеством аналитического материала и глубиной научных обобщений. Не является случайным здесь появление значительного количества работ, которые, по образной характеристике М. В. Нечкиной, ничего не внесли в на-

³³⁴ См.: Записки Коммунистической академии. Секция по изучению проблем гражданской войны. Т. 1. М., 1930. С. 217.

Г. М. Ипполитов

уку, повторяя давно известное, выпадая вообще из исторической науки, оставляя лишь «*сожаление о зря потраченном труде и горечь бесплодных поисков*»³³⁵.

Не стоит этому удивляться. Дж. Оруэлл, тонкий мыслитель, нарисовавший художественно-философские картины тоталитарного государства, язвительно и точно заметил, что страшно жить в стране, где установлен кошмарный порядок, при котором «*Вождь или правящая клика определяют не только будущее, но и прошлое. Если Вождь заявляет, что такого-то события «никогда не было», значит, его не было. Если он думает, что дважды два пять, так оно и есть*»³³⁶.

Сказанное выше, однако, не дает оснований для легковесной оценки историографических источников по анализируемой проблеме. В них имеется (наряду с фактографией) и некоторая фактология, и некоторая аналитика, без изучения которых вряд ли представляется возможным составить цельную научную картину по объекту и предмету данного историографического исследования.

³³⁵ Нечкина М. В. История и историки / Некоторые методологические вопросы истории исторической науки // История и историки. Историография истории СССР : сб. ст. М., 1965. С. 12.

³³⁶ Оруэлл Дж. Соч. Т. 2. Пермь, 1992. С. 152.

Глава IV

ЗИГЗАГИ ДЕНИКИНЩИНЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ПЕРИОДА ОТТЕПЕЛИ И ТАК НАЗЫВАЕМОГО ЗАСТОЯ

(вторая половина 1950-х – первая половина 1980-х гг.)

Советская историческая наука в период оттепели: глоток свободы научного творчества. – Исследование деникинщины в системе теоретико-методологических координат периода хрущевской оттепели (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). – Частичная реанимация сталинских подходов в советской историографии и исследование деникинщины (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.).

Великие эпохи нашей жизни наступают тогда, когда у нас является мужество переименовать наше злое в наше лучшее.

Ф. Ницше

Мы вас выслушали. Но кто будет решать – народ. А народ, это кто? Это партия, а партия – это мы. Значит, я буду решать.

Н. С. Хрущев

*Все перепуталось, переплелось.
Глотки от крика хрипят. Ложная
правда – правдивая ложь В ликах
безумных солдат.*

О. Газманов

С

ответская наука истории в хронологических рамках, означенных выше, начал с глотка свободы, поднесенного ей хрущевской оттепелью³³⁷, не успев взбодриться и далее двигаться по восходящей линии, попала в период реанимации сталинских подходов и покатила вниз. Но нельзя не отметить, что в таких условиях (как говорится, «из огня, да в полымя») тема Гражданской войны, а, следовательно, и истории деникинщины, постоянно находилась в поле зрения ученых. Так, по подсчетам Я. П. Парусимова, за период с 1956 по 1977 год журналы «Вопросы истории» и «История СССР» поместили на своих страницах соответственно 177 и 140 работ, связанных с изучением Гражданской войны. Наибольшее количество публикаций за обозначенный период (319) выпустил «Военно-исторический журнал». При этом количество научных исследований в названных изданиях приблизительно было равно количеству документальных публикаций³³⁸.

Причем, что представляется принципиальным подчеркнуть, процесс изучения истории Гражданской войны набирал темпы. Историограф Д. Шелестов подсчитал, что к 1964 г. вышло более 5 тыс. книг, брошюр, статей, а также документальных публикаций и воспоминаний, относящихся к периоду 1918–1920 гг.³³⁹

³³⁷ *Оттепель* – термин впервые ввел в интеллектуальный оборот советский писатель И. Г. Эренбург, обозначив, таким образом, период отечественной истории (примерно первая половина 1950-х – примерно первая половина 1960-х гг.), когда под руководством Н. С. Хрущева, занимавшего высшие должностные посты в партийно-государственном руководстве СССР, проводился политический курс «десталинизации», расширения демократических начал в жизни советского социума. – Г. И.

³³⁸ См.: *Парусимов Я. П.* Проблемы интервенции и гражданской войны в СССР в современных периодических журналах (1956–1977 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 5.

³³⁹ *Шелестов Д. К.* Советская историография Гражданской войны и военной интервенции в СССР // ВИ. 1964. № 2. С. 22.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

Ясно, что конкретные события в период хрущевской оттепели³⁴⁰ не могли в самом общем плане не влиять, причем достаточно противоречиво, на развитие советской исторической науки. Ведь историческая наука – часть духовной жизни социума.

В это время историография начала развиваться под влиянием политического курса КПСС на преодоление последствий

³⁴⁰ Хрущевская оттепель – уникальный период отечественной истории. Ее породил XX съезд КПСС (1956 г.). Секретный доклад Н. С. Хрущева оголяет страшную правду о временах культа личности Сталина, а вернее, как сегодня стало ясным, лишь только ее небольшую часть. Этот доклад сыграл (в какой-то мере) роль горького лекарства, которое больной, морщась, выпивает, чтобы выздороветь. И хотя (теперь это уже не вызывает сомнения) хрущевская правда о мрачных временах культа личности Сталина была рафинированной, в советском социуме она буквально вызывала шок. Следом началась мучительная переоценка ценностей, ломавшая души, например, поколения «шестидесятников» (многие из них впоследствии стали на путь диссидентства). Хрущевская оттепель – время мечтаний и, увы, несбывшихся надежд. Его главное содержание обуславливалось, если говорить обобщенно, конструктивными процессами в экономической, социально-политической и духовной жизни страны. Но, хотя облик страны благодаря циклу реформ преобразился, крупного прорыва в новое качество не произошло. Налицо сплошной узел противоречий, который так и не удалось разрешить: слишком цепко мертвый Сталин держал Хрущева и его единомышленников за ноги (более подробно см., напр.: Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. М., 1989; *Хрущев Н. С.* Воспоминания: в 3 т. М., 1993; *Бурлацкий Ф.* Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них ... М., 1990; *Зубкова Е.* Маленков, Хрущев и «оттепель» // Коммунист. 1990. № 14. С. 86–95; *Аксютин Ю. В., Волобуев О. В.* XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991; XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991; Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991; *Маленков А. Г.* О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992; Н. С. Хрущев (1894–1971): материалы науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Н. С. Хрущева. 18 апреля 1994 г. Горбачев-Фонд. М., 1994; Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и др. док. М., 1997; *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневом (1953 – начало 1960-х гг.). Новосибирск, 1990; *Жуков Ю. Н.* XX съезд КПСС: четыре десятилетия спустя // Крайности истории и крайности историков. М., 1997. С. 208–227; *Косолапов Р.* «Оттепель» дала распутицу. XX съезд КПСС: взгляд через сорок лет // Диалог. 1996. № 4. С. 66–68; *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004; *Bettanin F.* Pro et contro Stalin. La destalinizzazione in URSS. Milano, 1986 и мн. др.).

культы личности Сталина. В условиях зачаточной реанимации творческой свободы, как одного из знаковых признаков оттепели, предпринималась попытка возродить подлинно научные принципы исторических исследований. Руководствуясь решениями XX съезда КПСС (1956 г.), ученые-обществоведы и гуманитарии сосредоточили внимание на создании трудов, особенно по истории советского общества, в которых предстояло исправить деформации, порожденные периодом культа личности Сталина. В советской исторической науке такая задача стала приоритетной³⁴¹.

На стройность теоретико-методологических основ исторических исследований положительное влияние оказало то, что завершилось издание Полного собрания сочинений Ленина. Значительную роль в повышении методологической стройности научных работ сыграло Всесоюзное совещание о мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, проведенное ЦК КПСС в 1962 г.³⁴² Оно стимулировало обращение ученых к исследованию фундаментальных проблем советского общества. Не прошло бесследно и обсуждение вопросов методологии истории на расширенных заседаниях секции общественных наук Президиума АН СССР³⁴³.

Правда, методологическая стройность научных трудов должна в данной связи рассматриваться через безраздельно господствовавший тогда марксизм-ленинизм, хотя и избавлявшийся от влияния культа личности Сталина, но по-прежнему догматизированного настолько, насколько было возможным, когда марксово учение перевели в большевистское измерение.

Характерно и то, что в период оттепели широкое распространение получило издание отдельных трудов Ленина. К концу 1950-х гг. ленинские труды изданы на 92 языках, из них на

³⁴¹ См.: ВИ КПСС. 1962. № 2. С. 12.

³⁴² См.: Всесоюзное совещание о мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. М., 1964.

³⁴³ Обсуждение вопросов методологии истории на расширенных заседаниях секции общественных наук Президиума АН СССР 3 и 6 января 1964 г. да // ВИ. 1964. № 5.

64 языках народов СССР и на 28 языках народов зарубежных стран. Общий тираж в нашей стране за период 1917 по 1961 г. составил 313158 тыс. экземпляров, причем на русском языке – 236724 тыс., на языках народов зарубежных стран – 18234 тыс. и на языках народов СССР – 58200 тыс. экземпляров³⁴⁴.

Конечно, с точки зрения современного уровня накопления исторических знаний нельзя не сказать о противоречивости такого отношения к публикации ленинского идейно-теоретического наследия. В советской исторической науке (да и не только в исторической) из ленинских произведений сделали своего рода фетиш. Лениниана стала использоваться для «цитатных боев» с идеологическими противниками, а также в качестве обязательного и решающего аргумента для доказательств выдвигаемых тезисов. Подобное положение дел нанесло, в конечном итоге, серьезный ущерб советской исторической науке.

Сознательно не вступая в данной связи в дискуссию, а, тем более, в полемику, так как это выходит за рамки объекта и предмета настоящего исследования, еще раз укажу на впечатляющее по масштабам расширение публикаций произведений Ленина и то, что это, бесспорно, сыграло свою положительную роль в той конкретно-исторической обстановке.

Историографический анализ позволяет заключить, что, в целом, для литературы периода хрущевской оттепели, имеющей отношение к истории российской Гражданской войны, свойственны отход от чисто военной тематики и расширение источниковой базы исследований, большее разнообразие исследуемых сюжетов и проблем³⁴⁵, освобождение от бесспорно ненаучных политизированных постулатов сталинской эпохи и историографии.

Между тем, подобные позитивные моменты приобрели, в конечном итоге, форму неустойчивых тенденций. Следовательно-

³⁴⁴ См.: Печать в СССР в 1961 году. М., 1962. С. 27.

³⁴⁵ См., напр.: *Спирidonov Н.* Подпольная деятельность большевиков Кубани в годы Гражданской войны. Краснодар, 1960; *Иванова В. Н.* Аграрные отношения на Дону в период Октябрьской революции и Гражданской войны (ноябрь 1917 – март 1921) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965.

но, они не оказали принципиального влияния на советскую науку. Главным в творчестве историков периода хрущевской оттепели, по характеристике советского исследователя Г. Д. Алексеевой, «стал не пересмотр концепционных и методологических основ науки о прошлом, а примитивная критика отдельных недостатков, фактических ошибок, негативного влияния Сталина на общество и науку»³⁴⁶.

Как следствие, историкам, в конечном итоге, не удалось выйти на качественно новые рубежи познания исторической истины. Ведь оттепель никоим образом не отменила практики декретирования со стороны ЦК КПСС научных истин в последней инстанции, навязывания ученым «классово актуальной» проблематики научных исследований.

Пример такого навязывания дал заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС Ф. В. Константинов: «*Есть на свете лишь одна подлинно научная общественно-политическая теория – это марксистско-ленинское учение о классах и классовой борьбе, о государстве и революции, о диктатуре пролетариата, о законах строительства социализма и коммунизма*»³⁴⁷. Собственно говоря, партийный функционер перефразировал печально известного сталинского соратника в деле репрессий 1937 года Л. М. Кагановича. Тот в речи, посвященной десятилетию Института красной профессуры, говорил: «*История нашей партии есть история непримиримой борьбы с уклонами от последовательных, революционных, марксистско-ленинских позиций*»³⁴⁸. В период оттепели практиковалась и более мягкая, но, тем не менее, обязательная форма навязывания методологических ориентиров исследователям – публикация передовых статей в академических журналах³⁴⁹.

³⁴⁶ Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 36–37.

³⁴⁷ Коммунист. 1958. № 16. С. 86.

³⁴⁸ Каганович Л. М. За большевистское изучение истории партии. М., 1932.

С. 13.

³⁴⁹ См., напр.: XX съезд КПСС и задачи исследования истории партии // ВИ. 1956. № 3; Задачи исторической науки в свете решений июньского Пленума ЦК КПСС // Там же. 1963. № 8; и др.

Плодотворное влияние на изучение истории Гражданской войны, в том числе и истории деникинщины, оказал еще ряд явлений, детерминировавших развитие советской исторической науки:

1) прорыв в источниковой базе исследований;

2) появление большого количества трудов историографического плана, в которых целевым направлением рассматривалась история изучения истории Гражданской войны, а также и ряда библиографических и научно-справочных изданий.

Прорыв в источниковой базе исследований. На фоне облегченного (правда, только несколько) доступа к архивным источникам³⁵⁰ нельзя не отметить того, что большое количество документов, имеющих отношение к истории Гражданской войны, в том числе и на Юге России, было опубликовано в тематических сборниках. Выходили они в свет и отдельными специальными изданиями, а также и в научной периодике. Это стало выражением общей тенденции в советской историографии периода хрущевской оттепели – освоение новых документальных и архивных фондов. Введение в научный оборот ранее недоступных документальных материалов – наиболее существенное завоевание тех лет в советской исторической науке. За пять лет – с 1956 по 1960 г. издано около 500 сборников документов³⁵¹.

Но в данных документальных публикациях требование соответствующего комментирования «вражеских» документов выполнялось неукоснительно и служило рецептом их использования для исследователей. Подобное положение дел во многом обуславливалось тем, что к моменту подготовки к печати документов, вошедших в анализируемые сборники, существовал определенный критерий их отбора, так или иначе соответствовавший оценочной логике событий, сложившейся в исторической науке к тому времени. Дело в том, что политическим руководством

³⁵⁰ Если в 1947 г. в читальных залах системы Государственного архивного управления получили доступ к документам немногим более 4 тыс. человек, то в 1957 – свыше 23 тыс. (см.: ИА. 1958. № 3. С. 171).

³⁵¹ См.: Сидорова Л. А. Инновации в отечественной историографии: опыт рубежа 50-х – 60-х годов. С. 407.

страны была предложена шкала приоритетов в трактовке событий Гражданской войны более демократичная, чем в 30 – первой половине 50 гг. минувшего века, но не менее обязательная для исполнения. Именно поэтому в сборниках немало места уделено главенству демонстрации руководящей роли коммунистической партии в достижении победы над белыми.

Серьезное приращение источниковой базы – выход в свет некоторых работ крупных политических и военных деятелей партии, военачальников, погибших в годы сталинских репрессий³⁵², а также и воспоминаний командарма Первой конной армии С. М. Буденного³⁵³, М. Д. Бонч-Бруевича, царского генерала, одним из первых перешедших на сторону советской власти³⁵⁴. Более того, даже были изданы мемуары бывшего заместителя начальника де-нинкинского ОСВАГа³⁵⁵ Генерального штаба полковника Б. Энгель-гардта³⁵⁶. В качестве источника можно расценивать и увидевшие свет труды крупных деятелей РКП(б) и Советского государства,

³⁵² См., напр.: *Якир И. Э.* Воспоминания о Гражданской войне. М., 1957; *Антонов-Овсеенко В. А.* В революции. М., 1957; *Тухачевский М. Н.* Избр. про изв.: в 2 т. М., 1964.

³⁵³ См.: *Буденный С. М.* Пройденный путь: в 2 кн. М., 1965; *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. М., 1957.

³⁵⁴ См.: *Бруевич-Бонч М. Д.* Вся власть Советам. М., 1957.

³⁵⁵ Осведомительно-агитационное агентство (ОСВАГ), преобразованное впоследствии в Отдел пропаганды Особого совещания при главкоме ВСЮР. ОСВАГ был создан приказом генерала Деникина в конце декабря 1918 г. при главкоме Добровольческой армией (ГА РФ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–7 об.) По его замыслу, ОСВАГ должен был стать инструментом проведения в жизнь методами пропаганды и агитации политической линии главкома в массах, идеологически обеспечить лозунги Добровольческой армии (ГА РФ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 1. Л. 4). Кроме того, данный орган дополнительно возложил на себя функции контрразведки. Причем, главком часто пользовался контрразведывательной информацией ОСВАГ. Однако, несмотря на некоторые удачные акции, эффекта, ожидаемого Деникиным от деятельности ОСВАГ, не произошло. Оригинальный замысел военно-политического лидера белого Юга России на практике довольно часто материализовывался в отрицательные результаты (см., напр.: *Ипполитов Г. М.* Указ. соч. (монограф. о А. И. Деникине); *Бутаков Я. А.* Белое движение на юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 – начало 1920 гг.). М., 2000 и др.)

³⁵⁶ См.: *Энгельгардт Б.* Потонувший мир // ВИЖ. 1964. № 1. С. 70–84; № 5. С. 72–73; № 7. С. 75–84; № 9. С. 70–81.

принимавших непосредственное участие в Гражданской войне на Юге России³⁵⁷.

Появление большого количества трудов историографического плана, в которых целенаправленно рассматривались история изучения истории Гражданской войны и издания научно-справочных и библиографических трудов. Одна из первых публикаций здесь – статья «О некоторых вопросах истории Гражданской войны», опубликованная в журнале «Коммунист»³⁵⁸. В ней коллектив авторов выделил основные направления разработки истории Гражданской войны в советской исторической литературе и указал на слабые места в данном вопросе. Факт признания серьезных пробелов в изучении истории Гражданской войны стал сильным стимулом в историографическом осмыслении рассматриваемой проблемы. Последовавший вскоре за данной статьей целый ряд работ значительно обогатил в целом историографию Гражданской войны, в том числе и на Юге России³⁵⁹.

Относительно научно-справочных изданий и библиографических трудов отметим следующее: они оказали большое под-³⁵⁷ См.: *Киров С. М.* Избр. ст. и речи. М., 1957; *Орджоникидзе Г. К.* Статьи и речи: в 2 т. М., 1956–1957; *Гусев С. И.* Гражданская война и Красная армия. М., 1958; *Каменев С. С.* Записки о Гражданской войне и военном строительстве. М., 1963; *Фрунзе М. В.* Избр. произв. М., 1965.

³⁵⁸ См.: *Кузьмин Н., Найда С., Петров Ю., Шишкин С.* О некоторых вопросах истории гражданской войны // Коммунист. 1956. № 12. С. 54–71.

³⁵⁹ См.: *Кузнецов С. И., Штайн Б. Е.* Английская и американская историография Октябрьской революции, иностранной интервенции и Гражданской войны // ВИ. 1956. № 11; *Сидоров В.* О литературе по истории Гражданской войны и иностранной интервенции 1918–1920 гг. // Воен. мысль. 1958. № 10; *Прочко И.* Мемуарная литература о Гражданской войне // ВИЖ. 1959. № 4. С. 95–101; *Ходак А. А.* Документальные публикации по истории Гражданской войны в СССР. (Краткий обзор). М., 1961; *Тодорский А. И.* Размышляя над мемуарами // ЛГ. 1962. 8 авг.; *Найда С. Ф., Алексашенко А.* Историографическая конференция, посвященная борьбе с деникинщиной. [Воронежский у-нт., окт. 1963 г.] // ВИЖ. 1964. № 2. С. 181–123; *Грылев А.* О некоторых вопросах методологии военно-исторического исследования // ВИЖ. 1963. № 5. С. 3–15; *Лагутин Е. С.* Последние версии буржуазной науки о гражданской войне в России // История СССР. 1963. № 4. С. 206–211; *Шерман И.* Первые исследования по истории Гражданской войны // ВИЖ. 1964. № 2;); *Проскурин А. Н.* К вопросу об истории разгрома армий Деникина в советской исторической литературе (1956–1964) // Сб. работ аспирантов Воронежского гос. ун-та. Вып. 1. Воронеж, 1965. С. 176–180 и др.

спорье в повышении качества научных исследований по истории Гражданской войны, в том числе и на Юге России. Именно в данных публикациях предпринимались попытки исправить некоторые деформации, порожденные реалиями культа личности Сталина, рельефно проявлявшимися в советской науке истории³⁶⁰.

Таким образом, советская историческая наука, глотнув глоток свободы творчества (увы, небольшой и ненадолго) развивалась по восходящей. Не являлась здесь исключением и история Гражданской войны на Юге России, в том числе и история деникинщины.

Историографический анализ исследования истории деникинщины в системе теоретико-методологических координат периода хрущевской оттепели (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.) показывает следующее: основополагающие оценки характера, мотивации, программ и политики Белого движения, следовательно и деникинщины, остались практически неизменными. Собственно говоря, Белое движение не рассматривалось специально во всей его многоликости и сложности, а выступало лишь как определенный фон для освещения различных отдельных сюжетов и тем.

Но нельзя не заметить, что дифференциация внутри антибольшевистского лагеря стала теперь проводиться более четко и последовательно, а вопрос о социальной базе Белого движения избавлялся от схематизма и стереотипных оценок³⁶¹.

³⁶⁰ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция (хроника со бытий). В 4 т. М., 1957–1960; Советская страна в период Гражданской войны 1918–1920. Библиографический указат. документ публикаций. М., 1961; Великая Октябрьская социалистическая революция. Борьба за власть Советов в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Указатель лит., изданной в 1957–1958 в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции. Вып. 1–4. М., 1959; Красный архив. Систематический указат. публикаций и ст. 1922–1941. М., 1957; Красный архив. Истор. журн., 1922–1941. Аннотир. указ. содержания. М., 1960; Советская страна в период Гражданской войны 1918–1920 гг. : библиогр. сб. М., 1961 и др.

³⁶¹ См.: Кузьмин Н. Ф. К истории разгрома белогвардейских войск Деникина // ВИ. 1956. № 7; Хмельевский К. А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918–1919 гг.). Ростов-н/Д., 1965.

Важным событием в изучении деникинщины стало издание в 1957-1960 гг. 3-5-го томов «Истории гражданской войны в СССР»³⁶², а также и «Краткой истории Гражданской войны», увидевшей свет в 1960 г.³⁶³ Интересная деталь: в 5-ом томе «Истории гражданской войны в СССР» лидеры Белого движения уже не определяются как безответственные расчленители России. Здесь путь Колчака, Деникина и других «главарей белогвардейщины» конкретно определялся как движение к «единой и неделимой империи». То есть к унитарному супергосударству, опасному не только для трудящихся, но «даже для буржуазии малых государств». Ведь существование такого государства предполагало уничтожение независимости Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы.

Но при этом все-таки формирование крупных белогвардейских армий по-прежнему продолжало рассматриваться в качестве «одной из главных форм борьбы международного империализма против Советской страны». Сюда же привычно относили и «шпионско-подрывную работу со ставкой на эсеров и меньшевиков»³⁶⁴.

В то же время, в 3-м томе «Истории гражданской войны в СССР» настойчиво проводилась мысль о том, что формирование вооруженных сил Белого движения в различных регионах бывшей Российской империи, охваченной Гражданской войной, - это не что иное, как одна из главных форм «борьбы международного империализма против страны Советской страны»³⁶⁵.

Рассматриваемая проблема нашла краткое отражение как в обобщающих трудах по истории правившей в СССР компартии³⁶⁶, а также и в специальных исследованиях (в печатных

³⁶² См.: История Гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 3; 1959. Т. 4; 1960. Т. 5.

³⁶³ См.: Краткая история гражданской войны. М., 1960.

³⁶⁴ История Гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 5. С. 367.

³⁶⁵ История Гражданской войны в СССР. Т. 3. М., 1957. С. 209.

³⁶⁶ См., напр.: История Коммунистической партии Азербайджана. Ч. 1. Баку, 1958; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1963; Зежда Н. А. Коммунистическая партия – организатор разгрома третьего похода Антанты. М., 1960.

Г. М. Ипполитов

и в рукописях диссертаций), выполненных в строгом историко-партийном ключе³⁶⁷. Здесь есть своя специфика: так как работы выполнены в историко-партийном ключе, то их авторы злоупотребляют цитированием партийных документов. А за такими цитатами не видно конкретного аналитического материала. В то же время, обличительный уклон деникинщины в таких работах проявляется исключительно рельефно.

Следует отметить и работу Ю. А. Полякова и Д. К. Шеле-стова «Боевой восемнадцатый год». Ее главное достоинство состоит в том, что историки осветили не только перипетии боевых действий в 1918 г., но и предприняли попытку анализа социально-политических аспектов Гражданской войны, в том числе и на Юге России. Работа хорошо фундирована архивными источниками, к которым исследователи имели доступ. В духе времени ученые опирались и на партийные документы³⁶⁸.

Примерно в таком же ключе выполнил свое исследование и М. В. Рыбаков³⁶⁹. Подобной оценки заслуживают и работы Н. Ф. Кузьмина, В. С. Владимирцева, Д. А. Стефанкова, посвященные теме разгрома «походов Антанты»³⁷⁰, а также две рабо-

³⁶⁷ См., напр.: *Андреев В. Г.* Интернациональная коммунистическая печать в годы иностранной интервенции и Гражданской войны, 1918–1920 // Труды ВПА им. В. И. Ленина. 1957. Т. 27. С. 93–97; *Петров Ю. П.* КПСС – руководитель и воспитатель Красной армии. М., 1961; *Герасин И. Е.* Деятельность Коммунистической партии по укреплению Южного фронта : дис. ... канд. ист. на ук. М., 1960 и др.

³⁶⁸ См.: *Поляков Ю. А., Шелестов Д. К.* Боевой восемнадцатый год. М., 1958.

³⁶⁹ *Рыбаков М. В.* Против Деникина. М., 1962.

³⁷⁰ См.: *Кузьмин Н. Ф.* Крушение последнего похода Антанты. М., 1958; *Владимирцев В. С.* Партия – организатор разгрома похода Антанты. М., 1958; *Стефанков Д. А.* Коммунистическая партия – организатор разгрома объединенного похода Антанты. М., 1960. В этом же ряду можно назвать и сборник статей «Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г.» (М., 1956), а также работы И. Б. Гаджиева, Г. В. Соколова, А. Б. Кадищева (*Гаджиев И. Б.* Анти советская интервенция Англии на Кавказе (1918–1920 гг.). Махачкала, 1958; *Он же.* Совместная борьба бакинского пролетариата и трудящихся Дагеста на против английской интервенции и деникинской контрреволюции в 1919–1920 гг. Махачкала, 1960; *Соколов Г. В.* Интервенция на Кубани (1917–1920 гг.). Краснодар, 1957; *Кадищев А. Б.* Интервенция и Гражданская война в Закавказье. М., 1960).

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

ты И. Б. Берхина, в которой он осветил разгром империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в годы Гражданской войны³⁷¹. Однако поверхностное отражение рассматриваемая тема нашла в работах П. Н. Надинского и Г. Аликберова³⁷².

Насыщен богатой фактографией и военно-политический очерк Г. В. Кузьмина. В нем много материала сосредоточено и по Югу России. В то же время, очерковый стиль не позволил автору выдать глубокие аналитические рассуждения, на базе которых можно было бы синтезировать крупные обобщения³⁷³. Такой же оценки заслуживает и книга Д. К. Шелестова³⁷⁴. В очерковой форме изложил события 1918 г. А. Е. Антонов³⁷⁵.

В 1957 г. увидел свет исторический очерк К. К. Красильникова, в котором автор очертил основные вехи партизанского движения на Кубани и Черноморье в 1918–1920 гг. Правда, очерк написан, главным образом, на базе открытых источников. Тем не менее, он может считаться вкладом в изучение одного из аспектов истории деникинщины³⁷⁶. Партизанскую тематику, в которой освещены и отдельные аспекты деникинщины, продолжили изданные мемуары упоминавшегося выше советского разведчика П. Макарова³⁷⁷. Такую же оценку можно дать и работам о коммунистическом подполье, действовавшем на территории, подконтрольной

³⁷¹ См.: *Берхин И. Б.* Разгром империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в годы Гражданской войны, 1918–1920. М., 1958.

³⁷² См.: *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1957; *Аликберов Г.* Революция и Гражданская война в Дагестане. Махачкала, 1962.

³⁷³ См.: *Кузьмин Г. В.* Гражданская война и военная интервенция: Военно-полит. очерк. М., 1958.

³⁷⁴ *Шелестов Д. К.* Год девятнадцатый. М., 1961.

³⁷⁵ См.: *Антонов А. Е.* Боевой восемнадцатый год. М., 1961.

³⁷⁶ *Красильников К. К.* Партизанское движение на Кубани и Черноморье (1918–1920). Ист. очерк. Краснодар, 1957 и др. См., также: *Измайлов П.* К вопросу о партизанском движении на Кубани и в Черноморье в годы гражданской войны / *П. Измайлов, Н. Попов, Н. В. Скибицкий, В. Карнаухов* // Уч. зап. Краснодарского пединститута. 1958. Вып. 23. С. 215–227.

³⁷⁷ См.: *Макаров П. В.* Партизаны Таврии. М., 1960.

Г. М. Ипполитов

Деникину³⁷⁸, а также о борьбе против белых в отдельных регионах Юга России³⁷⁹.

Отдельные аспекты истории деникинщины нашли отражение (как непосредственное, так и опосредованное) в ряде статей³⁸⁰, а также и в защищенных диссертациях³⁸¹. В книге же А. В. Макеева раскрывается роль латышских стрелков в разгроме войск генерала А. И. Деникина³⁸².

В работе Б. П. Екати утверждается, что понадобилось определенное время, чтобы крестьяне-середняки и беднейшее казачество Северного Кавказа, испытав на себе буржуазно-помещичий, реставраторский характер деникинщины, стали активно поддерживать советскую власть, проявляя массовый героизм. *«Горские народы Северного Кавказа, с симпатией относившиеся к Советской власти, с самого начала установления военной диктатуры отказались подчиняться Деникину и поднялись на борьбу против белогвардейцев»*³⁸³.

Историк также утверждает следующее: установление режима белого террора, великодержавной шовинистической поли-

³⁷⁸ Спиридонов Н. С. Подпольная деятельность большевиков Кубани в годы гражданской войны. Краснодар, 1960.

³⁷⁹ Очерк истории революционного движения в Северной Осетии 1917–1920 гг. Орджоникидзе, 1957; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917–1921 гг. М., 1958; *Гойтова З. А.* Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина. Грозный, 1963; Очерк истории революционного движения в Северной Осетии 1917–1920 гг. Орджоникидзе, 1957.

³⁸⁰ См.: *Супруненко Н. И.* Установление Советской власти на Украине // ВИ 1957. № 10; *Кашкаев Б. О.* Борьба за власть Советов в Дагестане (март 1917 – март 1920 г. // Там же. 1960. № 1; *Тумасов Б. В.* Борьба за власть Советов на Кубани // Труды Краснодарского ин-та пищевой промышленности. 1957. Вып. 17. С. 3–12; Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г. : сб. ст. М., 1960 и др.

³⁸¹ См.: *Иванова В. Н.* Аграрные отношения на Дону в период Октябрьской революции и Гражданской войны (ноябрь 1917 – март 1921) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965; и др.

³⁸² *Макеев А. В.* Роль латышских стрелков в разгроме деникинских полчищ. Рига, 1960.

³⁸³ *Екати Б. П.* Большевики Терека во главе борьбы против интервентов и внутренней контрреволюции. Орджоникидзе, 1964. С. 151.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

тики к малым народам края, насильственной мобилизации, непосильной контрибуции вызвало ненависть к деникинщине. Подобное привело к тому, что уже к осени 1919 года весь горный Кавказ был охвачен пламенем восстаний под руководством большевиков.

Не лишено реализма и замечание М. В. Вагабова о том, что восстание против Деникина в Дагестане (июнь-июль 1919 г.) сыграло большое значение в провале деникинского плана захвата Москвы, так как главноком ВСЮР *«вынужден был перебросить на юг дивизию генерала Шкуро, в Петровск срочно были отправлены воинские части из Грозного и Владикавказа»*³⁸⁴. Правда, автор, судя по текстологическому анализу его работы, придает своему тезису излишне большое значение.

Ростовские исследователи Л. И. Берз, К. А. Хмелевский в очерковом стиле раскрыли основные события революции и Гражданской войны на Дону. В данном контексте фрагментарно освещаются и отдельные аспекты отношений Деникина с лидерами казацкого гособразования на Дону. Но ученые обошли де-факто молчанием тему, связанную с вешенским антисоветским восстанием казаков весной 1919 года³⁸⁵. Но по-другому и быть не могло: цензурные барьеры на проблему людоедской политики советской власти – «расказачивания» – были поставлены очень жестко, и преодолеть их не представлялось возможным. Не могли здесь помочь все демократические проявления оттепели в исторической науке.

Следует также указать труды, посвященные истории Черноморья, в частности, военным действиям Северо-Кавказской

³⁸⁴ *Вагабов М. В.* Борьба партийной организации Дагестана за интернациональное единство трудящихся в годы гражданской войны (1918–1921 гг.). Махачкала, 1967. С. 92. Характерно и то, что этот автор в своих более ранних работах высказывал подобные суждения (см.: *Вагабов М. В.* Партизанское движение в Дагестане. Махачкала, 1959; *Он же.* Дружба, закаленная в боях. Махачкала, 1966).

³⁸⁵ См.: *Берз Л. И., Хмелевский К. А.* Героические годы. Октябрьская революция и Гражданская война на Дону. Ростов-н/Д., 1964.

Красной армии, а также и истокам формирования повстанческой армии, сыгравшей немалую роль в разгроме Деникина³⁸⁶.

Наиболее серьезной среди крупных работ рассматриваемого периода по праву можно считать монографию В. Т. Сухорукова. Автор, бывший политкомиссар одной из дивизий XI армии, смог раскрыть всю широту и противоречивость формирования и неустойчивость социальной опоры как для красных, так и для белых войск на Южном фронте. Помимо острых противоречий в земельном вопросе между казачеством и крестьянством на Кубани освещена имущественная дифференциация внутри этих групп, имевшая большое значение в деле ориентации на основные противоборствующие силы Гражданской войны. Исследователь уделил также внимание и национальному вопросу. Он особенно подчеркнул, что горские народы Северного Кавказа склонялись преимущественно на сторону красных из-за чрезвычайной остроты неразрешенной проблемы «царской колонизации» данного региона.

Кроме того, В. Т. Сухоруков стал едва ли не первым советским историком, подробно остановившимся на конфликте между командующим Добровольческой армией генералом Деникиным и атаманом Всевеликого войска Донского генералом Красновым. Новизной отмечены и размышления автора о «стратегическом смысле» несостоявшегося в 1918 г. движения Добровольческой армии на Царицын и поворота их «лицом к Кубани» как подготовительной акции для последующего похода на Москву³⁸⁷.

Однако, исследуя столь сложный спектр проблем в монографии, ее автор выдвинул и аргументы, напоминающие пропагандистские лозунги, а не научные заключения.

К. В. Агуреев, в отличие от В. Т. Сухорукова, главный акцент делает именно на освещении военных аспектов разгрома

³⁸⁶ См.: Траскунов М. Б. Героический путь 11 армии на фронтах гражданской войны (1918–1921 гг.) Тбилиси, 1958; Горлов В. П. Героический поход. М., 1963; Терехов А. Ф., Скирдо М. П., Миронов А. К. Гвардейская Таманская. М., 1964.

³⁸⁷ См.: Сухоруков В. Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижнем Поволжье. М., 1958. С. 5–6, 38, 42.

Деникина, намного полнее используя архивные документы. Монография насыщена уникальной статистикой и авторскими подсчетами. И сегодня они - отличная фактография для исследования военных аспектов разгрома ВСЮР

Между тем, нельзя не отметить, что К. В. Агуреев освещает противостояние красных и белых через столкновения «антинародного» и «грабительского» социально-экономического реформаторства. При этом автор попытался рассмотреть Белое движение с точки зрения его социального состава, выделив в нем группировки офицеров и юнкеров, а также казачество и кулаков³⁸⁸.

Анализ историографических источников показывает, что тематика диссертационных исследований в период оттепели схожа с тематикой диссертаций конца 1940-х - начала 1950-х гг. Методологическая основа их выполнения аналогична печатным работам. Причем, внимание исследователей уделяется собственно военным аспектам борьбы с деникинщиной³⁸⁹, а также мобилизующей роли РКП(б) в борьбе Деникиным³⁹⁰. Причем, в последней группе диссертаций особый акцент (правда, без надлежащей доказательной базы, так как все сводится к цитированию партийных документов) делается на показе морального разложения войск и тыла ВСЮР³⁹¹.

³⁸⁸ См.: Агуреев К. В. Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 – март 1920 гг.). М., 1961. С. 80. Заметим, что в заголовке есть речевая конструкция «белогвардейские войска». Гипотетически, но с большой долей уверенности можно предположить: если бы данная монография печаталась в конце 1930-х гг., то речевая конструкция, приведенная выше, была бы заменена на «белогвардейские банды». – Г. И.

³⁸⁹ См.: Горлов В. П. Борьба войск правого крыла Туркестанского фронта против армии Деникина в районе Нижней Волги (август-октябрь 1919) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1955; Болдырев Ю. Ф. Борьба трудящегося крестьянства и казачества северных округов Дона за Советскую власть : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 1965.

³⁹⁰ См.: Гойтова З. А.-Т. Народ Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина : дис. ... канд. ист. наук. М., 1962; Козлов А. И. Борьба за власть Советов в Черноморской губернии (1917–1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 1965; и др.

³⁹¹ См.: Герасин И. Е. Деятельность Коммунистической партии по укреплению Южного фронта : дис. ... канд. ист. наук. М., 1960.

Таким образом, приходится констатировать, что в период хрущевской оттепели проблемы деникинщины исследуются более плодотворно (по сравнению с периодом культа личности Сталина). В целом, для такой литературы свойственны отход от чисто военной тематики и расширение источниковой базы исследований, большее разнообразие исследуемых сюжетов и проблем, освобождение от бесспорно ненаучных политизированных постулатов сталинской эпохи и историографии.

Не случайно, появились крупные монографии, авторы которых (И. Б. Берхин, В. Т. Сухоруков и др.) не только ввели в научный оборот некоторые новые архивные документы, но и предприняли попытки взглянуть под новым углом зрения, в частности, на социальные аспекты деникинщины. Конечно, настолько, насколько это позволялось цензурными барьерами.

Особенно необходимо подчеркнуть то, что, как и во времена культа личности Сталина, по-прежнему доминирует историко-партийный ключ в исследованиях, особенно в диссертационных работах. А подобное предполагает наличие сверхжесткого классового подхода к оценке событий и явлений. Вглубь проблемы Белого движения на Юге России историки все-таки не вникали. И хотя со страниц журнала «Коммунист», подчеркнем это еще раз, не побоявшись упреков в тавтологии, и прозвучал призыв к историкам изучать противников революции и представлять их «реально, а не абстрактно»³⁹², он так и не был реализован до конца.

Анализ истории изучения исследуемой проблемы в период хрущевской оттепели позволил выявить **основные тенденции ее развития**:

1. Более плодотворная научно-исследовательская работа (по сравнению с периодом культа личности Сталина) в сфере изучения истории Гражданской войны на Юге России, в том числе и проблемы деникинщины.

2. Прорыв в источниковой базе исследований, главным образом за счет публикации большого количества документов, извлеченных из архивохранилищ. Однако тенденция не приняла

устойчивый характер в связи с постепенным свертыванием хрущевской оттепели.

3. Оживление собственно историографического осмысления и переосмысления ключевых проблем истории Гражданской войны, в рамках которого предпринимались робкие попытки (главным образом, постановочного плана) историографического анализа и темы Белого движения, но опять же в контексте борьбы с деникинщиной. Однако здесь имеет место исключительно зачаточная тенденция, не получившая должного развития.

4. Дальнейшее доминирование историко-партийного ключа в выполнении исследований. А он предполагал наличие сверхжесткого классового подхода к оценке событий и явлений.

5. Защита первых кандидатских диссертаций, в которых в контексте обобщения опыта партийно-политической работы в масштабе советских фронтов против белых затрагивалась и тема морального разложения их войск.

Со второй половины 1960-х годов страна вступила в период так называемого застоя. Это было время, когда авторитарно-бюрократический режим, утвердившийся в СССР, впадал в глубокий кризис и приближался к своему историческому финалу³⁹³.

В той сложной обстановке руководители ЦК КПСС прекрасно осознавали силу влияния исторической науки на умы и сердца людей. И они выбрали путь частичной реанимации сталинских подходов в советской исторической науке. Историография стала развиваться под непосредственным влиянием на нее политической линии по восстановлению авторитарных методов руководства исторической наукой, ограничению гласности. На научные исследования стали непосредственным образом влиять конъюнктурные установки, облаченные в жесткие дирек-

³⁹³ Более подробно см., напр.: На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе / под ред. В. В. Журавлева. М., 1990; Медведев Р. А. Личность и эпоха: политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991; Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Изд. второе, испр. и доп. Новосибирск, 2000; Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2-х т. М., 1997; Козн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М., 2007; Millar J. The Soviet Economic Experiment. Urbana and Chicago University of Illinois Press, 1990; и мн. др.

тивы ЦК КПСС. Ученым задавались не только методологические ориентиры, но и директивные установки, что писать и как писать. Такие директивы не могли обсуждаться, а принимались к неукоснительному исполнению³⁹⁴.

При этом требует отдельной констатации тот факт, что после прихода к власти Л. И. Брежнева увеличилась тяга к реанимации отживших схем и догм, утверждался тезис о недопустимости «очернения славного прошлого». Так, М. А. Суслов, секретарь ЦК КПСС, отвечавший за идеологию, выступая в 1981 г. перед заведующими кафедрами общественных наук вузов страны заявил: «Мы не позволим никому чернить исторические завоевания советского народа, осуществленные под руководством ленинской партии»³⁹⁵.

Претворение на практике жесткой линии ЦК КПСС в отношении исторической науки обеспечивало такие условия, когда научные исследования были загнаны в прокрустово ложе методологии марксизма в большевистском его измерении. Например, в одной из наиболее фундаментальных работ по теории истории В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон отмечалось следующее: «Социальная наука была создана, но лишь тогда, когда были осознаны ... трудности ... и найдено решение проблем. Это и было осуществлено марксизмом»³⁹⁶.

На практике корпус советских ученых-историков был вынужден руководствоваться не столько *марксистско-ленинской методологией* (кстати, одной из самых неординарных методологий в ряду прочих, хранящихся в сокровищнице мировой научной мысли), сколько *конъюнктурными партийными установками*. Причем, такие установки всегда преподносились в качестве высшего достижения творчески развитого усилиями правившей в стране компартии теории марксизма-ленинизма.

³⁹⁴ См., напр.: Пономарев Б. Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории // Пономарев Б. Н. Избр. ре-чи и ст. М., 1977. С. 171–172.

³⁹⁵ XXVI съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. М., 1982. С. 16.

³⁹⁶ Келле В. Ж., Ковальзон В. Я. Теория истории. М., 1981. С. 29.

Как следствие, неукоснительным правилом для советских историков стала обязательная опора на произведения классиков марксизма-ленинизма, партийные и государственные документы и, особенно, произведения лидеров ЦК КПСС, военно-политических деятелей. Такая опора нашла свое главное выражение в обильном цитировании положений и выводов из публикаций авторов, указанных выше. Данные положения и выводы возводились в ранг истин в последней инстанции.

Между тем, поклонение трудам очередных генеральных секретарей ЦК КПСС и других партийных и советских руководителей не снимало с историков обязанности петь осанну произведениям Маркса, Энгельса, Ленина. За этим жестко следили партийные функционеры высшего звена, отвечавшие за идеологическую работу. Именно их усилиями тиражи сочинений Маркса, Энгельса, Ленина достигли впечатляющих размеров: на 1 января 1990 г. произведения Ленина были изданы в нашей стране общим тиражом более 635 млн экземпляров на 125 языках(!)³⁹⁷. Тем самым, не только в науке, но и в массовом сознании (на уровне обыденной психологии) создались организационные предпосылки для всемерного внедрения в души и сердца советских людей идей марксизма-ленинизма.

Причем, хвалебные оды произведениям классиков марксизма-ленинизма напоминали не просто соблюдение правил хорошего тона. Это стало своего рода священным ритуалом. «Цитатные бои» набирали силу на «идеологическом фронте», но остановили дальнейшее развитие советской исторической науки в ее качественном измерении. Свобода дискуссий приглушилась всесилием партийного аппарата. Цензура, гласная и негласная, все чаще накладывала вето на свежие мысли, оригинальные идеи, толкая на прямой путь фальсификаций.

Сложилась ситуация, хорошо охарактеризованная В. В. Маяковским. Он говорил, что книги пишут для того, чтобы случилось новое, редактируют их для того, «как бы чего не вышло»³⁹⁸. В исто-

См.: Волкогонов Д. А. Ленин. М., 1994. С. 11.

Цит. по: Шкловский В. Жили-были. М., 1964. С. 445.

Г. М. Ипполитов

риографии утвердилась тенденция, которую в свое время крупный отечественный методолог исторической науки А. С. Лаппо-Данилевский считал губительной: стали доминировать оценки и мнения, но не факты³⁹⁹.

Советская историческая наука вступила в стадию непрерывного отхода от решений XX съезда КПСС к сталинским догмам и стереотипам. Ресталинизация исторической науки, если вести речь применительно к объекту и предмету исследования монографии, нашла конкретное выражение в ряде явлений.

Во-первых, оформилась жесткая устойчивая тенденция к искусственному, сознательному сужению источниковой базы исторических исследований. Подобно тому, как во времена безраздельного господства сталинской теоретико-методологической парадигмы, снова стало засекречиваться огромное количество поистине бесценных документов. Монополии на право введения их в научный оборот отдали Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Масса документов осталась недоступной для специалистов, что не могло не сказаться отрицательным образом на качестве научных исследований⁴⁰⁰. Но такая ситуация являлась выгодной правившему в стране политическому режиму авторитарно-бюрократического характера. Творцы новых исследовательских парадигм, официальные идеологи ЦК КПСС боялись, что если сделать ученым свободный доступ к архивным документам, то многие одобренные свыше концепции, особенно событий 1917–1920 гг., могут распасться. Причем все это камуфлировалось насаждением тезисов о повышении политической бдительности, необходимости усиления борьбы с буржуазной идеологией⁴⁰¹.

³⁹⁹ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 9.

⁴⁰⁰ Более подробно см.: Максимова Э. М. Пять дней в Особом архиве // Изв. 1990. 1–22 февр.; Елпатьевский А. В. О рассекречивании архивных документов // ОА. 1992. № 5; Павлова Т. В. Рассекречивание документов в государственных архивах России: некоторые итоги, законодательная база, проблемы // Вест. архивиста. 1994. № 1; и др.

⁴⁰¹ См., напр.: О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года. М., 1979; и др.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

Во-вторых, усилению контроля над учеными послужил и перевод подавляющего большинства тем, рекомендованных для научной разработки, в историко-партийную плоскость. В 1965–1972 гг. увидела свет шеститомная «История Коммунистической партии Советского Союза». Это фундаментальное издание стало знаковым в советской историографии, причем не только в сфере историко-партийной науки⁴⁰². Для изучения же истории Гражданской войны представляется особо значимым то, что вышла в свет вторая книга третьего тома многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза»⁴⁰³. Оно стало официальным изданием, призванным дать четкие методологические ориентиры ученым, как выполнять исследования в историко-партийном ключе (N. B!) по проблемам истории Гражданской войны. Здесь были выданы в качестве ориентиров многие выводы и обобщения, синтезированные на базе априорных схем и фактического материала, разрешенного официальными идеологами правившей в стране коммунистической партии к научному осмыслению, и введены в научный оборот в анализируемом фундаментальном издании. Теперь именно по нему ученые были вынуждены сверять свои концептуальные подходы в исследованиях.

В том же ряду следует отметить и такой труд, как «История Коммунистической партии Советского Союза», вышедший под редакцией секретаря ЦК КПСС академика Б. Н. Пономарева, неоднократно переиздававшийся с соответствующими дополнениями в духе политической конъюнктуры. Первое (1959 г.), второе (1962 г.) и последующие издания существенно разнятся, хотя, конечно, периодизация событий подавалась в нем все по той же схеме «Краткого курса». Однако первые издания содержали критику культа личности Сталина и допущенных им злоупотреблений властью, а также критику «Краткого курса истории ВКП(б)», других идеологических явлений сталинизма. Начиная с третьего издания все указанные аспекты исчезают из учебника, и к 1985 г. ,

⁴⁰² См.: История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. Т. 6. М., 1965–1972.

⁴⁰³ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 2. М., 1980.

когда вышло последнее 8-е издание, его концептуальное сходство с «Кратким курсом» стало поистине разительным⁴⁰⁴.

Вместе с тем, несмотря на столь неблагоприятные условия развития советской исторической науки, она окончательно не застопорилась. Имелся ряд условий, способствовавших тому, чтобы тема Гражданской войны, в том числе и деникинщина, получила дальнейшую, пусть не столь глубокую, но все же научную разработку: 1) *определенное приращение в публикации источников*; 2) *повышенное внимание к изучению роли и места Ленина как военного руководителя Гражданской войны*; 3) *продолжение исследования истории изучения истории Гражданской войны, издание библиографической и научно-справочной литературы*.

Определенное приращение в публикации источников. В связи с ужесточением доступа историков для работы в архивных учреждениях появление ряда документальных публикаций можно считать своего рода заполнением (конечно же, неполным) лакун, образовавшихся в источниковой базе⁴⁰⁵. Заметим, что здесь произошли, по сравнению с периодом второй половины 50-х – начала 60-х гг. минувшего века, серьезные качественные изменения: 1) *беспардонное изъятие из публикуемых документов целых фрагментов, которые не вписывались в официальные установки идеологов ЦК КПСС*; 2) *снабжение сборников обязательными вступительными статьями, в которых больше давались не археографические пояснения, а идеологические установки-инструкции по использованию документов*; 3) *исключительно бедное представительство в сборниках документов лагеря контрреволюции, например Белого движения*.

Свой вклад в приращение источниковой базы исследования внесли и публикации мемуаров. Разумеется, здесь снова необходимо введение своего рода коэффициента корреляции, который учитывал бы давление официальной цензуры. Даже с такой оговоркой, но все-таки следует отметить такое обстоятельство: из мемуаров можно почерпнуть, главным образом в опосре-

См., напр.: История КПСС. 8-е изд., доп. М., 1985.
Их анализ будет дан в отдельной главе монографии. – Г. И.

дованной форме и в ключе фактографии, небезыңтересный материал⁴⁰⁶.

Примечательно и то, что появились и отдельные работы, в которых предпринималась попытка источниковедческого осмысления источников, вводимых в научный оборот посредством их публикаций⁴⁰⁷.

Повышенное внимание к изучению роли и места Ленина как военного руководителя Гражданской войны. Несмотря на критику фетишизации ленинского теоретического наследия, высказанную выше, нельзя не отметить, что в той конкретно-исторической обстановке определенную пользу принесло всемерное развитие советской ленинианы. Много внимания, в частности, уделялось изучению роли и места Ленина как военного руководителя Гражданской войны. Разумеется, ни о каких критических аспектах в трудах о Ленине в то время речи быть не могло. Между тем, детальный разбор ленинских подходов и оценок Гражданской войны, в том числе и на Юге России, сыграл своеобразную роль методологического ключа для историков⁴⁰⁸.

⁴⁰⁶ См., напр.: Против Деникина : сб. восп. М., 1969; Героическое подполье в тылу деникинской армии : восп. М., 1976; и др.

⁴⁰⁷ См., напр.: Федотов Б. Ф. О малоизвестных источниках периода Гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР // ВИ. 1968. № 8. С. 18–29; Листівки більшовицьких організацій України 1917–1920 рр. як

історичне джерело К., 1980; Шаталіна Е. П. Історія громадянської війни і інтервенції на Україні в радянських документальних публікаціях 20-х – 30-х років. Київ, 1982 і др. Особливо слід відзначити появу дисертацій історикознавчого характеру, де містилося немало цінного матеріалу, допомагаючи історикам глибше осмислити багато аспектів історії Громадянської війни. Розуміється, подібний історикознавчий аналіз здійснювався в методологічній системі координат догматизованого марксизма-ленінізму в більшовицькому його вимірі (см., напр.: Агулова Е. Разгром Донской армии Краснова. Источники исслед. : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1977; и др.).

⁴⁰⁸ См.: Азовцев Н. М. В. И. Ленин об источниках победы советского народа и его Вооруженных сил в гражданской войне // ВИЖ. 1980. № 2. С. 3–10; Кораблев Ю. И. В. И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970; Ирошников М. П. Председатель Совнаркома и Совета Обороны В. И. Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в июле 1918 – марте 1920 г. Л., 1980; и мн. др.

Продолжение исследования истории изучения истории Гражданской войны, издание библиографической и научно-справочной литературы. Историография некоторых аспектов истории деникинщины нашла освещение в отдельных крупных трудах⁴⁰⁹. Не прошла она незамеченной в научной периодике, где также появились обобщающие статьи⁴¹⁰. Издали и материалы научной конференции⁴¹¹. Наконец, в научной периодике появились специальные статьи (различные по объему, глубине раскрытия темы) по историографии Гражданской войны⁴¹², а затем издали и специальный отдельный сборник статей⁴¹³. Кроме того, вышла в свет

⁴⁰⁹ См., напр.: Развитие советской исторической науки 1970–1974. М., 1975; *Коробков И. А.* История советской военной мысли, 1917 – июнь 1941: краткий ист. очерк. М., 1980; *Берхин И. Б.* Вопросы истории периода гражданской войны (1918–1920 гг.) в сочинениях В. И. Ленина. М., 1981; и др.

⁴¹⁰ См., напр.: *Ростунов И. Н.* У истоков советской военной историографии // ВИЖ. 1967. № 8; *Он же.* Советская военная историография в межвоенный период // ВИЖ. 1967. № 8. С. 84–96; *Петров Ф.* Военные вопросы в новом издании сборника «КПСС в резолюциях и решениях» // ВИЖ. 1970. № 10; *Жилин П. А.* Советская военно-историческая наука // Развитие советской исторической науки. 1970–1974. М., 1975. С. 101–123; *Гуров О.* О роли военных архивов в научно-исследовательской и военно-исторической работе // ВИЖ. 1981. № 1; *Павлов В.* К историографии ленинского военного наследия // Там же. 1982. № 9; и др.

⁴¹¹ Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России. М., 1981.

⁴¹² См.: *Шелестов Д. К.* Новейшая историография Гражданской войны и военной интервенции в СССР // ВИЖ. 1968. № 11; *Он же.* Военная историография борьбы с интервентами и белогвардейцами в 1918–1920 гг. // Там же. 1969. № 9, 11; *Александренко А. П.* Советская историография разгрома деникинщины // ВИЖ. 1968. № 1; *Азовцев Н. Н., Наумов В. П.* Изучение истории военной интервенции и Гражданской войны в СССР // История СССР. 1970. № 6. С. 23–46; *Сергеев В. Н.* Советская историческая литература о банкротстве мелкобуржуазных партий на Дону в 1917–1920 гг. // Вопросы историографии и методологии истории. Ростов-н/Д., 1977. С. 30–47; *Козлов А. И., Хмелевский К. А., Этенко Л. А.* Изучение истории борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе // ВИ. 1981. № 10; *Поликарпов В.* Об изучении ленинской концепции гражданской войны в России // Боевое содружество сов. респ. 1919–1922 гг. М., 1982; и др.

⁴¹³ См.: Историография Гражданской войны (1918–1920 гг.): сб. ст. М., 1983.

брошюра В. П. Наумова в научно-популярной серии «Знание»⁴¹⁴. Затем данный автор опубликовал крупную монографию⁴¹⁵.

Вышла в свет коллективная работа «Очерки советской военной историографии». Ее авторы в системе координат методологических ценностей того времени представили историографическое осмысление достижений советских ученых, исследовавших проблемы истории Гражданской войны⁴¹⁶.

Однако ученые не охватили в анализируемых работах историографическим анализом все публикации по истории Гражданской войны. Например, работы тех авторов – жертв сталинских репрессии, кто не был реабилитирован после XX съезда КПСС. Иногда вышеупомянутые историографы ограничивались при анализе ряда трудов лишь их общей оценкой, ссылаясь на то, что они, несомненно, представляют большой научный и практический интерес.

Касательно публикаций научно-справочного⁴¹⁷ и библиографического характера⁴¹⁸ заметим, что они выпущены в свет в относительно большом количестве. Кроме того, издавалась и ар-

⁴¹⁴ См.: *Наумов В. П.* В. И. Ленин об основных проблемах истории гражданской войны в СССР. М., 1969.

⁴¹⁵ См.: *Наумов В. П.* Летопись героической борьбы. Советская историография Гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М., 1972.

⁴¹⁶ Очерки советской военной историографии. М., 1975.

⁴¹⁷ См., напр.: Советская военная энциклопедия: в 8 т. М., 1976–1980. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энцикл. М., 1983; Военный энциклопедический словарь. М., 1984; Летопись борьбы и побед: хроника революционной борьбы на Дону 1917–1920. Ростов-н/Д., 1984; Справочник партийного работника. Вып. 22. М., 1982; Справочник политработника. 2-е изд., доп. М., 1978; Союз нерушимый: справ. М., 1982; *Аникеев В. В.* Деятельность ЦК РСДРП(б) – РКП(б) в 1917–1918 годах (хроника событий). М., 1974; *Он же.* Деятельность ЦК РКП(б) в 1918–1919 годах (хроника событий). М., 1976; и др.

⁴¹⁸ См.: *Искодамская С.* Великая Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война: указ. сов. лит. 1972–1976; М., 1977; Зарубежная историография Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в СССР: указ. лит. 1967–1976. М., 1977; Военные вопросы в документах КПСС: анот. библиогр. указ. М., 1980; и мн. др.

Г. М. Ипполитов

географическая литература⁴¹⁹. Все это стало добротным подспорьем историкам в научно-исследовательской работе.

Между тем, нельзя не заметить влияния вышеизложенных обстоятельств на подготовку литературы подобного рода. Так, в «Военном энциклопедическом словаре» (М., 1984) не были представлены статьи о Первом Кубанском (Ледяном) и Втором Кубанском походах Добровольческой армии. Во всех научно-справочных изданиях исключительно бедно говорится об исторических персоналиях Белого движения (о положительных качествах деятелей Белого движения не сказано вообще).

Таким образом, в условиях частичной реанимации сталинских подходов в советской исторической науке представлялось невозможным выполнять исследования, в том числе и по истории деникинщины, не оставаясь в жесткой системе теоретико-методологических координат догматизированного марксизма-ленинизма в большевистском его измерении.

Историографический анализ показывает, что многие аспекты проблемы деникинщины нашли отражение в крупных обобщающих фундаментальных трудах по истории КПСС, истории СССР и истории Вооруженных сил Союза ССР.

В фундаментальном труде по истории КПСС⁴²⁰, выполненном в образцовом историко-партийном ключе, с претензией на универсальность теоретико-методологических подходов и безапелляционность оценочных суждений раскрыта руководящая роль компартии в достижении победы над «интервентами и внутренней контрреволюцией». Работа четко структурирована по двум крупным блокам: 1) *организаторская деятельность правившей партии большевиков в годы Гражданской войны*; 2) *идеологи-*

⁴¹⁹ См., напр.: *Каряева Т. Ф.* Указ. соч.; *Максаков В. В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М., 1969; Документальные публикации Центрального государственного архива Советской армии. М., 1985; и др.

⁴²⁰ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Коммунистическая партия – организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции и обороны Советской республики. Март 1917–1920 гг. М., 1968. Т. 3. Кн. 2.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

ческая и массово-политическая деятельность РКП(б) в годы Гражданской войны.

Отличительная черта данного фундаментального исследования – хорошая фундированность документами компартии. Однако архивные документы введены в научный оборот исключительно дозированно. Причем, зачастую ссылки на них не отражены в научно-справочном аппарате⁴²¹.

Между тем, современный уровень накопления исторических знаний позволяет утверждать, что в анализируемом труде допускались намеренные искажения исторической правды. Ее преподносили так, чтобы обойти острые углы истории безумия братоубийства. Большевистский политический режим, по замыслу партийных функционеров, должен быть представлен исключительно в позитивном ключе. Так рождались мифы, например, о полной поддержке народом политики РКП(б), о безболезненном привлечении на свою сторону среднего крестьянства, гуманизме красных, показанном на фоне зверств белых и т. д.

В фундаментальном труде по истории СССР спектр проблем по истории Гражданской войны представлен более широко, в частности анализ боевых действий, экономическая ситуация в стране, государственное строительство, социальная политика Советского государства. Но материал дается обобщенно, фундирование архивными документами недостаточно. Авторский коллектив вынужден был перегрузить работу цитатами Ленина, а также цитатами из партийных документов⁴²².

В фундаментальных трудах по истории Вооруженных сил Союза ССР на страницах, которые авторы отвели периоду Гражданской войны, материал по деникинщине, преподносится до пре-

⁴²¹ Такая практика стала в исследуемый период своего рода алгоритмом: историкам давали для работы некоторые архивные документы, затем под вергали жесткой цензуре отобранный ими материал, после чего разрешали их ввести в научный оборот, но без ссылки на архивные фонды, в которых данные документы отложены. – Г. И.

⁴²² См.: История СССР с древнейших времен до наших дней: в 2 сер.: в 12 т. / пред. ред. совета Б. Н. Пономарев. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в СССР. М., 1967. Т. 7.

Г. М. Ипполитов

дела обобщенно, с акцентом на военно-политических аспектах. Здесь также обилие ленинских цитат и цитат из партийных документов⁴²³.

Общими чертами для проанализированных выше фундаментальных обобщающих работ являются следующие: *низкая «заселенность» площади текста историческими персоналиями, которые, собственно говоря, растворились в таких глобальных категориях, как «массы», «классы», «бойцы и команды РККА», схематично и блекло показаны только деятели РКП(б) и Советского государства и то, лишь те, кто на момент выхода в свет анализируемых работ не числился среди «врагов народа»; лагерь контрреволюции освещен слабо, схематично и неперсонифицированно.*

В данной связи представляется принципиальным следующее суждение: исследование исторических персоналий, в том числе и субъектов безумия братоубийства в 1917–1922 г., – слабое звено советской исторической науки. Это хорошо подметил академик Д. С. Лихачев – ум, честь и совесть отечественной культуры. Он писал буквально следующее: *«История человека оказалась без человека. Опасаясь преувеличения роли личности в истории, мы сделали наши исторические исследования не только безличными, но и безличностными»*⁴²⁴. С такой оценкой, по моему суждению, можно, естественно, спорить, но, в конечном итоге, просто нельзя не согласиться.

Правда, продолжалось издание (как и в период хрущевской оттепели) биографических работ, посвященных активным участникам Гражданской войны. Но мифологии в них появилось больше, нежели в биографических работах, изданных во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.⁴²⁵

Отдельные аспекты проблемы деникинщины также освещены еще в ряде обобщающих фундаментальных трудов, посвя-

⁴²³ См.: 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968; Армия советская. М., 1969. КПСС и строительство Советских Вооруженных сил. М., 1967; и др.

⁴²⁴ Лихачев Д. Записки и наблюдения. Л., 1989. С.259.

⁴²⁵ См.: Маршал Тухачевский. М., 1966; Акшинский В. С. Климент Ефремович Ворошилов : биограф. очерк. М., 1974.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

щенных истории ВЛКСМ⁴²⁶, истории внешней политики СССР⁴²⁷, истории дипломатии⁴²⁸. Объект и предмет исследования в данных работах четко определен. Ключ выполнения первой работы – глубоко историко-партийный; второй и третьей работ – не историко-партийный. Однако во всех трех работах – обилие ленинских цитат, цитат из партийных документов. Это вполне естественно, что труды выполнены исходя из теоретико-методологических подходов, обязательных для того периода в советской исторической науке. Также вполне естественно, что весь материал подается обобщенно, а исторические персоналии – в том же ключе, что и в приведенных выше обобщающих трудах по истории КПСС и истории СССР. Недостаточен и уровень фундирования архивными документами.

Отдельного анализа заслуживает фундаментальный обобщающий труд «Гражданская война в СССР», изданный в двух томах в течение 1982–1986 гг. Ему так же, как и проанализированным выше трудам, был придан статус официального издания. Авторский коллектив детально исследовал, в первую очередь, собственно военные аспекты истории Гражданской войны, в том числе и на Юге России. Данные анализируемого труда, что представляется принципиальным подчеркнуть, наименее политизированы⁴²⁹.

Однако политизация и идеологизация расцветает пышным цветом, когда авторский коллектив анализирует социально-политические аспекты Гражданской войны. Наглядная иллюстрация тому – установочные суждения, которые должны были стать своего рода кроками маршрута для всех историков Гражданской войны в России. К подобного рода установочным суждениям, можно отнести следующие:

⁴²⁶ См.: Славный путь Ленинского комсомола: история ВЛКСМ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1978.

⁴²⁷ См.: История внешней политики СССР 1917–1976 гг. Изд. 3-е, доп.: в 2 т. М., 1978; История внешней политики СССР. 1917–1945 гг. М., 1976; Внешняя политика Советского Союза. М., 1975; От Декрета о мире до Программы мира. Летопись советской внешней политики. 1917–1975. М., 1975.

⁴²⁸ См.: История дипломатии. Т. 3. М., 1965.

⁴²⁹ См.: Гражданская война в СССР: в 2-х т. М., 1980–1986.

1. Именно международный империализм являлся главным виновником развязывания Гражданской войны: *«Империализм для борьбы против Советской республики организовал многотысячные белогвардейские армии, ядро которых, особенно армии Колчака и Деникина, составляло реакционное офицерство России. Они были, по существу, армиями империалистов Антанты, существовали и действовали только благодаря огромной помощи империалистических государств»*⁴³⁰.

2. Синтезировалась вполне определенная схема становления и утверждения политических режимов Белого движения: переход власти на несоветских территориях от мелкобуржуазных демократов к буржуазно-помещичьей контрреволюции, устанавливающей военную диктатуру, а следующий шаг – реставрация монархии⁴³¹.

3. Раскрывалась идеологическая сущность южнороссийского Белого движения: *«Стремление деникинцев к восстанию “единой, неделимой России” не находило поддержки буржуазно-националистических элементов Украины и Кавказа, мечтавших о создании собственных государств. Учитывая это, администрация Деникина первое время всячески пыталась прикрывать свои монархические цели туманными обещаниями о созыве Национального собрания, местном самоуправлении, земельных реформах, гражданских свободах и рабочем законодательстве. Это, однако, не мешало ей восстанавливать царские порядки и законы, возвращать земли помещикам, подавлять рабочие организации и национально-освободительное движение»*⁴³².

4. Предписывалось в освещении проблемы краха (именно краха, а не поражения) Белого движения делать ударение на разочаровании крестьянства политикой белых, на их безуспешные попытки направить рабочее движение в русло соглашательства (выступления рабочих подавлялись вооруженной силой), на террор, грабежи, произвол противников советской власти, их полную зависимость от Антанты.

Гражданская война в СССР. Т. 2. М., 1986. С. 407.
См.: Там же. С. 7. Там же. С. 8.

Как видно, авторский коллектив большое внимание уделил не детальному изучению проблемы Белого движения, а подготовке оценочных суждений, которые не были, однако, основательно верифицированы соответствующей фактографией, фактологией, аналитикой. Зато подобные суждения выдержаны в духе требований официальных идеологов ЦК КПСС, державших исследование проблем лагеря контрреволюции под особым контролем.

Крупное историографическое событие – выход в свет фундаментальных трудов академика И. И. Минца⁴³³. Конечно, в его фундаментальных работах базовый историко-партийный тезис о «величии Октября» служил общим фоном, а Гражданская война вытекала из «необходимости защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции»⁴³⁴. Причем, на первое место был выдвинут фактор иностранной военной интервенции. *«Интервенция...», - писал маститый ученый, - оживила внутреннюю реакцию, послужила катализатором развития белогвардейского движения»*⁴³⁵.

Небезынтересно и то, что Минц свел реально существовавшие между командующим Добровольческой армией генералом Деникиным и атаманом ВВД генералом Красновым по принципиальным проблемам Белого движения в Гражданской войне на Юге России разногласия к различию во внешнеполитической

⁴³³ См.: Минц И. И. История Великого Октября: в 3-х т. М., 1967–1979; Он же. Год 1918-й. М., 1982; Он же. Советская Россия и Ноябрьская революция в Германии // ВИ. 1974. № 11. С. 3–23; Он же. Великий Октябрь и интеллигенция // Интеллигенция и революция XX в. М., 1985. С. 6–20; Он же. Мировой империализм против Страны Советов // НиНИ. 1986. № 8. С. 122–143; и др.

⁴³⁴ Маститый ученый, конечно, базировал свои научные изыскания на историко-партийной методологии. Но он пошел дальше. На многих страницах, не будет преувеличением сказать, уникальных работ академика на лицо (особенно если данные страницы прочесть сегодня под новым углом зрения, исключив тенденциозность в оценке достижений и просчетов советской исторической науки) попытки аналитической методики исследовательского поиска. Получился своего рода методологический симбиоз, в чем-то новый для своего времени, который во многом способствовал тому, чтобы и сегодня завить: труды академика Минца, изданные в исследуемый период, действительно, уникальные. – Г. И.

⁴³⁵ Минц И. И. Год 1918-й. С. 482.

ориентации (Деникин – ориентация на Антанту, а Краснов – на Четвертной союз, в первую очередь на Германию)⁴³⁶.

Безусловно, эти и многие другие положения академика АН СССР Минца о Гражданской войне и противниках большевизма – прямое порождение целой эпохи. Эпохи, которая сформировала его, активного участника Гражданской войны (причем, причастного к кровавому безумию в плане личного участия, например, в карательных экспедициях по подавлению крестьянских восстаний на Украине), в качестве крупного исследователя. Не будем забывать и того, что академик И. И. Минц всю сознательную жизнь являлся убежденным коммунистом. Логично, что сегодня его научное наследие подвергается критике. В то же время, не следует забывать, что академик Минц – уникальный и крупный советский ученый, который оказывал мощное позитивное воздействие на процесс исследования революции и Гражданской войны. Нельзя не сказать о том, что благодаря, в частности, именно данному крупному ученому советская историческая наука окончательно не задохнулась в тисках догматизма и политической конъюнктуры, а продолжала развиваться.

Анализ историографических источников показывает, что некоторый материал, как непосредственный, так и опосредованный, по отдельным аспектам деникинщины (в основном по военным) наличествует в ряде крупных обобщающих и специальных трудов по военной проблематике, выполненных в историко-партийном ключе⁴³⁷. Имеется такой материал и в специальных

⁴³⁶ См.: Минц И. И. Год 1918-й. С. 482.

⁴³⁷ См., напр.: Липицкий С. В. Военная деятельность ЦК РКП(б) 1917–1920. М., 1973; Партийно-политическая работа в Вооруженных силах СССР (1918–1973 гг.) : ист. очерк. М., 1974; КПСС – организатор защиты социалистического отечества / Н. Р. Панкратов [и др.]; под общ. ред. Е. Е. Мальцева. 2-е изд., доп. М., и др. Замечу также и то, что огромная масса диссертаций выполнялась по историко-партийной проблематике. Тем самым выполнялась идеологическая установка – сконцентрироваться на положительном опыте КПСС. Подобный тип партийной летописи широко представлен в защищенных диссертациях, как в докторских, так и в кандидатских (см.: История КПСС и партийное строительство : библиогр. указ. докт. и канд. дис., поступивших в ГБЛ им. В. И. Ленина в 1971–1980 гг. М., 1985. Ч. 2–3.)

работах по истории Гражданской войны⁴³⁸. Причем, именно в них чаще всего фигурировали политические клише. Например, Н. Ф. Бугай писал, что на Северном Кавказе имел место «разгул политического бандитизма, руководимого деникинским офицерством»⁴³⁹. Военно-политические аспекты борьбы советской власти против деникинщины отражены в специальных статьях, напечатанных в научной периодике⁴⁴⁰. Это же самое можно сказать и об изданных материалах Всесоюзной научной конференции⁴⁴¹.

⁴³⁸ История латышских стрелков (1915–1920) / пер. с латыш. Рига, 1972; Носкова В. Н. Против ставленников Антанты. Л., 1972; Этенко Л. А. Больше вистские организации Дона и Северного Кавказа в борьбе за власть Советов. Ростов-н/Д., 1972; Кашкаев Б. О. Гражданская война в Дагестане. 1918–1920. М., 1976; Поляков Ю. А. Гражданская война в России: причины, сущность, значение. М., 1981; Он же. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1985; Гюев М. И. Антиденикинский фронт на Кавказе. Орджоникидзе, 1984 и др.

⁴³⁹ Бугай Н. Ф. Революционные Комитеты Дона и Северного Кавказа. 1919–1921. М., 1979. С. 226.

⁴⁴⁰ Шишкин С. О планах борьбы с армией Деникина // ВИЖ. 1968. № 2; Покорнов В. Д. Калединщина и ее ликвидация // ВИЖ. 1968. № 3; Голуб П. А. Контрреволюционный заговор на юге России в конце 1917 – начале 1918 года // ВИ. 1968. № 9; Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1917–1920 гг. : сб. ст. М., 1969; Сейранян Ф. Г. К. Орджоникидзе на фронтах гражданской войны // ВИЖ. 1971. № 10; Из истории Гражданской войны и интервенции. 1917–1922 гг. : сб. ст. М., 1974; Бугай Н. Г. К. Орджоникидзе – председатель Северо-Кавказского ревкома // ВИЖ. 1975. № 10; Ефимов Н. А. Разгром Корнилова на Северном Кавказе // ИЗ. 1977. № 98. С. 91–147; Бобылев П. О роли Западного фронта в период разгрома Деникина // ВИЖ. 1979. № 6; Дмитриев П. Использование стратегических резервов Красной Армии в осенне-зимней кампании 1919–1920 гг. // ВИЖ. 1979. № 10; Михайлов Я. Л. Поддержка правительством Великобритании Деникина на в его борьбе с Советской Россией // Боевое содружество советских республик. 1919–1922 гг. [Сб. ст.] М., 1982. С. 228–234; Дайнес В. О. Контрнаступление Южного фронта в октябре–ноябре 1919 г. // ВИЖ. 1986. № 10. С. 64–68; Галоян Г. А. Британский империализм и Добровольческая армия (1917–1918 гг.) // Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. 1987. № 4; и др.

⁴⁴¹ См.: К 60-летию победоносного окончания гражданской войны в СССР (1918–1920 гг.) : материалы Всесоюзной науч. конф. Киев, 1981.

Характерно и то, что выходили в свет печатные работы и защищались диссертации, в которых рассматривались локальные проблемы Гражданской войны на Юге России, в том числе и деникинщины⁴⁴².

Однако, подчеркну еще раз, не побоявшись упреков в тавтологии, вся эта большая по количеству литература о деникинщине просто обезличена в сюжетах и фрагментах, в которых речь идет непосредственно о лагере белых. Воистину, *nomina sunt odiosa*⁴⁴³.

Необходимо констатировать, что в период ресталинизации советской исторической науки появились научные труды, выполненные в рамках политического ангажемента. Они преследовали стратегическую цель – любым путем дискредитировать Белое движение и его лидеров и на этом фоне всемерно обелить деяния советской власти в годы Гражданской войны. Ярким примером служит монография А. П. Алексащенко «Крах деникинщины»⁴⁴⁴, уже название которой заключает в себе не только агитационно-пропагандистский пафос, но и научную некорректность.

Главное внимание в монографии уделено военным аспектам борьбы против генерала Деникина. Эти места научного труда автору наиболее удались. Но как только историк затрагивает социально-политические аспекты проблемы, то сразу же ска-

⁴⁴² См.: Раковский М. Е. Крах григорьевщины // История СССР. 1966. № 5. С. 40–42; Семанов С. Н. Махновщина и ее крах // ВИ. 1966. № 9. С. 37–60; Владимирцев В. С. Партия – организатор разгрома контрреволюции на Юге. М., 1971; Билый П. Х. Разгром махновщины (1920–21 гг.) // Украинский историч. журн. 1971. № 5. С. 10–20; Поликарпов В. Д. Пролог Гражданской войны в России. М., 1976; Спиридонов Н. В огне войны гражданской. Из истории борьбы большевиков Кубани за власть Советов (1917–1920 гг.). Краснодар, 1984; Алексащенко А. П. Партизанское движение в годы Гражданской войны на Юге страны: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1973; Козлов А. И. Борьба за власть Советов в Черноморской губернии (1917–1920 гг.): дис... канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 1965; и др.

⁴⁴³ *Nomina sunt odiosa* (лат.) буквально – «имена ненавистны», не будем называть имен. – Г. И.

⁴⁴⁴ См.: Алексащенко А. П. Крах деникинщины. М., 1966.

тывается на обвинительный уклон. Причем, используя ограниченный круг источников, не может свои обвинения поднять выше пропагандистских клише, а порою просто скатывается к элементарным фальсификациям. Так, он утверждает, что Деникин – выходец из курских помещиков, «один из самых махровых реакционеров – монархистов»⁴⁴⁵, хотя ни тем, ни другим, как показывает современный уровень накопления исторических знаний, генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин, яркая диалектически противоречивая, трагическая фигура в истории государства Российского, не являлся.

Ясно, что исследователю в то время был чрезвычайно затруднен доступ ко многим архивным документам. Но трудно поверить в то, что Алексащенко не ознакомился с работами Деникина и других лидеров Белого движения, хранившихся тогда в печально известном спецхране ГБЛ. Из них историк без особого труда уяснил бы, что Деникин – сын крепостного крестьянина, сданного помещиком в рекруты и дослужившегося в армии царской России до майора⁴⁴⁶. Но в соответствии с социальным заказом автору было выгоднее показать ярого врага советской власти именно выходцем из курских помещиков.

Не иначе, как только политической ангажированностью Алексащенко, можно объяснить еще одну фальсификацию. Освещая борьбу генерала против сепаратизма на Кубани в 1919 г., автор пишет, что по приказу Деникина осенью 1919 г. арестовали 12 деятелей Кубанской Рады, пытавшихся отделить Кубань от России, «и все они были приговорены к смертной казни»⁴⁴⁷. Но казнен был лишь Калабухов, остальные по приказу Деникина высланы за границу⁴⁴⁸.

⁴⁴⁵ Алексащенко А. П. Указ. соч. С. 39.

⁴⁴⁶ См., напр.: Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953.

⁴⁴⁷ Алексащенко А. П. Указ. соч. С. 49.

⁴⁴⁸ См: Документы по Кубанским «самостийникам» // АРР. Т. 5. С. 245–249; Федюк В. П., Ушаков А. И. Белый Юг, ноябрь 1919 – ноябрь 1920. М., 1999; Ипполитов Г. М. Деникин. Изд. второе, испр. и перераб. М., 2006.

Характерно и то, что Алексащенко толкует понятие «единоличная военная диктатура генерала Деникина как «военно-политическую машину», которая держалась «исключительно на штыках белогвардейской армии»⁴⁴⁹. Однако, в свете современного уровня накопления исторических знаний, подобная трактовка выглядит односторонней. Как справедливо отмечает в докторской диссертации В. Д. Зими́на, концентрация внимания исключительно на механизме институирования военной диктатуры по вертикали «сверху вниз» приводила к исключению из постановки проблемы о сущности антибольшевистских режимов вопроса об «обратной связи» между «низамы» и «верхамы», о соотношении между собственно управлением и самоуправлением⁴⁵⁰.

Думаю, позволительно в данной связи привести и цитату из своей докторской диссертации: «*Нельзя не отметить, что режим единоличной военной диктатуры А. И. Деникина на Юге России имел специфические особенности, некоторым из которых трудно найти аналоги во многих диктаторских режимах, существовавших когда-либо в истории мировых цивилизаций. Одна из наиболее значимых специфических особенностей заключается в том, что примерно до конца лета 1919 г. Белому движению, лично генералу А. И. Деникину в качестве диктатора на Юге России существовала значительная общественно-политическая поддержка в различных социальных группах населения. Это обобщение сделано на базе анализа большого количества различных архивных документов и материалов, хранящихся в фондах Политической канцелярии Особого совещания*⁴⁵¹. Причем, и это необходимо подчеркнуть, многие из данных документов подготовлены в качестве секрет-

⁴⁴⁹ См.: Алексащенко А. П. Указ. соч. С. 3, 56.

⁴⁵⁰ См.: Зими́на В. Д. Белое движение и российская государственность в период гражданской войны : дис. ... докт. ист. наук. М., 1998. С. 97.

⁴⁵¹ ГА РФ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 1–5, 8–15, 19–24, 35–37; Оп. 2. Д. 1–8, 10, 12–19, 20–29, 44, 55–77, 93, 103, 115.

ных. Следовательно, в них не было необходимости лакировать действительность»⁴⁵².

Однако вернемся к монографии А. П. Алексащенко, где присутствуют все же оригинальные обобщения, которые выходят за рамки устоявшихся исследовательских стереотипов того времени: разгром «деникинщины», который не в последнюю очередь детерминировался не столько руководящей ролью большевиков, численным перевесом и боевым превосходством Красной армии, сколько внутренней социальной слабостью как следствием «антинародной и антinationальной сущности» самого режима. Именно так виделась автору вся внутренняя политика генерала Деникина⁴⁵³.

Характерно и то, что ученые часто меняли свои позиции в соответствии с тем, что им предлагали власть имущие. Так, украинский историк Н. Супруненко, анализируя проблему борьбы армии Деникина с вооруженными формированиями Украинской народной республики (УНР) периода Директории, еще в 1951 г. подчеркивал буквально следующее: украинские буржуазные националисты добивались создания единого фронта с Деникиным, поскольку их политические позиции определялись общими с белогвардейской контрреволюцией классовыми интересами⁴⁵⁴. Но в 1966 г. он утверждал, что политические цели Деникина и украинских буржуазных националистов были противоположны⁴⁵⁵.

⁴⁵² Ипполитов Г. М. Военная и политическая деятельность А. И. Деникина (1890–1947 гг.) : дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. С. 260.

⁴⁵³ См.: Алексащенко А. П. Указ. соч. С. 20–21, 64–75. Небезынтересная деталь: почти одновременно аналогичную оценку, но только политическому режиму атамана Краснова на Дону в 1918 г. дал К. А. Хмелевский (см.: Хмелевский К. А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918–1919 гг.). Ростов-н/Д., 1965. С. 153).

⁴⁵⁴ См.: Супруненко М. Україна в період іноземної інтервенції і громадянської війни (1918–1920 рр). Київ, 1951. С. 24.

⁴⁵⁵ См.: Супруненко Н. Очерки истории гражданской войны и иностранной интервенции на Украине (1918–1920). М., 1966. С. 50.

В монографии же 1979 года утверждается, что «украинские буржуазные националисты... радовались успехам денкикинских войск и со всех сил старались добиваться создания единого фронта с Деникиным-вешателем. Их политические позиции определялись общими с белогвардейской контрреволюцией классовыми интересами. Выступая совместно с белогвардейщиной, украинские буржуазные националисты не жалели сил для укрепления денкинского режима»⁴⁵⁶.

Между тем, на фоне политического ангажемента выходили в свет и работы, которые не вписывались до конца в систему координат, заданную процессом ресталинизации советской исторической науки. Речь идет о труде В. Д. Поликарпова о начальном этапе Гражданской войны⁴⁵⁷. Автор освещает корниловское выступление и его роль в генезисе Добровольческой армии. Из этого труда можно представить и некоторые аспекты роли генерала Деникина в данном процессе.

По моему мнению, главы монографии о Доне в период атаманства Каледина и первых месяцах формирования Добровольческой армии – наиболее глубокое исследование проблем Белого движения в советской историографии, выполненное в условиях жесткого идеологического диктата. Историк удалось проанализировать большое количество архивных и опубликованных документов, мемуарной литературы, в том числе и белоэмигрантской, периодических изданий. Причем ученый изучил такое количество источников и литературы, что анализ ее составил самостоятельное исследование⁴⁵⁸.

Можно отметить (в контексте вышеизложенного), что увидели свет ряд работ по проблемам военной интервенции в Советскую Россию. В них (на фоне заданных оценок и обоб-

⁴⁵⁶ Супруненко М. Борьба трудящих Украины против денікінщини. Київ, 1979. С. 89.

⁴⁵⁷ См.: Поликарпов В. Д. Пролог Гражданской войны. М., 1976.

⁴⁵⁸ См.: Поликарпов В. Д. Начальный этап Гражданской войны. История изучения. М., 1980.

щений), когда освещаются проблемы взаимоотношений военно-политического руководства Южнороссийского Белого движения и Антанты⁴⁵⁹, вводятся в научный оборот отдельные иностранные источники, чего не было сделано в 1920-х гг.⁴⁶⁰ Так, В. А. Рыжиков ввел в научный оборот отдельные документы из Главного государственного архива Англии, в которых раскрывались некото-

⁴⁵⁹ Суть заданности таких оценок – мифологема (в нескольких различных интерпретациях) о единстве внутренней и внешней контрреволюции («противники Октября»). Так, О. Ф. Соловьев главную причину интервенции империалистов Антанты видел в их стремлении помочь «контрреволюционному союзу» буржуазно-помещичьих и мелкобуржуазных кругов в России покончить с большевиками. Сопряженность же данных процессов с военными событиями Первой мировой войны исключалась, поэтому о противоречиях между антантовскими и германскими империалистами умалчивалось (Соловьев О. Ф. Великий Октябрь и его противники: О роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и Гражданской войны (окт. 1917 – июль 1918 гг.). М., 1968. С. 162–163, 321–322, 324). Примерно такие же оценки, но в более конспективной форме, заданы и в статье автора, упомянутого выше (см.: Соловьев О. Ф. Подготовка и начало антисоветской интервенции Антанты (По материалам французских и английских архивов) // НиНИ. 1977. № 6. С. 132–133). Схожи по тональности с вышеприведенными работами и статьи А. Г. Андреева, Ю. Н. Афанасьева, посвященные разоблачению фальсификаций истории возникновения иностранной военной интервенции в Советскую Россию в американской, английской и французской исторической литературе (см.: Андреев А. Г. Фальсификация истории возникновения иностранной военной интервенции в Советскую Россию в работах американских и английских буржуазных авторов // Против буржуазной фальсификации истории Советского общества : сб. ст. Изд-во Ленинградского ун-та, 1967. С. 22–42; Афанасьев Ю. Н. Фальсификация истории становления и защиты Советской власти в современной французской буржуазной литературе // Из истории гражданской войны и интервенции 1917–1922 гг. : сб. ст. М., 1974. С. 453–458).

⁴⁶⁰ См.: Предыстория интервенции. М., 1968; Из истории Гражданской войны и интервенции. 1917–1922 гг. : сб. ст. М., 1974; Антисоветская интервенция и ее крах. 1917–1922. М., 1972; Михайлов Я. Л. Поддержка правительством Великобритании Деникина в его борьбе с Советской Россией // Боевое содружество советских республик... С. 228–234; Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунг-стрит. М., 1980; Поляков Ю. А., Шишкин В. А., Мухачев Ю. В., Спирин Л. М., Волков Ф. Д. Антисоветская интервенция и ее крах. М., 1982.

рые аспекты тайных замыслов организаторов интервенции Антанты⁴⁶¹.

Однако труды, подобные монографии Поликарпова и др. (а их так мало увидело свет), не могут опровергнуть следующего суждения: изучение лагеря контрреволюции в годы Гражданской войны - слабое звено в советской исторической науке в период так называемого застоя. Здесь не был даже отработан понятийно-категориальный аппарат. Например, в хорошо фундированной архивными источниками монографии Ю. К. Кириенко «Крах ка-лединщины»⁴⁶², калединщина в одних случаях именуется мятежом, в других - режимом и, зачастую, противопоставлялась контрреволюции - корниловской и кадетской. Калединская программа с идеей «сохранения неизменным казачьего землевладения и землепользования» объявлялась не более чем «социальной демагогией», а весь режим понимался как «главный рычаг и оплот всероссийской реакции»⁴⁶³.

И вообще: непрерывный и прогрессирующий откат исторической науки в исследуемом периоде от решений XX съезда КПСС к сталинским стереотипам сделал практически невозможным сколько-нибудь серьезное продвижение вперед в изучении истории Белого движения, в том числе и на Юге России. Не говоря уж об исторических персоналиях белых вождей.

В то же время, нельзя не отметить небезынттересную историографическую особенность. Несмотря на особый идеологический контроль, официального запрета на исследования проблем

⁴⁶¹ В. А. Рыжиков, к примеру, оперирует данными о том, что 21 декабря 1917 г. Военный кабинет Англии по предложению министра иностранных дел А. Дж. Бальфура принял меморандум, подготовленный Министерством иностранных дел с участием военного министра и начальников спецслужб для представления французскому правительству. В меморандуме говорилось о необходимости поддержки контрреволюционных сил в различных районах России, о разделении сфер влияния между Англией и Францией (см.: *Рыжиков В. А. О чем свидетельствуют документы Главного государственного архива Англии* // ВИ. 1968. № 12. С. 75).

⁴⁶² Кириенко Ю. К. Крах калединщины. М., 1976.

⁴⁶³ Там же. С. 7, 69, 71.

контрреволюции не имелось. Ее стали рассматривать в рамках не очень крупной проблематики – истории мелкобуржуазных партий в России в 1917–1920 г. На первый взгляд, здесь можно было отойти от традиционных подходов и заданных оценок. Появилась возможность деидеологизировать (разумеется, лишь только в какой-то степени) исследования. Но этого не случилось. История мелкобуржуазных партий, то есть контрреволюции, вскоре стала изучаться исключительно как история краха мелкобуржуазных партий. Но все же по данной проблематике с 1963 по 1974 г. опубликовали 16 коллективных и индивидуальных монографий и один сборник, а также около 500 статей⁴⁶⁴.

Получилось, что небольшая научная проблема трансформировалась в самостоятельное научное направление советской историографии, представленное крупными монографическими исследованиями. Например, Л. М. Спириин, крупный советский специалист по истории Гражданской войны, проанализировал ранее не введенные в научный оборот архивные источники и на этой основе впервые в обобщенном виде показал историю возникновения, развития и крушения практически всех политических организаций контрреволюции, заложил основы изучения социальной природы, сравнительного анализа деятельности партий, представленных в антибольшевистском движении в отдельных регионах страны⁴⁶⁵.

Уникальный материал сосредоточен в приложении. Ученый классифицировал в нем сведения о помещичьих и буржуазных партиях, указав их лидеров, центральные органы, численность в различные периоды революции и Гражданской войны, представительство в Государственной думе, количество полученных на выборах в Учредительное собрание голосов, время возникновения и распада.

⁴⁶⁴ См.: Непролетарские партии в России в трех революциях. М., 1989. С. 96.

⁴⁶⁵ См.: Спириин Л. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977.

Между тем, относительно большое число проанализированных в монографии новых документов, ее солидная фактическая основа и новизна самой тематики для советской историографии не повлияли на теоретико-методологические подходы. Автор неукоснительно соблюдал принципы классового подхода к оценке событий и явлений, партийности, опоры на ленинские труды и решения КПСС как первоисточник в научном творчестве и пр.⁴⁶⁶

Именно в рамках научного направления, освещенного выше, получили раскрытие некоторые аспекты истории Белого движения, в том числе и его южнороссийской составляющей.

В этих работах утверждается точка зрения о правомерности изучения «вражеского лагеря». Но только для всестороннего раскрытия «антинародной сущности» контрреволюции и исторической неизбежности ее крушения. Так, Л. Спирин подчеркивал, что в качестве политических представителей интересов буржуазии и помещиков, «главной партии контрреволюции» и, следовательно, партийно-политического лица противобольшевистского движения выступали кадеты, влияние которых на вождей Белого движения, в первую очередь на Деникина и Врангеля, признавалось важным фактом идеологической и целевой двойственности южнороссийского Белого движения, отметавшего завоевания Февраля 1917 года, но не доходившего до открытого объявления реставрации свергнутого режима⁴⁶⁷.

Анализ историографических источников в рамках рассматриваемого научного направления позволяет заключить: в каче-

⁴⁶⁶ См. также, напр.: Гусев К. В. Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М., 1968; Гусев К. В., Ерицын Х. А. От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М., 1968; Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968; Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982.

⁴⁶⁷ См.: Спирин Л. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977. С. 287.

стве политических представителей интересов буржуазии и помещиков, «главной партии контрреволюции» и, следовательно, партийно-политического лица противобольшевистского движения в исследованиях советских ученых стали фигурировать кадеты, влияние которых на вождей Белого движения, в первую очередь на Деникина и Врангеля, признавалось важным фактом идеологической и целевой двойственности южнороссийского Белого движения, отметавшего завоевания Февраля 1917 года, но не доходившего до открытого объявления реставрации свергнутого режима⁴⁶⁸.

Определенный вклад в научную разработку проблемы лагеря контрреволюции в годы Гражданской войны внесло фундаментальное исследование Д. Л. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР». В нем достаточно основательно прослеживаются связи подпольного антисоветского «Национального центра» с генералом Деникиным. Разумеется, труд написан с обвинительным уклоном: деникинщина получила очередную порцию уничижительных агитационно-пропагандистских клише. Однако богатый фактический материал, проанализированный ученым, позволит современному исследователю почерпнуть из него небезыңтересные данные и оценить их с новых подходов, которые утвердились в современной российской исторической науке⁴⁶⁹.

Значительный вклад в изучение истории лагеря контрреволюции внесли труды Г. З. Иоффе⁴⁷⁰. Созданные на широком круге практически недоступных рядовому исследователю архивных источников, эмигрантской и западной литературы, написанные достаточно живым языком, снабженные образными ха-

⁴⁶⁸ См.: Спирин Л. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. С. 287.

⁴⁶⁹ См.: Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР: в 2 кн. М., 1978.

⁴⁷⁰ См.: Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; Он же. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; Он же. К вопросу о социально-политической сущности деникинщины // Боевое содружество советских республик (1918–1922). С. 232–246.

рактиками и портретами, они представили монархическое крыло антибольшевистского лагеря как сложное, неоднородное социально-политическое явление. Исследователь подверг анализу социальный состав, эволюцию программы и политической практики российских монархистов и их организаций, аргументировал ведущую роль кадетов в объединении всех антисоветских группировок и объединений, проследил взаимоотношения внутри них и основное содержание деятельности белых правительств⁴⁷¹.

В его трудах подтверждается сделанный ранее вывод о различиях в монархических ориентациях политических режимов Колчака и Деникина: первый определенное время прикрывался так называемой «ширмой «демократической контрреволюции», тогда как второй изначально и откровенно опирался на собственную кадетско-монархическую основу. Причем, эволюцию деникинской диктатуры Иоффе характеризовал как движение от «черносотенного монархизма» в период ее военных успехов к «буржуазно-помещичьему либерализму» на этапе ее поражений. И в этом исследователь видел принципиальное отличие деникинского режима от колчаковского⁴⁷². Ученый, оставаясь на позиции разоблачения контрреволюции во всех ее качествах, также отвергал наличие демократического потенциала и реализации его элементов в политике белых. Он, изначально отождествив Белое движение с монархическим, все его колебания рассматривал исключительно в рамках буржуазно-помещичьей контрреволюции.

Характерно и то, что историк Белое движение рассматривал только в рамках буржуазно-помещичьей контрреволюции, считая движение монархическим. Даже «среднюю линию» он объяснял попытками найти равнодействующую между «столыпинско-октябрьскими», кадетскими и монархическими политическими течениями, но с обязательным «правым» уклоном. Столкновение этих сил произошло на почве разрешения земельного вопроса и закончилось «октябрьско-кадетским вари-

⁴⁷¹ См.: Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции... Указ. соч. С. 113–114, 126, 167–168, 200, 256, 263–264; 308–311 и др.

⁴⁷² См.: Там же. С. 215.

антом столыпинской реформы». Эволюцию деникинской единой военной диктатуры Иоффе характеризовал как движение от «черносотенного монархизма» в период ее военных успехов к «буржуазно-помещичьему либерализму» на этапе ее поражений⁴⁷³. Он считал, что кадеты выступали как сила, стремившаяся, но, в конечном итоге, не сумевшая спасти белую власть от правых и наиболее реакционных элементов, а врангелевская тактика «левая политика правыми руками» была логичным следствием предшествовавших провалов в организации власти и управления белых политических режимов⁴⁷⁴.

Уникальное явление - монография Н. Г. Думовой «Кадетская контрреволюция и ее крах», изданная в 1982 г. В ней сделана серьезная попытка приближения к исторической правде в условиях жесткого идеологического диктата⁴⁷⁵. Данная монография сыграла существенную роль в расширении представлений о Белом движении на фоне истории партии кадетов. Автор соглашается с точкой зрения Г. Иоффе, Л. Спирина и других ученых о тесной взаимосвязи контрреволюционных центров и объединяющей роли в них кадетов, их твердой приверженности военно-буржуазной диктатуре и декларативном характере заявлений о демократии, антинародной сущности и закономерном провале внутренней политики кадетов.

Однако она высказала свой взгляд на отдельные вопросы. В частности, Думова считала ошибочным вывод Иоффе о «центризме» Национального центра и обосновывала его подчиненность правомонархическому Совету государственного объединения России как реальной силе, нежеланием многих либералов в деникинском лагере сотрудничать с эсерами и меньшевиками, использованием их лишь в качестве фальшивого прикрытия для обмана трудящихся и умиротворения зарубежных покровителей.

⁴⁷³ См.: Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции... Указ. соч. С. 255.

⁴⁷⁴ См.: Там же. С. 256.

⁴⁷⁵ Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее крах. М., 1982.

Представляется принципиальным подчеркнуть, что в монографии резюмируются результаты советской историографии и дается определение понятия «Белое движение» или «Белое дело» как самостоятельного течения в общероссийском потоке российской контрреволюции, где монархисты были его ведущей силой, наиболее реальными выразителями идеологии и политики «белогвардейщины», а социальную базу составили помещики, кулаки, дворянство, духовенство, крупная и мелкая городская буржуазия, деклассированные элементы, за которыми пошли «несознательные слои» рабочих и крестьян. Антибольшевистское движение объединило, как указывалось в работе, партии черносотенцев, бывших октябристов, националистов и прогрессистов, правых кадетов и промежуточные течения. Ударной же силой его являлось офицерство, а руководство осуществляли верхи «генеральско-монархической контрреволюции».

Думова делает особые акценты на том, что идеология и программа Белого движения, как считали советские историки, включала провозглашение примата православия, верности «историческим началам», непредреждения государственного строя до «умиротворения» и проведения Учредительного собрания, возрождения «единой, неделимой и великой России». На самом же деле все это означало великодержавный шовинизм, прикрытый демагогическими претензиями на надклассовость, над-партийность и патриотизм, стремление к возрождению монархии столыпинского образца. Политика же непредреждения имела не принципиальное, а чисто тактическое значение для расширения социально-политической базы белых, демократического прикрытия антинародной и реставраторской политики. В монографии также дается сводная картина развития программы, тактики, географии антибольшевистского движения через анализ деятельности партий, представленных в нем, включая так называемые националистические.

Анализируя историю изучения деникинщины, нельзя не отметить одного момента, имеющего в ней прямое отношение. Речь идет о том, что в научно-справочной литературе пред-

принимались попытки вывода суждений (даже в форме дефиниций) о Белом движении. Для формата, например, фундаментальных энциклопедических изданий подобный алгоритм вполне приемлем. Однако здесь мы найдем разнообразные толкования понятия «Белое движение». Разве только на уровне редакционном. Да и то подобные расхождения незначительны, и, тем более, не выходят за систему координат политизации и идеологизации советской исторической науки. Из фундаментальных энциклопедических изданий мы можем узнать, к примеру, следующее:

1. Белое движение эволюционировало от сугубо движения, базировавшегося на идеологии партии кадетов, к движению общепартийного характера⁴⁷⁶.

2. Консолидирующая идея Белого движения – идея реставрации «монархии на самодержавной или квазиконституционной основе»⁴⁷⁷.

3. Белая гвардия – военные формирования, боровшиеся за восстановление буржуазно-помещичьего строя⁴⁷⁸.

4. Добровольческая армия – «ударная сила контрреволюции на Юге России»⁴⁷⁹.

В целом, советские историки не смогли создать целостную концепцию Белого движения. Да и кто бы им это позволил...

Но если проблемы собственно Белого движения все-таки освещались, то, судя по анализу историографических источников, значительно менее плодотворным оставалось изучение судьбы казачества в годы Гражданской войны и его роли в Белом движении. По существу, позитивных сдвигов здесь – ни в расширении фактологической основы, ни в концептуальном отноше-

⁴⁷⁶ См.: Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР : энцикл. М., 1983. С. 59.

⁴⁷⁷ Там же. С. 60.

⁴⁷⁸ См.: Там же. С. 61.

⁴⁷⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция : энцикл. М., 1977. С. 166.

Г. М. Ипполитов

нии – не произошло⁴⁸⁰. Как локальное историографическое явление можно отметить то, что некоторый материал, имеющий отношение к Деникину, но носящий опосредованный характер, наличествует в краеведческой работе Д. Д. Лаппо⁴⁸¹.

Характерно и то, что появилось и большое количество защищенных диссертационных исследований, в которых нашлось место и освещению многих аспектов деникинщины. Их можно классифицировать по трем группам: *первая группа – диссертации источниковедческого и историографического характера, где отражаются вопросы истории Белого движения и как непосредственно, так и опосредованно*⁴⁸²; *вторая группа – диссертации, исследующие деятельность коммунистической партии и Советского государства по разгрому Белого движе-*

⁴⁸⁰ См., напр.: *Бабичев Д. С.* Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов-н/Д., 1969; *Ермолин А. П.* Революция и казачество. М., 1982; *Футорянский Л. И.* Современная советская историография о казачестве в период Гражданской войны. // Историография гражданской войны и империалистической интервенции (1918–1920 гг.) : сб. ст. С. 146–156; *Он же.* Казачество в период Октября и Гражданской войны в советской историографии. М., 1969; *Он же.* Ленин о решающей роли иностранного империализма в развязывании и затягивании гражданской войны в казачьих областях // Ученые зап. Оренбургского госпединститута. Вып. 18. Челябинск, 1970. С. 107–116; *Василенко Г. И.* Ликвидация «Круга спасения Кубани» // Кубань. 1980. № 11. С. 83–96; и др.

⁴⁸¹ См.: *Лаппо Д. Д.* Воронежцы против белогвардейщины. Воронеж, 1971.

⁴⁸² См.: *Парусимов Я. П.* Проблемы интервенции и Гражданской войны в СССР в современных исторических журналах (1955–1977): дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; *Соловьев О. Е.* Источниковедческий анализ газет Советской России (на примере центральных и местных газет Советской власти. Октябрь 1917–1920) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1975; *Косаковский А.* Западногерманская историография Гражданской войны и иностранной интервенции в СССР. М., 1972; *Наутов В. П.* Современная историография Гражданской войны и интервенции в СССР : дис. ... докт. ист. наук. М., 1971; *Хмелевский С. К.* Гражданская война на Юге России в освещении современной англо-американской историографии : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1971; *Семанова Н. М.* Периодическая печать как источник «демократической контрреволюции» : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977; *Азулова Е.* Разгром Донской армии Краснова. Источники изучения : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1977.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

*ния*⁴⁸³; *третья группа – диссертации о конкретных направлениях борьбы с белыми*⁴⁸⁴.

Все они выполнены на той же методологической основе, что и опубликованные работы. Их характерная черта – небольшое количество использованных архивных документов, особенно принадлежащих Белому движению. Диссертанты пытались также чаще оперировать глобальными категориями («массы» «партия», «классы», «контрреволюция» и т. д.). Субъекты же исторических событий, даже из большевистского лагеря, не говоря уж об их антиподах-контрреволюционерах, изображались схематично.

Диссертации насыщены пропагандистскими клише, уничтожительными метафорами и эпитетами, коими награждались лидеры Белого движения. Такая научная некорректность историков объясняется политической и нравственной атмосферой, что царил тогда в советской исторической науке. Да и политиче-

⁴⁸³ См.: *Воскобойников Б.* Военно-организаторская деятельность большевиков Дона в годы военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; *Слуцевская Д.* Деятельность Зафронтбюро ЦК КПБ (июнь-декабрь 1919) : дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1966; *Шапошник В. Н.* Образование и деятельность СКВО в первый период его существования : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 1970 и др.

⁴⁸⁴ См.: *Хмелевский К. А.* Гражданская война на Дону (Крах красновщины и деникинщины) : дис. ... докт. ист. наук. Ростов-н/Д., 1971; *Вовк Г. А.* Борьба трудящихся Украины в тылу деникинских войск : дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1981; *Шатенко Л. А.* Борьба против белогвардейских войск и буржуазно-националистической контрреволюции на юге Украины в 1919 г. : дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1985; *Дедов И. И.* Создание Красной кавалерии на Дону в годы Гражданской войны и ее роль в разгроме контрреволюции на Юге России 1918–1920 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1973; *Проскурин А.* Образование 8 Армии и ее участие в боях против Краснова и Деникина : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1971; *Лежава А.* Революционное сотрудничество народов Грузии и Северного Кавказа в борьбе против деникинщины : дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1968; *Степаненко Б. М.* Борьба с вооруженной контрреволюцией на Дону и Кубани и ее разгром : дис. ... канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 1972; *Дедов В. И.* Создание красной кавалерии на Дону в годы гражданской войны и ее роль в разгроме контрреволюции на юге России (1918–1920) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982; *Венков А. В.* Донское казачество в гражданской войне : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; и др.

ская конъюнктура, по моему суждению, при выполнении научно-квалификационных работ перманентно довлела над их авторами и была более жесткой по форме. Ведь решался вопрос: будет ли защищена диссертация (а может и вообще не будет принята к защите), если возникнут хоть малейшие даже намеки на отклонение от официальных установок, выработанных идеологами ЦК КПСС.

Таким образом, в период частичной реанимации сталинских подходов в советской исторической науке в громадном массиве историографических источников занимают свою нишу и исследования деникинщины, главным образом военных аспектов борьбы с ней. Однако предпринимались попытки анализа социально-политической и экономической сущности процессов, происходивших в рамках единоличной военной диктатуры генерала Деникина. Намного меньше внимания уделялось анализу деятельности генерала Деникина в 1918 г.

Анализ истории изучения проблемы деникинщины в хронологических рамках, указанных выше, позволил выявить **основные историографические тенденции ее развития:**

1. Мощное количественное приращение печатных трудов и защищенных диссертаций. Влияние на качество и глубину исследований политической конъюнктуры периода хрущевской оттепели и так называемого застоя, когда робкие тенденции к достижению максимального уровня объективности, неукоснительного соблюдения принципа историзма, исправления деформаций периода культа личности Сталина были де-факто сведены на нет реалиями частичной реанимации сталинских подходов в советской исторической науке.

2. Некоторая сдача доминирующих позиций в исследовании деникинщины, ее военных аспектов. Появление новых работ, в значительной мере расширявших конкретно-историческую картину развития Белого движения с точки зрения его партийно-политической основы, идеологии и практики. Исследование истории так называемых непролетарских партий в годы Гражданской войны, даже, в основном, с позиций борьбы против них больше-

виков, позволило приподнять завесу над запретными для объективного исследования сторонами этого этапа нашей истории. Между тем, все труды выполнены под усиленным контролем, осуществлявшимся соответствующими институтами правившей в стране компартии.

3. Оставление за рамками исследовательского процесса проблемы социальной природы и состава Белого движения в развитии. В частности, не признавалось или не получало вразумительного объяснения, например, участие в нем на различных этапах достаточно многочисленных слоев трудящихся, не получили освещения многие важные направления политики в рамках единоличной военной диктатуры генерала Деникина. Не изучалось по-целевому и военное искусство белых. В целом, сложился обличительный уклон. Допускались в данной связи сознательные искажения и даже фальсификации, прикрываемые якобы раскрытием антинародной сущности деникинщины.

В монографии выше отмечалось, что в советской исторической науке Деникин образца до 1917 г., контрреволюционер и белый эмигрант, – почти, что terra incognita⁴⁸⁵. Даже в 1920-х годах, когда историкам еще можно было более-менее свободно дышать, генерал бывшей царской армии А. М. Зайончковский, крупный военный историк, констатируя, что накануне летнего наступления русской армии в 1917 году *«произошла перегруппировка и в верховном, и в высшем командовании на фронтах»*, умолчал, что она коснулась и генерала Деникина. Ученый пишет в данной связи буквально следующее: *«Главком вместо Алексева был назначен Брусилов, а вскоре на место последнего, т. е. главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, был назначен Корнилов с комиссаром при нем, эсером Савинковым»*⁴⁸⁶. Но А. М. Зайончковский не сказал о том, что главнокомандующим армиями Западного фронта накануне июльского наступления русской армии назначили генерала Деникина.

⁴⁸⁵ Terra incognita (лат.) – неизвестная земля, неизвестная страна, не постижимая область.

⁴⁸⁶ Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб., 2000. С. 657–658.

Явно мог бы больше внимания уделить роли генерала Деникина в Первой мировой войне генерал А. А. Брусилов в публикации, увидевшей свет в 1927 году⁴⁸⁷. Но он этого не сделал, гипотетически можно предположить потому, что дал противоречивую, во многом отрицательную оценку Антону Ивановичу в своих воспоминаниях⁴⁸⁸.

Не нашлось места оценочным суждениям о Деникине как о *военачальнике* в годы Первой мировой войне, к примеру, и в работах М. Н. Покровского, П. Черкасова. Но если в работе Покровского о Деникине можно было не говорить, так как автор обобщенно рассматривает предмет своего исследования, то П. Черкасову, анализирувавшему Луцкий прорыв, в котором соединение генерала Деникина сыграло далеко не последнюю роль, следовало бы уделить Антону Ивановичу больше внимания⁴⁸⁹. Нет достаточно полных сведений о Деникине также и в сборнике материалов об операции Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г.⁴⁹⁰ Ясно и то, что в работах о Первой мировой войне, увидевших свет в период культа личности Сталина, сколько-нибудь полных данных о Деникине просто не могло появиться⁴⁹¹.

Кардинальным образом не изменилась ситуация и в годы хрущевской оттепели⁴⁹², а, тем более, в «период застоя»⁴⁹³. Так,

⁴⁸⁷ См.: Брусилов А. А. Прорыв австро-германского фронта в 1916 году // Война и резолюция. 1927. № 4. С. 67–83; № 5. С. 129–143.

⁴⁸⁸ См.: Брусилов А. А. Мои воспоминания. Посмертное издание. М.; Л., 1929.

⁴⁸⁹ См.: Черкасов П. Мировая война 1914–1918 гг. Луцкий прорыв. М., 1924; Покровский М. Н. Царская Россия и война. М., 1924.

⁴⁹⁰ Луцкий прорыв. Труды и материалы к операции юго-западного фронта в мае-июне 1916 г. / под ред. П. В. Черкасова. М., 1924.

⁴⁹¹ См., напр.: Рождественский М. Луцкий прорыв. М., 1938; Бородин Ф. М. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1939; Болтин Е., Вебер Ю. Очерки мировой войны. 1914–1918 гг. М., 1940; Ветошников Л. Брусиловский прорыв : оперативно-стратег. очерк. М., 1940; Война. К 25-летию мировой войны 1914–1918 : сб. Л., 1939; и др.

⁴⁹² См., напр.: Ростунов И. И. Генерал Брусилов. М., 1964; Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1964.

⁴⁹³ См., напр.: Первая мировая война 1914–1918 гг. : сб. ст. М., 1968.

не отмечена, хотя бы обобщенно, военная деятельность генерала Деникина и в статьях А. Г. Кавтарадзе и А. П. Жилина (хотя они посвящены июньскому наступлению русской армии в 1917 г., в котором генерал Деникин участвовал в качестве главнокомандующего армиями Западного фронта)⁴⁹⁴, а также и в крупных работах по истории Первой мировой войны И. И. Ростунова и А. А. Строкова⁴⁹⁵. Такой же оценки заслуживает еще одна крупная коллективная работа по истории Первой мировой войны⁴⁹⁶.

Характерно и то, что во 2 томе фундаментального труда «История Первой мировой войны. 1914–1918 гг.» имя Деникина упомянуто лишь один раз в той связи, что он являлся участником совещания в Ставке Главковерха (16 (29) июля 1917 г.), проведенного А. Ф. Керенским⁴⁹⁷. Это притом, что в 1917 г. Деникин уже занимал крупные должности: начальник штаба Ставки Главковерха, главнокомандующий армиями Западного, а затем Юго-Западного фронтов. Да и в ранге командира легендарной 4 стрелковой («Железной») дивизии он проявил себя отлично. Ясно, что все это стало возможным по идеологическим, политико-цензурным мотивам.

Правда, в монографии А. П. Жилина, посвященной летнему наступлению русской армии в 1917 г., о генерале Деникине, как о главнокомандующем армиями Западного фронта, сказано чуть больше. Причем, в жестком, критическом стиле. Да и то, автор предпочитает реже упоминать имя Деникина, больше опе-

⁴⁹⁴ См.: Кавтарадзе А. Г. Июньское наступление русской армии в 1917 г. // ВИЖ. 1967. № 5; Жилин А. П. Из истории подготовки наступления русской армии летом 1917 г. // История СССР. 1974. № 6; Он же. Наступление русской армии летом 1917 г. в военно-политических планах Антанты // ВИЖ. 1982. № 3; Кавтарадзе А. Г. Июньское наступление русской армии в 1917 г. // ВИЖ. 1967. № 5.

⁴⁹⁵ См.: Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976; Строков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в I мировой войне. М., 1974.

⁴⁹⁶ См.: Первая мировая война 1914–1918 гг. / под ред. А. А. Сидорова. М., 1971.

⁴⁹⁷ См.: История Первой мировой войны. 1914–1918 гг. Т. 2. М., 1975. С. 316.

рируя речевой конструкцией «*главнокомандующий армиями Западного фронта*». Конечно, это можно объяснить тем, что Деникин потерпел тогда фиаско как военачальник. Тем не менее, судя по текстологическому анализу анализируемой монографии, жесткость оценок обусловлена и тем, что генерал – враг советской власти. Но, несмотря на подобный факт, можно сказать, что монография Жилина – работа, из которой можно, по крайней мере, понять, что враг советской власти генерал Деникин все-таки еще являлся и военачальником оперативно-стратегического звена русской армии в 1917 г.⁴⁹⁸

Увидели свет и публикации, авторы которых всемерно пытались скомпрометировать Антона Ивановича как далеко нерядового участника Первой мировой войны. Например, Н. Яковлев утверждал буквально следующее: «Такие, как Деникин, сеяли панику, распространяя настроения безысходности»⁴⁹⁹. Спрашивается, за что такая жестко-негативная оценка боевого русского генерала? За то, что Деникин в своих «Очерках Русской Смуты» справедливо отмечал теперь уже доказанный историками факт: в 1915 г. в русской армии не хватало вооружения и боеприпасов. Налицо явный политический ангажемент.

Точно такой же политический ангажемент просматривается в работе С. Семанова. Автор, сравнивая исторические персоналии А. А. Брусилова, А. Ф. Керенского, Л. Г. Корнилова на фоне исторических событий 1917 г. на предмет их патриотизма, безапелляционно ранжировал данных исторических деятелей следующим образом: «*Брусилов хотел служить русскому народу, Керенский, Корнилов, Деникин и им подобные – управлять народом*»⁵⁰⁰. Доказательств такого ранжирования историк, конечно, не привел. Однако побудительный мотив ясен: генерал Брусилов

⁴⁹⁸ См.: Жилин А. П. Последнее наступление (июнь 1917). М., 1983.

⁴⁹⁹ См.: Яковлев Н. 1 августа 1914. М., 1974. С. 72.

⁵⁰⁰ Семанов С. Генерал Брусилов. Документальное повествование. М., 1986. С. 275. Примерно такие же оценки Семанов дает еще раньше в своей работе о генерале Брусилове, выпущенной в серии «Жизнь замечательных людей» (см.: Семанов С. Брусилов / предисл. К. С. Москаленко. М., 1980).

оказался, в конечном итоге, в Красной армии. Следовательно, он априори патриот Отечества, верно служащий его народу, чего явно не скажешь (с позиций Семанова) о генерале Деникине⁵⁰¹.

Несколько больше материала о Деникине, по сравнению с вышепроанализированными публикациями, представлено в работах, в том числе и в диссертационных, в которых освещается борьба большевистской партии за армию в революционном 1917 г. Он подан кратко, во фрагментарном ключе, и изображает Деникина как яркого реакционера, ведущего жестокую борьбу с демократическими нововведениями в армии (с солдатским комитетом, например). Здесь присутствуют уничижительные политические ярлыки, пропагандистские клише. Причем, имя Деникина не всегда упоминается. Авторы зачастую предпочитают именовать его по должностям – главнокомандующий армиями Западного фронта; главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта⁵⁰².

⁵⁰¹ Кстати, во многих советских работах, посвященных генералу А. А. Брусилову, о Деникине не говорится ничего (см., напр.: Вебер Ю. Брусиловский прорыв. М., 1941; Кузнецов Ф. Е. Брусиловский прорыв. М., 1944; Белов Г. Русский полководец А. А. Брусилов // ВИЖ. 1962. № 10; Ростунов И. И. Генерал Брусилов. М., 1964; и др.). Ясно, что здесь сработал идеологический фактор, помноженный на жесткую цензуру. – Г. И.

⁵⁰² См., напр.: Ахун М. И., Петров В. А. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929; Эйдеман Р., Меликов В. Армия в 1917 г. М.-Л., 1927; Рабинович С. Е. Борьба за армию в 1917 г. Очерки партийно-политической борьбы и работы в армии в 1917 г. М.; Л., 1930; Кизрин И. Г. Распад старой армии. Воронеж, 1931; Муратов Х. И. Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1958; Голуб П. А. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 года – февраль 1918 года). Киев, 1958; Он же. Партия, армия и революция. Отвоение партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918 г. М., 1967; Борьба большевиков за армию в социалистической революции. М., 1977; Военно-боевая работа партии большевиков. 1903–1917 гг. М., 1973; Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. (Возникновение и начальная период деятельности). М., 1974; Революционное движение в русской армии 1917 г.: сб. ст. М., 1981; Марахов Г. И. Революционное движение в армиях Юго-Западного фронта в 1914 – IX. 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1953; Ткачук А. Г. Революционное движение в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов накануне и в период Великого Октября. (1916 – февраль 1918) : дис. ... докт. ист. наук. Львов, 1968; и др.

Историографический анализ литературы о военной и политической деятельности генерала в 1917 г. показывает: проблема рассматривалась, в основном, в контексте исследования корниловщины. Деникин показывался на фоне «ярого контрреволюционера генерала-мятежника Корнилова». Всемерно подчеркивалось, что генерал Деникин, между тем, не являлся ключевой фигурой корниловского мятежа. Факты при этом приводились, как правило, одни и те же.

Причем, подобная тенденция просматривается как в фундаментальных обобщающих работах⁵⁰³, монографиях, книгах, брошюрах⁵⁰⁴, освещающих корниловский мятеж в контексте с другими проблемами, так и в монографиях, книгах, брошюрах⁵⁰⁵, а также и в научно-справочных изданиях⁵⁰⁶, имеющих прямое отношение к так называемой корниловщине. Так, в первом томе «Истории Гражданской войны в СССР» специальной главе (девятая) «Кор-

⁵⁰³ См., напр.: История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1936; *Голуб Г. Н.* Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959; *Миц И. И.* История Великого Октября: в 3-х т. М., 1967–1973; История Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967; История СССР с древнейших времен до наших дней. 2 сер. Т. 7. М., 1967.

⁵⁰⁴ См.: *Мартынов Е. И.* Корнилов (Попытка военного переворота). М., 1927; *Рабинович С. Е.* Борьба за армию в 1917 году. Очерки партийно-политической борьбы и работы в армии в 1917 году. М.-Л., 1930; *Чаадаева О. Н.* Работа большевиков в армии в 1917 году // Пропагандист. 1934. № 18; *Ионов А.* Борьба большевистской партии за солдатские массы Петроградского гарнизона. М., 1954; *Миллер В. И.* Солдатские комитеты Русской армии в 1917 г. М., 1974; *Голуб П. А.* Партия, армия и революция. М., 1967; *Он же.* Большевики и армия в трех революциях. М., 1977; *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971; *Старцев В. И.* Крах керенщины. Л., 1982; *Дещинский Л. Я.* Большевики во главе революционного движения в армии и фронте. Львов, 1982 и др.

⁵⁰⁵ *Владимирова В.* Контрреволюция в 1917 г. (корниловщина). М., 1924; *Мартынов Е. И.* Корнилов. Попытка военного переворота. М., 1927; *Грунт А. Я.* Заговор обреченных: (Разгром корниловщины). М., 1962; *Калустин М. И.* Заговор генералов. (Из истории корниловщины). М., 1968; *Иванов Н. Я.* Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977; *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985.

⁵⁰⁶ См., напр.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Малая энцикл. М., 1968.

ниловщина» отведено 27 страниц⁵⁰⁷. О Деникине сказано лишь то, что он был арестован вместе с генералами Марковым, Лукомским, Романовским и др. за участие в корниловском мятеже⁵⁰⁸.

В монографии Х. И. Муратова упоминается Деникин как борец против демократизации армии и участник корниловского мятежа⁵⁰⁹. Имеются подобные некоторые, крайне скудные сведения о Деникине, в диссертациях Э. Н. Бурджалова и В. Д. Вар-вацкого⁵¹⁰.

Еще менее внимания уделялось в советской историографии анализу деятельности Антона Ивановича в белой эмиграции. Это детерминировалось тем, что все темы, связанные с белой эмиграцией, с середины 1930-х гг. фактически попали в разряд запретных, а источники, в том числе и опубликованные, оказались в архивах и спецхранах библиотек. Поэтому вплоть до 60-х годов минувшего века не было специальных исследований по проблемам белой эмиграции. Нельзя же, например, отнести к подобным работы, во многом напоминающие политические памфлеты⁵¹¹.

Середина 1960-х годов ознаменовалась выходом в свет воспоминаний реэмигрантов⁵¹². Из них стало возможным узнать о патриотической позиции, по отношению к германскому фашизму, занятой Деникиным в эмиграции накануне Второй мировой войны. Характерная черта воспоминаний Л. Любимова и Д. Мейснера – отсутствие ярлыков и политизированных оценок личности

⁵⁰⁷ См.: История Гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 321–348.

⁵⁰⁸ См.: Там же. С. 346.

⁵⁰⁹ См.: *Муратов Х. И.* Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1958.

⁵¹⁰ См.: *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция : автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1968; *Варвацкий В. Д.* Борьба партии за привлечение демократического офицерства на сторону социалистической революции (февраль 1917 – февраль 1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Одесса, 1984.

⁵¹¹ См., напр.: *Кудрявцев Р.* Белогвардейцы за границей. М., 1932; *Михайлов К. А.* Белогвардейцы – поджигатели войны. М., 1932; и др.

⁵¹² См.: *Любимов Л.* На чужбине. М., 1963; *Мейснер Д.* Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966.

Г. М. Ипполитов

и деятельности Деникина – генерала-изгнанника в белой эмиграции. Однако в общем объеме мемуаров ему отведено мало места. Имеющиеся сведения пронизаны субъективными впечатлениями авторов от личных встреч с бывшим вождем Белого движения на Юге России.

Небезынтересные сведения об эмигрантском периоде деятельности Деникина представлены в воспоминаниях еще одного реэмигранта Б. Н. Александровского⁵¹³. В отличие от мемуаров Л. Любимова и Д. Мейснера его воспоминания более политизированы. Чувствуется редакторская подгонка под априорную схему освещения деятельности бывшего главкома ВСЮР в эмиграции. Да и самих сведений о белом эмигранте генерале Деникине мемуарист дает крайне мало. Появились и научные работы, где о Деникине имеются небольшие упоминания⁵¹⁴.

Основным же научным исследованием, содержащим анализ деятельности генерала Деникина в белой эмиграции, следует считать монографию крупного советского историка Л. К. Шкаренкова «Агония белой эмиграции», выдержавшую три издания⁵¹⁵, а также и его докторскую диссертацию на эту же тему⁵¹⁶. Ученый осветил для своего времени достаточно кратко, но относительно объективно позицию генерала в белой эмиграции на-

⁵¹³ См.: *Александровский Б. Н.* Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969.

⁵¹⁴ См., напр.: *Барихновский Г. В.* Идеино-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924). Л., 1978; *Колмин В. В.* Белая эмиграция и Вторая мировая война. Калинин, 1979; *Он же.* Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; *Он же.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; *Мухачев Ю. В.* Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982.

⁵¹⁵ См.: *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. Изд. 3-е. М., 1981. Сво его рода подготовительной работой к написанию монографии можно, видимо, расценивать и статьи этого ученого (см.: *Шкаренков Л. К.* Белая эмиграция: агония контрреволюции // *ВИ.* 1976. № 5. С. 100–120; *Он же.* Конец белой эмиграции // Там же. 1979. № 8. С. 85–103).

⁵¹⁶ См.: *Шкаренков Л. К.* Белая эмиграция: эволюция и крах 1917–1945 гг. : дис. ... докт. ист. наук. М., 1983.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

кануне Второй мировой войны. Он опирался на материалы белоэмигрантской прессы, а также и на воспоминания Л. Любимова и Мейснера. Автор был вынужден политизировать свои выводы, но не до такой степени, когда они превращаются в агитационные листовки.

Резюмируем так: труд Шкаренкова – значительное явление в советской историографии белой эмиграции, в котором отражена и деятельность Антона Ивановича Деникина. Однако краткость анализа, отсутствие опоры на архивные документы, которые могли бы характеризовать более полно деятельность генерала в белой эмиграции, не позволяют считать анализируемую монографию научной работой, где излагался бы обобщенный материал по предмету моего исследования.

Таким образом, в советской историографии не имеется полной и объективной научной картины военно-политической деятельности Антона Ивановича Деникина до 1917 г. ни в революционном 1917 году, ни в белой эмиграции. Небольшие же фрагменты и сюжеты написаны примерно в таком же ключе, как и многочисленные исследования деникинщины.

История изучения деникинщины в период развития советской исторической науки в системе теоретико-методологических координат хрущевской оттепели (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.) протекала в сложных и противоречивых условиях. Эта историография в своем развитии напоминала, образно выражаясь, «бег по синусоиде».

Безусловно, главным фактором, определившим сущность и содержание научных изысканий историков, стала та социально-политическая и духовная атмосфера, которая утверждалась в СССР в период хрущевской оттепели. Она оказала (при всей противоречивости протекавших в то время процессов), в конечном итоге, благодатное влияние на развитие советской исторической науки.

Произошел качественный сдвиг в исследовании рассматриваемой проблемы. Это особенно видно, если сравнить до-

стигнутые здесь научные результаты с научными результатами периода безраздельного господства в советской исторической науке сталинской теоретико-методологической парадигмы (вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х гг.).

Наглядная иллюстрация тому – попытка ученых исследовать лагерь контрреволюции в годы Гражданской войны. Конечно, данная проблема не стала самостоятельным научным направлением, но отдельные аспекты, например, истории Белого движения в Гражданской войне на Юге России стали освещаться под новым углом зрения.

Появились попытки ориентации в исследованиях на принципы объективности и историзма. Этому способствовал прорыв в источниковую базу исследования. Правда, архивная составляющая была в ней представлена не очень полно (если, конечно, не сравнивать ее с периодом безраздельного господства в советской исторической науке сталинской историографической парадигмы). Доступ в архивы не являлся достаточно свободным.

Так что освобождение от стереотипов и догм сталинской методологии оказалось болезненным процессом. Тем не менее, не станет преувеличением сказать, что за короткое время оттепели историки успели немало сделать. Причем, вопреки установкам партийной номенклатуры, допускавшей лишь дозированную критику нарушений норм партийной жизни, социалистической законности.

Таким образом, в «беге по синусоиде» маршрут прокладывался вверх.

В период ресталинизации советской исторической науки произошел серьезный откат (по сравнению с периодом хрущевской оттепели) в исследовании истории деникинщины. Ученым, как и во времена культа личности Сталина, снова стали в директивном стиле диктовать, о чем, как и что писать (разумеется, в более мягких формах, что не меняло, однако, сущности и содержания).

Засилье историко-партийной тематики резко сузило предмет исследований – разгром контрреволюции. Причем, что пред-

ставляется принципиальным подчеркнуть, ученым были поставлены жесткие организационные барьеры, нашедшие выражение в следующих явлениях: 1) резкое ограничение доступа в архивы; 2) существование спецхрана в ГБЛ им. В. И. Ленина, куда были помещены работы лидеров Белого движения, зарубежных исследователей и исследователей Российского зарубежья, имеющих отношение к изучению истории Белого движения, в том числе и на Юге России; доступ туда был тоже крайне затрудненным; 3) отсутствие публикации белых мемуаров и переводных работ зарубежных авторов, которые не вписывались в марксистско-ленинскую историографическую парадигму. Именно поэтому допускались преднамеренные искажения и даже ничем не прикрытые фальсификации (например, работа А. П. Алексашенко).

Одним словом, в «беге по синусоиде» маршрут прокладывался вниз.

Однако неправильно было бы полагать, что в столь непростой историографической ситуации в истории изучения проблемы Белого движения в Гражданской войне на Юге России, а, следовательно, и деникинщины, не достигли никаких положительных научных результатов. Они имелись и получены были, главным образом, в рамках исследования краха непролетарских партий в 1917–1920 гг. (заметим, краха, а не деятельности).

Это был идеологический и социально-политический заказ теперь уже авторитарно-бюрократического политического режима, утвердившегося в Советском Союзе, все более погружавшегося в системный кризис. Он подразумевал всемерную дискредитацию Белого движения и его вождей и на данном фоне – показ величия победы советской власти в безумии братоубийства. Но именно здесь был сделан определенный шаг в расширении тематики, восстановлении конкретной истории Белого движения. Наметились сдвиги в осмыслении политических аспектов истории Белого движения, роли различных партийных образований в нем, их взаимодействия, деятельности ряда антибольшевистских правительств. Проведение симпозиумов и конференций по истории политических партий России способствовало возрожде-

Г. М. Ипполитов

нию дискуссий, коллективной формы научного творчества, оживлению обмена мнениями.

Даже в условиях жесткого идеологического диктата появились работы, которые и сегодня не потеряли (разумеется, в определенной степени) своей актуальности. Например, труды В. Д. Поликарпова, Г. З. Иоффе, Н. Г. Думовой, Л. М. Спирина и др. В них есть «рациональные зерна», извлечение которых может помочь современному исследователю в составлении более полной научной картины истории Гражданской войны на Юге России, в том числе и деникинщины.

Относительно истории изучения военной деятельности Деникина в армии царской России приходится констатировать, что подобная историография исключительно невелика. Все преподносится опосредованно, фрагментарно, обезличенно. Сюжеты и фрагменты относятся, главным образом, к периоду 1914–1917 гг. Разумеется, не обошлось без уничижительных ярлыков, навешанных на Деникина – «*махрового контрреволюционера*».

Если же вести речь о Деникине-белоземце, то стоит заметить следующее: генерал-изгнанник превращался из фигуры умолчания в персону, о которой давали отрывочные политизированные сведения. Ясно, что из них невозможно составить полную научную картину его деятельности. Удивляться не стоит: правила игры, установленные идеологами ЦК КПСС для исследователей, соблюдались неукоснительно.

ДЕНИКИНЩИНА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Документальные публикации

Борьба за власть Советов на Дону. 1917–1920: сб. док. Ростов-н/Д., 1957.

Борьба за Советский Дон : сб. к 20-летию освобождения Ростова на Дону от белых. Ростов-н/Д., 1939.

Борьба с каледищиной: (по документам белых): дек. 1917 г. и янв. 1918 г. Таганрог, 1929.

Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на Юге России : сб. док. Ростов-н/Д., 1962.

Гражданская война на Украине: сб. док. и материалов : в 2 т. Киев, 1967.

Директивы Главного командования фронтов Красной Армии. М., 1969.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922) : сб. док.: в 4 т. М., 1971–1974.

Доклад постоянного члена Главного военного и военно-морского суда генерал-лейтенанта Макаренко Главнокомандующему Вооруженными силами Юга России барону Врангелю от 28 марта 1920 г. № 79 // КА. М.; Л., 1927. Т. 5. С. 190–199.

Допрос Колчака. Л., 1925.

Из истории гражданской войны : сб. док. : в 3 т. М., 1960–1963.

Оборона Царицына: сб. ст. и док. Сталинград, 1937.

Сергеев А. Деникинская армия сама о себе (по материалам, собранными корреспондентами РОСТА в боевых линиях). М., 1920.

Циркулярное секретное письмо о политике по отношению к казачеству: постановление Оргбюро ЦК РКП(б) // Изв. ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 177–178.

Южный фронт. Май 1918 – март 1919 гг.: борьба советского народа и интервенции и белогвардейцами на Юге России. Ростов-н/Д., 1962.

Источники личного происхождения

- Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне: в 4 т. М., 1924–1932.
- Буденный С. М. Пройденный путь: в 2 кн. М., 1965.
- В боях за Ростов : восп. Ростов-н/Д., 1939.
- Героическое подполье в тылу деникинской армии : восп. М., 1976.
- Ингулов С. Под пятой (из эпохи деникинского подполья) // Летопись революции. Журн. Истпарта Украины. 1926. № 3–4. С. 21–51.
- Ковтюх В. М. Гражданская война на Кубани // ВИЖ. 1964. № 2. С. 81–93.
- Ленин В. И. Все на борьбу с Деникиным! // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 54–76.
- Мяков Г. В эпоху Добровольческой армии в Киеве // Летопись революции. Журн. Истпарта Украины. 1926. № 3. С. 13–18.
- Против Деникина : сб. восп. М., 1969.
- Сталин И. В. Письмо В. И. Ленину 15 октября 1919 г. // Соч. Т. 4. С. 277–279.
- Троцкий Л. Д. Дневники и письма. М., 1991.
- Троцкий Л. Д. Моя жизнь: в 2 т. Берлин, 1930.

Научно-справочные и библиографические издания

- Владимир Ильич Ленин : биограф. хроника. 1870–1924: в 12 т. М., 1970–1982.
- Военная интервенция против страны Советов и создание Красной Армии : реф. сб. М. : ИНИОН, 1988.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР : энцикл. М., 1987.
- Документальные публикации Центрального государственного архива Советской Армии. М., 1985.
- Зарубежная историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР : указ. лит. 1967–1976 гг. М., 1977.
- Иностранная интервенция против страны Советов: зарубежная историогр. : реф. сб. М., 1989.

Искодамская С. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война : указ. сов. лит. 1972–1976 гг. М., 1977.

Летопись борьбы и побед: хроника революционной борьбы на Дону 1917 – 1920 гг. Ростов-н/Д., 1984.

Советская военная энциклопедия : в 8 т. М., 1976–1980.

Советская историческая энциклопедия : в 12 т. М., 1964. Т. 5.

Советская страна в период гражданской войны 1918–1920 гг.: библиогр. сб. М., 1961.

Тематический указатель литературы по гражданской войне / ВПАТ. Каф. гражданской войны. Л., 1929.

Литература

Монографии, книги, брошюры

- Агуреев К. В. Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 – март 1920 гг.) М., 1961.
- Алексашенко А. Д. Крах деникинщины. М., 1966.
- Антисоветская интервенция и ее крах 1917–1922. М., 1987.
- Гражданская война в СССР: в 2 т. М., 1980–1986.
- Гусев М. М. Антибольшевистский фронт на Кавказе. Орджоникидзе, 1984.
- Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920). М., 1982.
- Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919 год. М., 1931.
- Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.
- История гражданской войны в СССР: в 5 т. М., 1935–1961.
- Кабышев Л. В. Сталинский план разгрома Деникина. М., 1940.
- Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республике Советов. М., 1988.
- Какурин Н. Е. Как сражалась революция : в 2 т. М., 1925.
- Кин Д. Деникинщина. М.; Л., 1927.
- Кузьмин Г. В. Гражданская война и иностранная интервенция в СССР : военно-полит. очерки. М., 1988.
- Поликарпов В. Д. Пролог гражданской войны в России. М., 1976.

Г. М. Ипполитов

Хмелевский К. А. Буря над тихим Доном. Исторический очерк о гражданской войне на Дону. Ростов-н/Д., 1984.

Статьи

Бобылев П. О роли Западного фронта в период разгрома Деникина // ВИЖ. 1979. № 6.

Галоян Г. А. Британский империализм и Добровольческая армия (1917–1918 гг.) // Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. 1987. № 4.

Гимпельсон Е. Г. Ограбление хозяйства Юга России интервентами и белогвардейцами в 1919 г. // ИЗ. 1950. № 35. С. 36–61.

Голуб П. А. Контрреволюционный заговор на юге России в конце 1917 – начале 1918 года // ВИ. 1968. № 9.

Дайнес В. О. Контрнаступление Южного фронта в октябре – ноябре 1919 г. // ВИЖ. 1986. № 10. С. 64–68.

Дмитриев П. Использование стратегических резервов Красной Армии в осенне-зимней кампании 1919–1920 гг. // ВИЖ. 1979. № 10.

Иоффе Г. З. К вопросу о социально-политической сущности деникинщины // Боевое содружество советских республик 1919–1922. М., 1982. С. 234–246.

История гражданской войны и империалистической интервенции (1918–1920 гг.) : сб. ст. М., 1983.

Карпенко С. В. Проблемы экономического и политического краха белогвардейских режимов в советской историографии // Вопросы становления и развития советского общества в отечественной историографии. М., 1986. С. 184–197.

Кин Д. Кирстовщина и меньшевики // П Р. М.; Л., 1926. № 4 (5). С. 125–158.

Кин Д. Повстанческое движение против деникинщины на Украине // Летопись революции. Журн. Истпарта Украины. 1926. № 3–4. С. 70–90.

Кондрашов И. С. М. Киров – организатор большевистского подполья в тылу Деникина // ВИ. 1947. № 7. С. 6–21.

Кузнецов Ф. Начало разгрома Деникина // Военный вест. 1939. № 11. С. 18–21.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

Лиманский А. Кубанское крестьянство в борьбе с корниловщиной // П Р. М.; Л., 1926. № 4. С. 89–124.

Мальт М. Деникинщина и крестьянство // П Р. М.; Л., 1924. № 1. (24). С. 140–151.

Мальт М. Деникинщина и рабочие // П Р. М.; Л., 1924. № 1. С. 64–86.

Михайлов Я. Л. Поддержка правительством Великобритании Деникина в его борьбе с Советской Россией // Боевое содружество советских республик. 1919–1922 гг. [Сб. ст.] М., 1982. С. 228–234.

Четыркин А. Развал и разложение армии Деникина // ИЗ. М., 1941. С. 8–36.

Работы историографического и источниковедческого характера, в которых имеются фрагменты и сюжеты о деникинщине

Алексащенко А. П. Советская историография разгрома деникинщины // ВИЖ. 1968. № 1. С. 83–85.

Историография гражданской войны (1918–1920 гг.) : сб. ст. М., 1983.

Наумов В. П. Летопись героической борьбы. Советская историография Гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М., 1972.

Поликарпов В. Д. Начальный этап гражданской войны: история изучения. М., 1980.

Хмелевский С. К. Борьба трудящихся Дона и Северного Кавказа против интервентов и белогвардейцев в освещении английской и американской буржуазной историографии 60-х – 70-х годов // Боевое содружество советских республик. М., 1982. С. 208–223.

Шерман И. Л. Советская историография Гражданской войны в СССР (1920–1931). Харьков, 1964.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

МОЯ ДЕНИКИНИАНА

**Работы доктора исторических наук,
профессора Г. М. Ипполитова, посвященные исследованию
исторической персоналии Антона Ивановича Деникина**

Монографии

Ипполитов Г. М. Военная, политическая и общественная деятельность Антона Ивановича Деникина в 1890–1947 гг. : монография. Вольск : ВВУТ, 1997. 331 с. (20,67 п. л.)

Ипполитов Г. М. Кто Вы, генерал А. И. Деникин? Монографическое исследование политической, военной и общественной деятельности А. И. Деникина в 1890–1947 гг. Второе изд., переработанное (монография). Самара : Изд-во «Самарский университет», 1999. 244 с. (15,25 п. л.)

**Биография А. И. Деникина, изданная в издательстве
«Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей»**

Ипполитов Г. Деникин (Жизнь замечательных людей; Серия биографий; Вып. 790). М. : Молодая гвардия, 2000. 531 с. (28,56 п. л.)

Ипполитов Г. Деникин (Жизнь замечательных людей; Серия биографий; Вып. 1090.). Второе изд., испр. и доп. М. : Молодая гвардия, 2006. 665 с. (38,56 п. л.)

Брошюры

Ипполитов Г. М. Антон Иванович Деникин в 1917 году. Краткий исторический очерк : в помощь изучающим историю Отечества. Вольск : ВВУТ, 1993. 48 с. (3 п. л.)

Ипполитов Г. М. Военная и политическая деятельность А. И. Деникина (1917 – апрель 1920 гг.). Источники и историография проблемы. Вольск : ВВУТ, 1994. 32 с. (2 п. л.)

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

**Статьи, опубликованные в
ведущих рецензируемых журналах⁵¹⁷
(начиная с 2006 года)**

Ипполитов Г. М. Деникин = деникинщина. Генерал-лейтенант А. И. Деникин в годы российской Гражданской войны: советская историография проблемы (вторая половина 1960-х первая половина 1980-х гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6 (38). (1 печ. л.)

Ипполитов Г. М. Личность и судьба Антона Ивановича Деникина в зеркале зарубежной историографии (краткий историографический обзор) // Клио. Журн. для ученых 2011. № 8. (0,75 печ. л.)

Ипполитов Г. М. Антон Иванович Деникин: поиск исторической правды в архивных источниках // Клио. Журн. для ученых. 2012. № 3. (1 печ. л.)

**Публикации источников в
ведущих рецензируемых журналах⁵¹⁸
(начиная с 2006 года)**

Письма Марины Грей, дочери генерала А. И. Деникина, профессору Г. М. Ипполитову «С Россией и ее историей остаюсь тесно связана» (составление, комментарии Г. М. Ипполитова) // Клио. Журн. для ученых. 2008. №1 (40). С. 20–25.

Стенограмма беседы профессора Г. М. Ипполитова с Мариной Антоновной Деникиной (Грей). Документ публикуется впервые // Клио. Журн. для ученых. 2010. № 3(50). (1,3 печ. л.)

Статьи, опубликованные в другой научной периодике

Ипполитов Г. М. Антон Иванович Деникин. Исторический портрет / Персонажи военной истории // Клио. Межвуз. журн. для ученых. 1997. № 2. (1,3 п. л.)

⁵¹⁷ Так называемый реестр ВАК Минобрнауки. Г. И.

⁵¹⁸ То же самое.

Ипполитов Г. М. Антон Иванович Деникин: портрет на фоне российской смуты. Исторический очерк // История. Еженедельное приложение к газете для учителей «Первое сентября». 1997. № 28. (1,1 п. л.)

Ипполитов Г. М. Антон Иванович Деникин: в поисках исторической правды // Клио. Журн. для ученых. 1999. № 2. (1, 2 п. л.)

Ипполитов Г. М. «...Придется серьезно поработать по практике обучения стрельбе, приемам сноровки обучения...» (о стиле командования командира 17 Архангелогородского полка Киевского военного округа полковника А. И. Деникина в 1910 г. По неизвестным и малоизвестным архивным документам) // Вестник СЮИ МЮ РФ : Межвуз. сб. науч. ст. по проблемам юридических, гуманитарных и социально-экономических наук. Вып. 2. Самара, 2002. (0,5 п. л.)

Ипполитов Г. М. Деникиниана постсоветская: критические историографические заметки // Телескоп. Научный альманах. Вып. 10. Самара, 2005. (1 п. л.)

Сообщения на научных форумах

Ипполитов Г. М. Политическая, военная и общественная деятельность А. И. Деникина (1890–1947 гг.): постсоветская историография проблемы // Актуальные вопросы отечественной историографии : материалы Седьмой Всерос. заоч. науч. конф. / под ред. С. Н. Полторака. СПб., 1997. (0,25 п. л.)

Ипполитов Г. М. А. И. Деникин: уроки из политической, военной и общественной деятельности в 1890–1947 гг. // VI Рос. науч. конф. профессорско-препод. и инж.-техн. состава, проводимая Поволжской государственной академией телекоммуникаций и информатики (г. Самара). Март, 1999 г. Тезисы докладов. Самара, 1999. (0,1 п. л.)

Ипполитов Г. М. Политический режим единоличной военной диктатуры на белом Юге России в 1919 г.: некоторые специфические особенности // Вторая науч. конф. специалистов, преподавателей и студентов, проводимая Самарским муниципальным институтом управления Администрации г. Самары 26–27 апреля 2001 г. Самара, 2001. (0,25 п. л.)

Ипполитов Г. М. Россия в безумии братоубийства. Генерал А. И. Деникин и Кубанская Рада. Никто не хотел уступать... Про-

играли все (1918–1919) // Казачество. Проблемы истории и историографии. Материалы Двадцать восьмой Всерос. заоч. науч. конф. / под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2003. (0, 25 п. л.)

Ипполитов Г. М. Состояние экономики на территориях, подконтрольных генералу А. И. Деникину в годы Гражданской войны на Юге России в 1919 г. (краткий аналитический обзор некоторых аспектов проблемы) // Экономические проблемы в истории России и пути их решения. Материалы Двадцать седьмой Все-рос. заоч. науч. конф. / под ред. С. Н. Полторака. СПб. : Нестор, 2003. (0,25 п. л.)

Ипполитов Г. М. Россия в безумии братоубийства. Генерал А. И. Деникин и Кубанская Рада. Никто не хотел уступать... Проиграли все (1918–1919) // Казачество. Проблемы истории и историографии. Материалы Двадцать восьмой Всероссийской заочной научной конференции / под ред. С. Н. Полторака. СПб. : Нестор, 2003. (0,5 п. л.)

Ипполитов Г. М. Антон Иванович Деникин: штрихи к психологическому портрету исторической персоналии – нерядового участника безумия братоубийства (1917 – апрель 1920 гг.) // Психология искусства : материалы Всерос. научно-практ. конф. 3–5 сентября 2002 г. / Самарский гос. пед. ун-т, Российский гуманитар. науч. фонд. Т. 1. Ч. 2. Искусство в контексте проблем Российского сознания. Менталистика, провинциология. Самара, 2003. (0,3 п. л.)

Ипполитов Г. М. К вопросу об отношении А. И. Деникина к монархии, революции 1917 года, Временному правительству и большевизму // 1917 год в судьбах России и мира : сборник материалов науч. конф. / отв. ред. В. И. Голдин / Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2007. (0,4 печ. л.)

Ипполитов Г. М. Вокруг и внутри «Очерков Русской Смуты» А. И. Деникина: краткий источниковедческий и историографический анализ // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд сквозь десятилетия : сб. материалов науч. конф. / состав. и отв-тств. ред. Г. М. Ипполитов, О. А. Тарабрина. Самара, 2009. (0,75 печ. л.)

Ипполитов Г. М. Был ли генерал А. И. Деникин антисемитом? // Народы России: историко-психологические аспекты межэтнич-

Г. М. Ипполитов

ских и межконфессиональных отношений. Материалы XXV Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 12–13 мая 2009 г. / под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2009. (0,3 печ. л.)

Ипполитов Г. М. О попытках вывода экономики белого Юга России из кризиса в период единоличной военной диктатуры генерала А. И. Деникина (1919 – март 1920 г.) // Международная научно-практическая конференция «Шихобаловские чтения: опыт, проблемы и перспективы развития потребительского рынка. 17–19 ноября 2009 г. : сб. материалов. Самара, 2009. (0,3 печ. л.)

Ипполитов Г. М. Генерал А. И. Деникин в дни разгрома Вооруженных сил Юга России (январь – март 1920 г.) // 1920 год в судьбах России мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения : сб. материалов науч. конф. / Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2010. (0,5 печ. л.)

Ипполитов Г. М. Генерал-лейтенант А. И. Деникин в зеркале историографии русского зарубежья после Второй мировой войны (краткий научный историографический обзор // Шихобаловские чтения: опыт, проблемы и перспективы развития потребительского рынка. Материалы Международной научной конференции 2–3 июня 2011. Самара, 2011. (0,4 печ. л.)

Ипполитов Г. М. Иные времена – иные песни: генерал А. И. Деникин в зеркале поздней (перестройка) советской историографии (вторая половина 1980 – первая половина 1990-х гг.) // Девятые Ознобишинские чтения : сборник материалов Межд. научно-практ. конф. (4–5 июля 2011 г.) / под ред. О. М. Буранка, В. Н. Шкунова. Инза-Самара, 2011. (0,5 печ. л.)

Статьи, опубликованные в отдельных изданиях

Ипполитов Г. М. Он приравнял к штыку перо... (Размышления о военном писателе Антоне Ивановиче Деникине) // *Малафеев А. В.* История отечественной культуры: некоторые актуальные проблемы : учебно-метод. пособие для студентов заочной формы обучения, изучающих дисциплину «Культурология». Прилож. Самара, 2000. 74 с. (4,6/1,3 п. л.)

Ипполитов Г. М. Из истории написания «Очерков Русской Смуты» А. И. Деникина // *Ипполитов Г. М.* «Красные орлы» против

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

«рыцарей белой мечты»: духовная сеча. Моральный дух комба-тантов в российской Гражданской войне (ноябрь 1917 – декабрь 1920 г.) : опыт компаративного анализа. Самара, 2005. (0,3 печ. л.)

Рукописи депонированных статей

Ипполитов Г. М. К вопросу о поддержке А. И. Деникиным корниловского выступления в 1917 году // Деп. в Центральном справочно-информационном фонде Министерства обороны Российской Федерации⁵¹⁹, инв. № 5918. 1992 : сб. рефератов деп. рукописей. Сер. Б. Вып. № 23. М. : Центр военно-научной информации Министерства обороны Российской Федерации⁵²⁰, 1992. 32 с. (2 п. л.)

Ипполитов Г. М. К вопросу о борьбе за лидерство в Белом движении между генералом А. И. Деникиным и атаманом П. Н. Красновым в Гражданскую войну на Юге России в 1918–1919 гг. // Деп. в ЦСИФ МО РФ, инв. № 6978. 1994 : сб. рефератов деп. рукописей. Сер. Б. Вып. № 26. М. : ЦВНИ МО РФ, 1994. 26 с. (1,25 п. л.)

Ипполитов Г. М. Деятельность А. И. Деникина в период весенне-летних операций ВСЮР против советского Южного фронта (май-июнь 1919 г.). Деп. в ЦСИФ МО РФ, инв. № 2925 : сб. рефератов деп. рукописей. Сер. В. Вып. 34. М. : ЦВНИ МО РФ, 1996. 16 с. (1 п. л.)

Ипполитов Г. М. К вопросу об оказании помощи державами Антанты и США армиям Колчака А. В и Деникина А. И. в Гражданской войне (1918–1920 гг.) // Деп. в ЦСИФ МО РФ, инв. № 2889 : сб. рефератов деп. рукописей. Сер. В. Вып. 34. М. : ЦВНИ МО РФ, 1996. 16 с. (1 п. л.)

Авторефераты диссертаций

Ипполитов Г. М. Военная и политическая деятельность А. И. Деникина : автореф. дис. ... канд. истор. наук. М. : ГА ВС⁵²¹, 1994. 22 с. (1,3 п. л.)

Далее ЦСИФ МО РФ. Далее ЦВНИ МО РФ. Гуманитарная академия Вооруженных сил.

Г. М. Ипполитов

Ипполитов Г. М. Военная и политическая деятельность А. И. Деникина (1890–1947 гг.) : автореф. дис. ... докт. истор. наук. М. : ВУ, 2000. 48 с. (2,5 п. л.)

Документально-художественные повествования о генерале А. И. Деникине

Ипполитов Г. «Оставляю честное имя» : документально-художественное повествование о судьбе генерала Деникина: в 2 кн. Кн. первая. На просторах великой империи, в одночасье шагнувшей во мрак. Самара : Изд-во НТЦ, 2008. 579 с. (36, 18 п. л.)

Ипполитов Г. «Оставляю честное имя» : документально-художественное повествование о судьбе генерала Деникина: в 2 кн. Кн. вторая. Лихолетье русской смуты и горькая полынь чужбины. Самара : Изд-во НТЦ, 2008. 608 с. (38 п. л.)

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

Приложение 2

Публикации эгоисточников, связанных со встречами доктора исторических наук, профессора Г. М. Ипполитова с дочерью генерала А. И. Деникина Мариной Грей⁵²²

1. Письма Марины Грей, дочери генерала А. И. Деникина, профессору Г. М. Ипполитову «С Россией и ее историей остаюсь тесно связана» (составл., коммент. Г. М. Ипполитова) // Клио. Журн. для ученых. 2008. № 1 (40). С. 20–25.

Моя переписка с Мариной Антоновной длилась около пяти лет, с 1998 по 2003 гг. В 2004 г. наконец-то состоялась первая и, увы, последняя наша встреча во Франции, в Версале. Дальнейшее общение шло, главным образом, по телефону.

Публикуемые письма представляют собою эгоисточник по истории Белого движения и Русского зарубежья, относящийся к эпистолярному жанру. Орфография и пунктуация автора сохранены. Полагаю, что эти письма могут заинтересовать специалистов, занимающихся проблемами Белого движения и Русского зарубежья.

№ 1

6 октября 1998 г.

Милый Георгий Михайлович!

Книгу Вашу получила⁵²³. Благодарю. С огромным интересом и с некоторой эмоцией прочла ее. Конечно не могу согласиться со всеми Вашими выводами, но нашла в этой монографии редкую объективность.

Не обращайтесь внимания на мои ошибки: Папа меня учил русскому языку... по старому стилю, и я, как могу, стараюсь переходить на новый, но не всегда успешно...

Почти все мои «семейные» документы касающиеся Деникина, я отправила (через посольство) в Архив Русской Федера-

⁵²² Печатается с небольшими сокращениями. Полный текст см. в журнале для ученых «Клио».

⁵²³ Речь идет о моей первой монографии о генерале А. И. Деникине (см.: *Ипполитов Г. М.* Военная, политическая и общественная деятельность Анто на Ивановича Деникина в 1890–1947 гг. : моногр. Вольск : ВВУТ, 1997. 331 с.).

Г. М. Ипполитов

ции в Москву⁵²⁴ (Мироненко)⁵²⁵. Вам посылаю случайно оставшееся у меня письмо (или скорее дубликат) генерала Богаевского к генералу Шапрону. Подлинники письма Шапрона к Врангелю и Богаевского к Шапрону хранятся у сына последнего (внука Корнилова) Лавра Шапрон – моего старого друга. Это (далее три слова, очевидно по-французски – Г. И.) вероятно мало кому известно.

Прилагаю еще мало интересное письмишко Папы к Маме которая проводила две недели на юге Франции в том самом Ми-мизане где, позже, родители провели немецкую оккупацию. Это просто что-б у Вас был Папин автограф.

В октябре у меня был писатель (?) историк (?) из Москвы. Показывал мне свой контракт (не помню от какого издательства) о публикации биографии Деникина над которой он работает. На всякий случай, сообщая Вам его адрес и телефон: Владимир Георгиевич Черкасов 107005 Москва, ул. Бауманская, д. 38 кв. 25 Телефон: (095)2678009 Телефакс (095)2926511.

Рада-бы была широкому распространению Вашей монографии, но во Франции издательства испытывают кризис. С большим трудом удалось мне издать мою последнюю (18ю) книгу о Павле Ім, а переиздать книгу о Папе никто не решается. Поговору со знакомым французским генералом. Может-быть существует какое нибудь «военное» издательство котораго заинтересует Ваша монография, конечно если будет представлена во французском переводе...

Крепко надеюсь что Россия выйдет из теперешнего хаоса, нищиты и станет снова «Великой». Вам желаю покоя и успеха.

Ваша Марина Деникина.

⁵²⁴ Имеется в виду Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

⁵²⁵ Марина Антоновна, выполняя завещание генерала А. И. Деникина, безвозмездно передала в дар Правительству России в 1993–1998 годах все возможные документы из семейного архива ее отца и матери. Они поистине бесценны. Данные документы и материалы теперь хранятся в ГА РФ, в личном фонде А. И. Деникина (Р.-5827). Здесь всего 637 единицы хранения. Но вые поступления, источник которых – упомянутая выше акция Марины Антоновны Деникиной. Среди новых поступлений – письма А. И. Деникина к же не за 1915–1945 гг., письма к дочери за 1936–1947 гг., а также различным лицам за 1935–1943 гг., письма о взаимоотношениях с П. Н. Врангелем, переписка с редакцией газеты «Последние новости» (Париж) и т. д. (более подробно см. Петрушева Л. И. Возвращение на Родину: архивы русской эмиграции // Мир библиографии. Научное практ. проф. изд. 1998.).

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

P.S. Хотела-бы знать что Вы, и вообще военные люди, думают о генерале Лебеде с которым я случайно познакомилась в Париже. М. Д.

№ 2

3 января 1999 г.

Уважаемый Георгий Михайлович!

Спасибо за поздравление.

Отвечаю на Ваш вопрос.

Я уже читала в «Октябре» эту совершенно нелепую глупость⁵²⁶.

У родителей никаких сбережений не было. Все четыре года оккупации они жили в полной нищете, часто просто голодали. Так как в Париже было легче «окручиваться» то папины бывшие офицеры посылали (от моего имени что-бы папу не обидеть) съедобные посылки. За эти четыре года, папа похудел на...двадцать кило (мама на 12!). Самим удавалось лечиться (часто болели) только потому что местный аптекарь – милый француз – им дарил нужные лекарства, а местный доктор приходил... даром.

Каким-же способом могло удастся папе купить лекарства и нанять для них поезд в СССР?

Нет! Папа страдал за русских солдатом но помогать им мог только «словестно»!

Буду Вам благодарна если Вы исправите в печати эти ложные сведения!⁵²⁷

Сердечно Ваша Марина Деникина.

№ 3

29-марта 1999 г.

Милый Георгий Михайлович! Долго Вам не отвечала.

Извините.

Разныя болезни в семье, а потом мировые просшествия! Было не до писем!

⁵²⁶ Речь идет о небольшой статье Л. Спирина, которой открывалась публикация в журнале «Октябрь» в 1989 г. работы А. И. Деникина «Очерки Русской Смуты» (см.: *Спирин Л.* Неизвестные события известных исторических событий // Октябрь. 1990. № 10. С. 51–53). Выше в монографии дан ее анализ.

⁵²⁷ Я оперативно отреагировал на просьбу Марины Антоновны и выполнил ее просьбу – «исправил в печати эти ложные сведения» (см.: *Ипполитов Г. М.* Антон Иванович Деникин: в поисках исторической правды // Клио. 1999. № 2(8.). С. 293–301).

Конечно можете сослаться на меня что бы восстановить историческую правду⁵²⁸. Желаю Вам большой успех в продолжении Ваших работ.

Все время дрожу за Россию, но конечно ее будущее от меня не зависит! Хочу надеяться что как нибудь все... наладится.

Буду всегда рада получать от Вас весточку.

Храни Вас Бог!

Сердечно Ваша Марина Деникина.

№ 4

7 мая 1999.

Уважаемый Георгий Михайлович! Отвечаю на Ваши вопросы.

1) Первый раз отец увидел свою будущую жену в Беле, в день ее крещения (1892??). Он был приглашен в дом Чижовых после того как он, на охоте, спас Василья Чижа от кабана!

2) Мать моя работала в Нью-Йорке, после смерти мужа, в Колумбийском Университете где ей было поручено создать там «Славянский Архив».

Кроме этого она часто писала статьи о русской эмиграции и о «Белом деле» в русской газете издаваемой в New-Yorke «Новое Русское слово».

3) Прилагаю последнюю мою фотографію и часть «интервью» опубликованном ровно год назад (5 мая 1998 г.) в Москве, в № «Oggiciel» – журнал в русском издании.

Надеюсь доживу до выхода в свет Вашей книги⁵²⁹.

Сердечно Ваша Марина Деникина.

№ 5

7 июня 1999 года

Многоуважаемый Георгий Михайлович! Повидимому мои письма к Вам не доходят. Посылаю фотокопию расписки последнего в котором отвечала на все Ваши вопросы.

⁵²⁸ Я попросил разрешения использовать материалы моей переписки с Мариной Антоновной в докторской диссертации.

⁵²⁹ В то время я усиленно работал над биографией Антона Ивановича, которая увидела свет в 2000 г. (см.: прил. 1.)

Ваше письмо от 25-го Мая получила только сегодня.

На счет «бойкота» отца в Америке знаю только что сильно протестовали евреи, даже полиция вмешалась! Конечно никогда не было никакого сношения отца с Советами. Но вот, по моему, источник этих слухов:

В Париже лучший – и как будто верный папин друг был полковник Колтышев. (Он скончался не так давно в доме для при-старелых около Парижа). Отец ему доверял как никому другому. И, вдруг, перед отъездом родителей в Америку, что то произошло. Как будто мама застала Колтышева когда он рылся в папиных личных бумагах. Говорили тоже что он навестил советския власти как только они появились в Париже...

Папа мне об этом написал только из New-York'a, не совсем ясно, но прося меня избегать Колтышева и не доверять ему. А он, как раз, очень часто ко мне приходил. Письма от родителей я не прятала. А вот именно это письмо исчезло – ни как мне не удалось его найти...

На счет-же переписки Деникина с Ксенией Чиж во время Великой Войны я часть писем перевела и поместила в своей книге «Мой отец, генерал Деникин». А теперь все эти письма находятся в Москве, в Историческом Архиве⁵³⁰.

Надеюсь хоть это письмо получите
Сердечный привет – Марина Деникина.

№ 6

(числа нет, начало 2000-го года)

Милый Георгий Михайлович!

Спасибо за новогодние поздравления. Спасибо за то удовольствие которое мне принесло чтение Вашей книги!⁵³¹

Вы очень точно поняли и описали характер и действия моего отца, его качества, недостатки и...политическая и дипломатические ошибки. Я согласна с (почти) всеми Вашими суждениями и выводами.

Позвольте только мне исправить 2–3 неточности о нашей жизни за рубежом.

⁵³⁰ Имеется в виду ГА РФ.

⁵³¹ Имеется в виду биография генерала А. И. Деникина, написанная мною (см. прил. 1).

1е) Во время немецкой оккупации, ихние «власти» приезжали к нам в Мимизан только один раз. Так что то что Вы пишете в начале главы на стр. 467–469, а потом на стр. 474–475, нужно-бы было слить в один эпизод.

2) То-же самое на счет «власовцев». Стр. 465 («несколько сложно относился генерал») до стр. 466 («нечеловеческие условия содержания в фашистских лагерях») а, потом стр. 475–476 («в Мимизане генерала изгнанника...») до («суровые испытания»). Это тоже один эпизод. «Власовцы» в Мимизане были только один раз (на три месяца).

3) (Но это не важно). В подпарижском русском кладбище похоронены две мои дочки (а не сыновья) и моя мать. Еще раз благодарю Вас за Вашу исключительную, объективную и очень полезную историческую работу. Сердечно Ваша Марина Деникина.

№ 7

20-3-2000

Уважаемый Георгий Михайлович!

Сентябрьское Ваше письмо получила. Не отвечала потому что жена моего сына серьезно болела раком – да еще и болеет – было мне не до писанья.

На прошлой неделе получила «Клио». Сегодня поблагодарила С. Н. Полторока. Прочла Вашу статью – мне очень понравилась. Вообще поздравляю Вас за исторические успехи.

Мой номер телефона: 01 39506546.

Как пройдут выборы? Какое будущее ждет Россию? Все волнуюсь.

Ну, сердечный привет. Ваша Марина Деникина.

P.S. Получила тоже книгу Черкасова: «Генерал Деникин». Еще не кончила, но нахожу, пока, ее лучше чем я предполагала.

М. Д.

№ 8

4 мая 2000

Милый Георгий Михайлович

Христос Воскресе! Спасибо за поздравления и письмо. Начну с печальных новостей: Две недели тому назад сын хоронил свою жену, а я не могла ему ничем помочь так как сломала себе ногу, меня оперировали и я лежала в госпитале. Теперь

вернулась домой, но это письмо посылаю простым а не заказным (надеюсь дойдет) т. к. до почты мне пока что не дойти...

Ну, вернемся к менее грустному.

Поздравляю Вас с успехом в предварительной защите докторской диссертации. Надеюсь что и будущий раз будет такой-же успех! Не сообщаю Вам адреса Лаврика Шапрон⁵³². Пока что ему писать не время: он лежит в больнице в Париже, тяжело болеет раком. Если ему станет лучше (я почти каждый день имею известия от него или от его жены) я Вам сообщу.

Согласна с Вами о книге Черкасского⁵³³. Фактические неточности я конечно заметила. Субъективизм тоже. Но так как он мне говорил что до этой книги он писал только романы, то я боялась...худшего.

О Путине Вам легче судить чем мне из Франции. Дай Бог что-бы Вы правильно судили!

А теперь об отношениях моего отца к РОВСу⁵³⁴. Пока генерал Кутепов руководил этим РОВСОм, то папе докладывал и даже советовался – хотя папины советы на него мало действовали. Вообще Деникин всегда держался подальше от РОВСа, а после похищения Кутепова писал одному близкому другу что РОВС просто какое-то болото.

⁵³² Внук генерала Л. Г. Корнилова.

⁵³³ См.: Черкасов-Георгиевский. Генерал Деникин. Смоленск, 1999.

⁵³⁴ «Русский Обще-Воинский Союз» (РОВС) – старейшая российская военизированная антикоммунистическая организация созданная в эмиграции для продолжения дела Белого движения. РОВС был основан в Бельгии 1 сентября 1924 г. бывшим Главнокомандующим Русской (Белой) Армией генерал-лейтенантом бароном П. Н. Врангелем. РОВС создавался не как политическая организация, а для «сохранения идеологии, традиций и заветов Русского Воинства для передачи их в будущем Национальной Российской Армии». Целью РОВС был не приход к власти, а «служение России». РОВС претендовал на роль «единственного правопреемника Российской Императорской Армии и армий Белых фронтов гражданской войны в России». В начале 1930-х годов РОВС насчитывал до 40 тыс. членов. РОВС делился на отделы по странам и регионам. После второй мировой войны произошло качественное изменение функций РОВСа, по-прежнему остававшегося душой белой эмиграции, но превратившегося как по возрасту его членов, так и по условиям существования из боевой организации, сохранявшей кадры белой армии в ветеранскую организацию. В условиях немецкой и советской оккупации структуры РОВСа не могли продолжать работу в европейских странах. Центр деятельности организации переместился в США.

Г. М. Ипполитов

В день похищения Миллера, Скоблин (которого отец не любил и которому не доверял) явился к папе на квартиру; мы с мамой еще оставались на летних каникулах на Атлантическом Океане, в городке Мимизан. Перед этим, за два, три дня, на Корниловском празднике, Скоблин приставал к Папе что-бы он согласился вернуться к нам...на автомобиле генерала Ск. [...облина] Папа резко отказался. В день же похищения, Ск. [...облин] приехал предлагать папе его отвезти в Бельгию на тамошний праздник Корниловцев. Стал снова настаивать. Папа рассердился – а в это время, из соседней комнаты вышел солидный казак – (он был нашим соседом, и т. к. очень бедствовал, мы его «нанимали» иногда что-бы натирать полы). Пойма что папа не один, и что казак все слышал, генерал Ск. [...облин] сейчас же удалился; через окно папа его видел садящимся за руль...в компании двух мужчин. О всем этом, папа давал свидетельство, под присягой, на процессе Плевицкой. Документы сохранились. Хотел-ли ктонибудь похитить папу или нет, трудно решить.

Вот вышло длинное письмо. Ну до свиданья.

Сердечно Ваша Марина Деникина.

№ 9

30-мая 2000 года

Уважаемый Господин Махров!⁵³⁵

По просьбе Г. М. Ипполитова я пишу Вам мой «отзыв» о его автореферате докторской диссертации «Военная и политическая деятельность А. И. Деникина»⁵³⁶.

Моя глубокая любовь к отцу не мешала мне объективности и, если я не согласна с некоторыми его выводами (в самой диссертации) касающиеся характера Деникина, то выводы о политической и военной его деятельности нахожу правильными. А

⁵³⁵ **Махров Александр Михайлович** (1946 г. р.) кандидат исторических наук, профессор, ученый секретарь диссертационного совета по историческим наукам в Военном университете Минобороны РФ.

⁵³⁶ В моем личном архиве есть только копия данного письма. Подлинник приобщен к аттестационному делу соискателя ученой степени доктора исторических наук Г. М. Ипполитова в качестве отзыва на автореферат его докторской диссертации.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

тоже восхищаюсь его огромной научно-исследовательской работой, которая позволила ему осветить эту деятельность.

Искренно Ваша Марина Деникина.

№ 10

28.августа 2000 года

Милый Георгий Михайлович!

Во первых поздравляю за успех на защите диссертации – 14 на 14 «да»⁵³⁷ – здорово!

Стенограмму защиты я всю прочла и совершенно согласна с Вашими ответами на вопросы... Кроме одного: ответа на второй вопрос В. Н. Амбарова⁵³⁸ (стр. 4)

Кто такие М. Рейдель и советский писатель Л. Шейнин которые уверяют что мой отец «не только приютил но и прятал вместе с рацией у себя на квартире советского разведчика»?⁵³⁹ Я уверена что это правда, но самое важное это то что тогда Папа его считал самым верным другом и не в чем его не подозревал. Дело идет о полковнике П. В. Колтышеве.

Я Вам о нем не писала, но так как мне казалось что пора разоблачить советского агента и что это легче сделать в разговоре чем в письме, то я кое что рассказала на эту тему В. Черкасову когда он у меня был. Так как Вы его книгу читали (и заметили, правильно, много ошибок) то я прошу Вас перечислить некоторые

⁵³⁷ Имеются в виду итоги тайного голосования по итогам публичной защиты моей докторской диссертации («за» – 14, «против» – 0).

⁵³⁸ **Амбаров Виталий Николаевич** – кандидат исторических наук, профессор. В 2000 г. являлся членом диссертационного совета по историческим наукам в Военном университете Минобороны РФ.

⁵³⁹ Есть свидетельство белоэмигранта М. Рейделя (проживал в США), утверждающего, что русское эмигрантское общество, сформировавшееся в то время в США А. И. Деникина, по существу, не приняло. Американский белоэмигрант объясняет это тем, что А. И. Деникин, во-первых, «простолюдин, сын солдата, во-вторых, проиграл войну с большевиками» (Письмо из Америки // Родина (Москва). 1999. № 4. С. 31). Рейдель также утверждал, что советский писатель Л.Шейнин сообщил ему в 1960-х гг. о связях А. И. Деникина с советской разведкой в годы Второй мировой войны. Рейдель утверждает, что Антон Иванович якобы не только приютил, но и прятал вместе с рацией у себя на квартире советского разведчика (см.: там же).

страницы коссаящиеся моего с ним разговора. Хотя много он передает не точно, – это мне поможет выложить Вам вкратце мою «версию». Стр. 504-505, 528-529, 562-563.

На сколько я помню, Колтышев появился в нашей жизни года 2–3 после похищения ген. Кутепова. Мы тогда жили в Севре (под Парижем). По немногу он стал лучшим другом Папы. Я его не любила, мне было не приятно видеть как он страстно ухаживает за Мамой (Папа ничего не замечал), а когда он... как сказать?... «ручно» взялся за меня (мне тогда было 14–15 лет) то он мне стал противным. В конце концов рассказала Маме. Она возмутилась, но взяла с меня клятву что я ничего не скажу отцу «что-бы не разочаровывать его в лучшем и верном друге». Обещала сама поговорить с Колтышевым. П.В. оставил меня в покое.

К. продолжал у нас очень часто бывать и, когда мы эвакуировались в деревню Мимизан, он продолжал нас навещать из Парижа. Не помню где он ночевал, но когда наша «океанская зона» стала считаться немцами «запрещенной для приезжих из других областей», а П.В. умудрялся добираться до нас, то конечно он не мог ночевать в каком нибудь отеле и родители помещали его в своем доме.

Когда родители переехали на время в Париж и стали хлопотать о визах для переезда в Америку, я их видела только раза 2–3 в неделю, так как работала целый день в Радио и жила отдельно – Колтышева у них не встречала. Его видела только раз, на вокзале, где Папу провожала группа его бывших офицеров.

После отъезда родителей, я с сыном переселилась в ихнюю бывшую квартиру и меня стал навещать К [...олтышев] «узнавать какие у меня новости из Америки». Письма от родителей я аккуратно складывала в ящик моего письменного столика. Писала обыкновенно Мама об их «новой жизни»; Папа прилагал несколько строчек. Однажды — совершенно не помню в каком месяце 46-ого года – пришло письмо от Папы, даже адрес на конверте был написан его рукой (знала-ли Мама об этом письме?). Не могу цитировать содержание – поймете почему дальше. Но хорошо помню смысл: «Прошу Тебя сторонится Колтышева, ему никак не доверять». Это меня очень удивило, но в то время я была влюблена в своего будущего мужа и о другом мало думала. При-

шел П. В.⁵⁴⁰ Я к нему отнеслась более холодно чем обыкновенно. Когда он ушел, решила перечитать последнее Папино письмо, но его нигде не нашла. Оно исчезло! Больше К. [...олтышев] не приходил... Я его видела 2–3 раза, на Папиных «панихидах» в Соборе на Rue Daru. Позже кто-то известил меня о его смерти.

Много лет спустя, когда я поехала за Мамой в Нью-Йорк, Я ее спросила: «Когда и почему у Папы с Колтышевым «охладели отношения?» Она ответили: «О это еще во время его последнего визита в Мимизан. Папа его поймал когда он рылся в его «секретных бумагах». Ничего другого мне не сказала.

В конце 70-х годов, я занялась «разведкой» о похищениях Кутепова и Миллера. Справки от некоторых эмигрантов которые в данное время не решились поделиться с французской полицией некоторыми фактами (что-б не зачернить белую эмиграцию как сознавался известный доктор Зернов). Меня убедили что тот человек которого Кутепов должен был встретить на углу двух улиц и который его повел на место похищения был генерал Штейфон. Когда моя книга «Генерал умирает в полночь» вышла в свет, я получила озлобленное письмо от одного из сыновей ген. Врангеля: «Как Вы осмелились обвинять Штейфона, верного и лучшего друга моего отца?!». Я ему не ответила. Только недавно прочла в британской исторической прессе что когда были приоткрыты для журналистов некоторые документы Г.П.У. и Н.К.В.Д. – то ген. Штейфон в них фигурировал как ихний агент...

Штейфон... «лучший и верный друг Врангеля»... Колтышев... «лучший и верный друг Деникина»... Стала все вспоминать, и поняла!

Конечно прямых доказательств у меня нет, но я уверена, что не ошибаюсь. И задаю себе вопрос: когда и от куда Папа, уже в чем-то подозревавший Колтышева в Мимизане (не было ли это разочарование одной из причин решения покинуть Францию?) узнал что-то в Америке, и это толкнуло его написать мне «пропавшее письмо»? Встречал ли он М. Рейделя?

Может быть Вам удастся осветить эти вопросы.

Г. М. Ипполитов

Еще раз поздравляю Вас с успехом. Надеюсь дойду до почты что-бы послать это письмо заказным. Это будет моя первая «длинная» прогулка после операции.

Искренно Ваша Марина Деникина.

№ 11

Версаль 12 октября
2003

Уважаемый Георгий Михайлович!

Хотела прочесть Вашу книгу до конца⁵⁴¹ перед тем как Вас благодарить.

Кончила.

Мне кажется что современные историки живущие в России гораздо лучше понимают (и «воспринимают») нашу гражданскую войну чем эмигрантские или иностранные. Они более объективны, частью может быть потому что прошло уже много лет и, вместе с тем, она для них несколько... «нова».

Во всяком случае поздравляю Вас и Ваших двух ко-авторов.

Нет, я никакой исторический труд не затеяла. В почти 85 годов охота за документами слишком для меня была -бы утомительна, но с Россией и ее Историей остаюсь тесно связана. По-сылаю Вам мою фотографию снятую в прошлом году.

Мне звонили из Москвы что перевод на русский язык моей книги «Мой отец генерал Деникин» недавно был опубликован издательством Парад; но я еще не получила ни одного экземпляра⁵⁴².

Ну, желаю Вам масса успехов, и научных и личных!

Сердечно Ваша Марина Деникина.

⁵⁴¹ Имеется в виду написанная мною в соавторстве книга о некоторых аспектах истории Добровольческой армии (см.: *Ипполитов Г. М., Казаков В. Г., Рыбников В. В.* Белые волонтеры. Добровольческая армия: зарождение, расцвет и первые шаги к закату (1917 – февраль 1919 гг.). М.: Изд-во «Щит-М», 2003. 456 с.).

⁵⁴² См.: Грей Марина. Мой отец генерал Деникин. М., 2003.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

2. Стенограмма беседы профессора Г. М. Ипполитова с Мариной Антоновной Деникиной (Грей). Документ публикуется впервые // Клио. Журн. для ученых. 2010. № 3(50). С. 3–18.

Необходимые предварительные пояснения. *Имя дочери боевого русского генерала Антона Ивановича Деникина, яркой, диалектически противоречивой, трагической фигуры в истории государства Российского, Марины Антоновны Деникиной впервые стало известно относительно широкому кругу советской общественности в период перестройки. В 1990 г. журнал «Дружба народов» опубликовал небольшую журналистскую зарисовку М. Сага-теляна «У дочери генерала Деникина». Из нее читатель узнал некоторые подробности жизненного пути Марины Антоновны. Но в целом материал был посвящен не ей, а отцу⁵⁴³. В 1990 г., кроме того, журнал «Октябрь» поместил небольшой рассказ дочери генерала о том, как А. И. Деникин писал свои знаменитые «Очерки Русской Смуты»⁵⁴⁴.*

После распада СССР, особенно начиная с конца 1990-х гг., имя Марины Антоновны было на слуху⁵⁴⁵. Это вполне объяснимо в контексте радикальной смены политической, социально-экономической, духовной ситуации, сложившейся в России постсоветской, во-первых, и того исследовательского бума, что испытывала проблематика Белого движения, белой эмиграции, русского зарубежья, – во-вторых.

Жизнь Марины Антоновны – зеркальное отражение судьбы русских эмигрантов. Вернее, той их части, что увидели Россию первый и последний раз во младенчестве. Но, выбравшись из колыбели, они остались, вне зависимости от подданства, русскими. По силе духа, веры, надежды, любви.

Марина Антоновна Грей – человек уникальной судьбы. Восемьдесят с лишним лет, что прошли от появления на свет в Ека-

⁵⁴³ Сагатеян М. У дочери Деникина (штрихи к биографии А. И. Деникина) // Дружба народов. 1990. № 10. С. 216–219.

⁵⁴⁴ Деникина М. Как писались «Очерки Русской Смуты» // Октябрь. 1990. № 10. С. 57.

⁵⁴⁵ См., напр.: Марина Антоновна Деникина // Электронный ресурс: Режим доступа – <http://www.persona.myfi.ru/people/51289.html> – свободный. Загл. с экрана.

теринодаре до начала XXI в., были столь насыщены событиями, что хватило бы не на один роман. О перипетиях ее жизненного пути читатели «Клио» уже узнали ранее из опубликованной с ней беседы, которую я провел по поручению редколлегии, находясь у дочери генерала в гостях в Версале в 2004 г.⁵⁴⁶ Ей посвящена небольшая глава во втором издании моей книги – биографии А. И. Деникина, выпущенной в свет издательством «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей»⁵⁴⁷. Некоторую информацию можно также получить из опубликованных в «Клио» писем дочери вождя Белого дела, адресованных мне⁵⁴⁸. Поэтому осветим лишь конспективно основные вехи биографии Марины Антоновны.

Детство, отрочество, юность той, которая войдет в литературу под псевдонимом Марина Грей, автора 20 книг по истории России, было тяжелым. Не удивительно: Антон Иванович Деникин находился в вынужденном изгнании в состоянии перманентной бедности, зачастую граничившей с нищетой. Однако он смог обеспечить получение дочерью добротного гуманитарного образования, что ей очень помогло после Второй мировой войны утвердиться в мире журналистики, отличающейся жесткой конкурентной борьбой за место под солнцем.

Марина Антоновна работала сначала как журналистка, а затем стала продюсером, делала цикл передач, гостями которых являлись Эдит Пиаф, Жерар Филип, Франсуаза Саган. Как говорится, цвет французской культуры. Кроме того, она практиковала после войны поиск по телевидению и радио тех, кто потерялся во время нее. Тогда она стала хорошей знакомой Марка Шагала, имела рабочие контакты с Пабло Пикассо и Сальвадором Дали. Однако плодотворная работа талантливой журналистки на французском телевидении была прервана силовым путем: ее уволили по личному распоряжению президента Франции Ж. Помпиду. Такая жесткая реакция последовала в связи с тем, что во время пред-

⁵⁴⁶ Марина Грей. Интервью с дочерью генерала А. И. Деникина // Клио. 2005. № 4 (27).

⁵⁴⁷ Ипполитов Г. М. Деникин (Жизнь замеч. людей; Сер. Биограф.; Вып. 1090). 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 601–609.

⁵⁴⁸ Письма Марины Грей, дочери генерала А. И. Деникина, профессору Г. М. Ипполитову «...С Россией и ее историей остаюсь тесно связана» (сообщение, комментарии Г. М. Ипполитова) // Клио. 2008. № 1 (40). С. 20–25.

выборной борьбы Марина Антоновна являлась членом выборного штаба другого кандидата на пост президента Франции – Алена Поэра.

После этого дочь генерала вплотную занялась литературным творчеством. В 1968 г. вышла в свет ее первая книга «Белые армии». Она написала книгу, имея в виду, что тем самым увековечит память своего отца и его соратников. Успех был большой, так как вскоре последовал перевод книги на итальянский, испанский и английский языки. Она выдержала три издания. Последнее увидело свет в 2004 г. После «Белых армий» Марина Антоновна написала книгу «Ледяной поход», посвященную 1-му Кубанскому (Ледяному) походу Добровольческой армии. Итак, написано 20 книг. Сфера писательских интересов М. Грей – это, главным образом, российская история XIX – начала XX в. Правда, восемнадцатая книга посвящена трагической фигуре императора Павла I.

В апреле 2005 г. указом президента РФ Марине Деникиной было предоставлено российское гражданство. Как сказала тогда Марина Антоновна в интервью РИА «Новости», она «родилась русской и счастлива, что умрет тоже русской»⁵⁴⁹.

Последнее крупное дело Марины Антоновны в земной жизни – активное участие в организации перезахоронения праха отца в родной земле (лето – осень 2005).

Марина Антоновна скончалась 15 ноября 2005 г.

В послании, которое распространила после ее смерти пресс-служба главы Российского государства, в частности, говорится: «Она была настоящим патриотом России и все годы жизни хранила любовь и верность своей Родине. Марина Антоновна многое сделала для развития и популяризации русской культуры и истории. Во многом благодаря ее заботе и вниманию в нашу страну вернулись уникальные архивные документы, бесценные реликвии и раритеты».

«Светлая память о Марине Антоновне Деникиной навсегда останется в сердцах всех, кто знал и уважал ее»⁵⁵⁰, – подчеркнул президент РФ В. В. Путин.

⁵⁴⁹ РИА «Новости» // Электронный ресурс: Режим доступа – <http://www.rian.ru/society/20051118/42137887.html> – свободный. Загл. с экрана.

⁵⁵⁰ Там же.

В 2004 г. состоялась первая и, увы, последняя моя встреча с Мариной Антоновной во Франции, в Версале. Дальнейшее общение шло, главным образом, по телефону. У меня от этой встречи сохранилась диктофонная запись шести часов бесед (два дня по три часа) с дочерью боевого русского генерала (на их основе сделана стенограмма). В ней имеются оригинальные, противоречивые данные, смелые гипотезы и предположения. Многие из них, имеющие отношение к современности, звучат бездоказательно. Поэтому, несмотря на разрешение Марины Антоновны, я долгое время не решался подготовить беседы к изданию. Но теперь Марины Антоновны с нами нет (вечная ей память!), и никакие судебные разборательства ей не грозят. А она их опасалась, понимая бездоказательность некоторых ее утверждений. Поэтому я решил предложить главному редактору «Клио» доктору исторических наук, профессору Сергею Николаевичу Полтораку опубликовать эту стенограмму. Спасибо ему, что согласился!

При расшифровке записи и переводу их в форму стенограммы сохранен весь колорит и стиль речи дочери вождя Белого дела. Надеюсь, что читатель не станет придираться к тавтологиям, некоторым алогизмам, искаженным словам (если строго подходить к ним с канонов литературного русского языка), а станет восхищаться тем, как смогла эта уникальная русская женщина сохранить за почти 85 лет жизни на чужбине все богатство русского языка, которым она, не станет преувеличением сказать, блестяще владела. По крайней мере, для русского человека, прожившего всю жизнь на чужбине.

СТЕНОГРАММА

Г. М. Ипполитов (далее Г. И.): Марина Антоновна, как Ваша фамилия? Дело в том, что в российских СМИ есть варианты: Деникина, Деникина-Грей. Просто Грей.

Марина Антоновна Грей (далее М. Д.): Я Марина Грей. Официально это на паспорте записано. Это мой официальный псевдоним⁵⁵¹. Им я подписала, я хочу Вам показать, свою первую книгу. Это «Белые армии». Она вышла на французском, переведена на испанский, итальянский. Вы держите – это первое издательство⁵⁵², затем второе издательство, и вот только несколько недель назад мне дали третье издательство. Она вышла вначале в 1961 г., потом в 1968 г.

Г. И.: Я знаю из российской прессы, что Вы написали всего 20 книг по истории. Сколько Вы действительно написали?

М. Д.: Ой, сейчас я Вам принесу последнюю книгу, там написаны все мои книги. Вот. Значит «Ледяной поход», потом о Французской революции я несколько книг написала. Потом, значит, «Мой отец...».

Г. И.: «Мой отец генерал Деникин»?

М. Д.: Да. Затем «Людовик XVII», затем еще о Французской революции, затем «Белые армии», затем мамин дневник во время оккупации⁵⁵³. Затем написала три романа, э... о русских беженцах. Начинается в России «Софья», затем «Люба» – это уже во Франции и Англии, и последнее в старческом доме, это последний роман. Затем, значит, э...

Г. И.: «Генералы погибают в полночь»?

М. Д.: Да. Вы понимаете? Это похищение Кутепова, э...

Г. И.: Кутепова и Миллера?

М. Д.: Вы понимаете... Это написано по полицейским протоколам ... Это Вы знаете, как трудно искать...

⁵⁵¹ См.: *Грей Марина*. Мой отец генерал Деникин. М., 2003.

⁵⁵² Имеется в виду издание. – Г. И.

⁵⁵³ Марина Антоновна показала эту книгу мне. В ней ее комментарий, составление. Одним словом, источниковедческая обработка. – Г. И.

Г. И.: Знаю.

М. Д.: Это нужно в полиции искать, всюду.

Г. И.: Так материалы еще и не дают, да?

М. Д.: Да, французские документы, полицейские давали трудно. Затем написала маленький роман о телевидении, где я работала, затем маленький роман о радио, где я также работала. Затем, это мне заказали Романовы⁵⁵⁴, «династия Романовых», и потом «Кто убил Распутина?», это мне очень помогли, э... Мироненко, э...

Г. И.: Директор Государственного архива Российской Федерации?

М. Д.: Да. Очень он много мне прислал⁵⁵⁵. Это по телевидению шло. Затем последний вышел, это «Павел I».

Г. И.: Марина Антоновна! О Вашей работе на телевидении.

М. Д.: Что?

Г. И.: Как Вы работали на телевидении после войны?

М. Д.: Сначала журналисткой, а потом как продюсер. У меня были свои идеи, э... не знаю, некоторые были очень популярны... Я получала много писем, так как говорила: можете мне писать, если хотите найти того, кто играл большую роль в вашей жизни и которого вы потеряли во время войны. Один раз меня женщина попросила найти ее мать, так как она не знала, кто была ее мать. Это было трудно, ее найти, но нашла. А сколько я потом писем получала от тех, кто потерялся во время войны! Вот такие я вела передачи. А первая передача была игра полутуристическая⁵⁵⁶... Две таких у меня было передачи...

Г. И.: Вы встречались с Пабло Пикассо?

М. Д.: Да...

Г. И.: Расскажите о великих людях, с кем Вы встречались, с кем Вы дружили...

М. Д.: Ну, с Пабло Пикассо я без телевидения... Меня привел к нему один швейцарец, который издавал артистические

⁵⁵⁴ Имеются в виду представители дома Романовых за рубежом. – Г. И.

⁵⁵⁵ Видимо, документов и материалов. – Г. И.

⁵⁵⁶ Как следует из контекста, это была своего рода развлекательная викторина по туризму. – Г. И.

книги. И, значит, мой бывший муж, он работал с ним, мы подружались. И когда я рассталась с мужем, была все равно дружна очень с этим редактором, и, значит, он издавал свои книги, шикарные книги, э... в Америке и всюду, и, значит, он приютил семью Пикассо, сына легального Колю, э... его мать была русская, это первая жена Пикассо, и, значит, когда началась война, последняя война, он приютил в Швейцарии сына Пикассо, затем Пикассо расстался со своим сыном он женился, у него дочь, Марина, я ее видела такой маленькой, э... и, значит, редактор обещал нас повезти, он жил на юге, далеко от того места, где в то время жил Пикассо. Я работала на радио и поехала на два дня, чтобы встретиться с Пикассо, потому что я интересовалась Пикассо. В то время на радио я была критиком искусства. Журналисткой, в общем, и критиком искусства. Мы встретились с Пикассо. Он нам показал нам все свое ателье. Он в то время работал, у него была выставка в Париже. И, значит, что меня удивило, что мы были только вдвоем. Его сын даже не вошел. Мы были вдвоем с этим швейцарцем, и, значит, он нам показывал каждую свою картину, даже незаконченные еще. И каждый раз он на меня смотрел, будто он боялся, что мне не понравится (смеется). Я ведь была маленький критик, а Пикассо, вообще...

Г. И.: Интересно...

М. Д.: Это меня удивило... Когда мы вышли, он узнал, э... не знаю, почему, видно швейцарец ему сказал, что я хорошо знакома с Шагалом, я у него проводила уикенды, с ним я была хорошо знакома. И тогда Шагал токо что женился второй раз, и, значит, он (Пикассо. – Г. И.) меня спрашивает: «Это правда, что он женился на своей кухарке?» А я ему (Пикассо. – Г. И.): «Нет, это совершенно не так! Я ее хорошо знаю, она совершенно не кухарка, она жила в Англии, приехала во Францию, он (Шагал. – Г. И.) на ней женился. Так что, Пикассо ненавидел Шагала. По-видимому, э... не знаю, как Шагал относился к Пикассо, я у него никогда не спрашивала, особенно он о нем (Пикассо. – Г. И.) мне не говорил.

Г. И.: А Сальвадор Дали?

М. Д.: Что?

Г. И.: Сальвадор Дали?

М. Д.: Что, простите?

Г. И.: Сальвадор Дали, Вы с ним знакомы были?

М. Д.: Сальвадор Дали, да... Ну это, э... я его часто сначала видела, когда была журналистской на телевидении, для интервью. Когда он приезжал во Францию, я брала интервью. И вдруг, э... мне один издатель, спросил меня, хочу ли я написать биографию Дали? Я говорю: «Да!» Он приготовил контракт и сказал, что можно, э... если я его уговорю (Дали. – Г. И.), то ему заплатят в два раза больше. Значит, он приготовил мне контракт, я поехала в Кадакес (Испания. – Г. И.), где жил Дали. Значит, позвонила в дверь, э... вышла какая-то очень неприветливая дама и сказала, что он (Дали. – Г. И.) в Мадриде, что его нет. Я не совсем поверила, а в том отеле, где я остановилась, рядом с его (Дали. – Г. И.) усадьбой, в том отеле, значит, была терраса и на этой террасе, э... люди завтракали. Я, значит, э... завтракаю на следующий день и вижу, что в парке идет Дали. Ну, так как я знала более или менее его характер уже по многим интервью, я взяла визитную карточку моего мужа, мой последний муж был князем, Кьяпп⁵⁵⁷. И он мне сделал нарочно визитные карточки. Они были со мной. Я решила их дать Дали, так как он был очень большой сноб. Я позвонила, эта дама вышла и сказала снова, что его нет. Я сказала, что он вернулся, потому что я его видела. Вот моя визитная карточка. Пожалуйста, передайте ему. «Он Вас не примет!» – сказала она. Я: «Возьмите мою визитную карточку и передайте ему». Значит, она ушла, закрыла ворота за собой, чтобы я не зашла. Через три минуты приходит и говорит: «Пожалуйста, войдите» (смеется). Марину Грей, хотя он (Дали. – Г. И.) меня немножко знал, не знаю, помнил ли он мою фамилию, но вообще он меня не принял бы. Но он выходит и значит, говорит: «Вы не Кьяпп. Я Вас уже видел несколько раз...» Я говорю: «Да, я журналистка. Мой псевдоним Марина Грей. Мы виделись с Вами несколько раз в Париже. Но я подумала, что это мой муж, граф Кьяпп, я думала, что Вы меня лучше примете». Он начал смеяться: «Вы играете с моим снобизмом». Я говорю: «Да, потому что

⁵⁵⁷ Марина Антоновна сказала неправильно. Ее третий муж – знаменитый французский историк граф Жан-Франсуа де Кьяпп. – Г. И.

мне обязательно надо было Вас встретить по делам». Он говорит: «Ну, тогда пойдем в мой кабинет». Его кабинет – ни одной, ни одной картины, ничего, ничего такого. По-видимому, во всем доме безделушки всякие, но тут в кабинете ничего... Его стол и маленькое совсем бюро и масса книг. Ну, э... я ему начинаю говорить о биографии, показываю, контракт. Он: «Нет!» Я: «Знаете, если денег недостаточно⁵⁵⁸, то...». Он: «Нет, не могу! Все равно! Потому что я давно подписал, только один издатель может издавать книги обо мне, так что невозможно!»

Г. И.: Интересно!

М. Д.: Конечно, я понурилась, он посмеялся, очень, очень мило, начал разговаривать о всем. А я его спросила: «Почему Вы пишете, говорите, убеждаете людей, что центр мира находится на вокзале города Перпеньо?». Это... Он (Дали. – Г. И.) много об этом говорил. Он посмеялся и говорит: «Потому что это правда! Не думайте, меня принимают за сумасшедшего, но я очень рад и даже поддерживаю это мнение, но тут я Вам покажу». Он начал рыться в книгах, у него серьезные книги... Он начал показывать какие-то рисунки, тут я ничего не понимаю. Он говорит: «Центр Земли находится на месте вокзала города Перпеньо». Но это было совершенно серьезно, столько книг и столько рисунков мне показывал... Конечно, убедиться я не могла, потому что я не понимала, как можно найти центр Земли. Вообще... (смеется). Значит, потом он проводил меня до ворот, поцеловал руку... Так что, было⁵⁵⁹ ... И мне сказал, что этот вокзал такой некрасивый (смеется).

Г. И.: (со смехом) Остался при своем мнении...

М. Д.: С тех пор я его (Дали. – Г. И.) не видела. Так что, не написала биографию...

Г. И.: В политике Вы были в партии Шарля де Голля?

М. Д.: Я в другой никакой партии не была, и даже в этой партии у меня не было, что называют, э... карточки. Я поступила туда только потому, что в это время я была без работы. Э... значит, муж хорошо знал одного человека, который был близок

Речь идет о вознаграждении Дали. – Г. И.
Марина Антоновна не закончила фразу. – Г. И.

к этой партии. Это второй муж. Было три. Первый не считается (смеется). Последний – ну, сорок лет жили... Значит, э... мой второй муж, сначала э... был шефом информации, э... значит, на радио после ухода немцев, потом он подал в отставку, э... потому что его главный директор, который был его большим другом, его удалили. И он (второй муж. – Г. И.), значит, решил подать в отставку. А так как я в то время была его секретаршей (смеется), я с ним так познакомилась, со вторым мужем, когда я поступила работать в радио, значит, я сейчас же подала в отставку, и начала делать всякие переводы для того издателя, который потом меня попозже потом, э... попросил написать биографию Дали. Значит, переводила я не с русского, а с английского на французский, так как я хорошо говорила, я два с половиной года прожила в Англии...

Г. И.: Гувернанткой...

М. Д.: Я так полюбила тех людей, у которых я жила. Фамилия их была Грей. Так что, когда я поступила в радио и нужно было, э... я тогда разводилась с первым мужем, э... они (на радио. – Г. И.) решили, что Марина Деникина – это слишком длинное, нужно что-нибудь короче. Я выбрала Грей (смеется). Вот так и осталось.

Г. И.: А вот, когда Советский Союз еще был, Вы могли в Советский Союз приехать? Вас не приглашали?

М. Д.: Я раз приехала при Брежневке еще. Меня пригласили через знаменитый во Франции (название неразборчиво. – Г. И.). Они устраивают, э... это по-русски сказать, ну, э... на пароходах...

Г. И.: А, круизы?

М. Д.: Вот. И меня пригласили, чтоб я на пароходе делала доклады. Меня еще два раза приглашали. Это последний раз я поехала в Петербург в Балтийском море, а оттуда меня пригласили по Черному морю. Я сказала: «С удовольствием». Так как я много докладов делала во Франции или на пароходе. Но не могу. Они спросили: «Почему?» Я сказала: «Потому что я никогда не попрошу визу в Советский Союз. А они мне говорят: «Вам визы не нужны, если Вы только выходите на дневные экскурсии, но на день, а не на ночь, отберут у Вас французский паспорт, когда Вы выходите с корабля и отдадут, когда возвращается. Можно

без визы». И, значит, я была в Одессе, Ялте, Сочи, Сухуми. Ну, значит, конечно, двухдневные экскурсии, это, э... невозможно было... Ну, а потом я уже поехала с визой. Это во время Ельцина с визой поехала я в вояж. Это был Петербург и Москва. Это я платила, меня не приглашали. Так что, э... в Москве у меня был хороший знакомый, который ко мне несколько раз приезжал. Может быть, слышали о нем, академик Бонгард-Левин.

Г. И.: Да, конечно, знаю этого крупного ученого по его книгам.

М. Д.: По книгам. Понятно. Он у меня был месяца два тому назад. И он мне все показал в Кремле, потому что начальницей или заведующей, не знаю, как ее назвать, была его подруга по университету. Поэтому мне показали все, что никому не показывают: зал, где сидели депутаты во время, и Георгиевский зал, и замок Ивана Грозного⁵⁶⁰, так что я все видела в Москве. Значит, когда все окончилось, они оба, начальница и Левин, меня спрашивают: «Ну, Вы довольны, Вы все видели?». – «Я бы хотела, – говорю, – посмотреть Мавзолей Ленина». Бонгард-Левин: «Дочь генерала Деникина хочет...» Ну, я посмеялась. Ну, говорю: «Все-таки интересно!» Значит, начальница сказала: «12 с половиной. Значит, закрыт. Ну, подождите, я позвоню». Она позвонила по телефону, не знаю, кому, и сказали ей, что мы, значит, Бонгард-Левин и я можем приехать или придти, уж было недалеко, но, кажется, мы на автомобиле ехали по Красной площади. Во всяком случае, значит, там солдаты ходят.

Г. И.: Это охрана.

М. Д.: (с улыбкой) И, значит, открывается дверь, кто-то выходит, говорит им (охране. – Г. И.): «Пропустите». Мы, значит, вдвоем пошли, и я увидела Ленина. Вот (смеется).

Г. И.: Дочь генерала Деникина! (со смехом) Интересно!

М. Д.: А последний раз я была только в Петербурге. Этот раз я была с сыном⁵⁶¹, потому что этот раз меня пригласили снова на круиз. Было лишнее место. Я должна была делать три до-

⁵⁶⁰ Марина Антоновна, скорее всего, имела в виду собор Василия Блаженного. – Г. И.

⁵⁶¹ Мишель Будэ – сын Марины Антоновны. – Г. И.

клада в море. И, значит, мы в Копенгагене, Стокгольме были и два дня, три дня, не помню, – в Петербурге. Это последний раз, но это с сыном. Там есть масса снимок⁵⁶² (фотографий. – *Г. И.*), потому что один мой друг, который в Париже был корреспондент «Известий», Юрий Коваленко⁵⁶³, потом он писал в «Новых известиях», а теперь, с тех пор как «Новых известий» нет, он пишет, я не помню, газета «Московский...», что-то не знаю...

Г. И.: Комсомолец?

М. Д.: Вот. И он предупредил своих друзей, что вот, значит, мы с сыном приезжаем. И это был кинематографный Леонтьев, он помер, бедный, с тех пор, значит, он приехал из Москвы, с аппаратами, значит, он нас с сыном возил, так что такси не нужно было брать. Он нас возил, значит, в Петропавловскую крепость. Не знаю, вышел ли тогда фильм или нет, он скоро после этого умер. И, значит, он (Леонтьев. – *Г. И.*) тоже водил меня, я уже тогда думала писать о Распутине, и мы посмотрели весь дворец Юсупова. Все эти фигуры... Во всяком случае, это меня не особенно вдохновило, но я начала писать о Распутине.

Г. И.: А с президентом Путиным Вы встречались?

М. Д.: С президентом Путиным я виделась дважды. Первый раз, я не помню, в котором году, но у меня это записано. После этого я все числа записала, у меня целое досье. С ним был посол. Вообще я часто была приглашена в посольство, но так особенно не была знакома с этим послом, так что не помню его фамилии. И вот я получила приглашение, чтоб встретить Путина в его резиденции. Ну, это было довольно много народу. Э... он (Путин. – *Г. И.*) хотел встретить немножко с русской эмиграцией. Значит, меня представили Путину. И было только русское телевидение, французское не пускали никого. И, значит, он говорит: «Правда, Вы дочь генерала Деникина?» «Да! – говорю. – И так как отец всю жизнь боролся за великую, единую, неделимую Россию, хотя неделимая пока что отпадает, я надеюсь, что Вы, рус-

⁵⁶² Здесь и далее по тексту встречающиеся неправильные формы слов – не ошибка: так говорила Марина Антоновна. – *Г. И.*

⁵⁶³ Коваленко Ю. Москва – Париж. Профили и силуэты. Очерки о русской эмиграции. М., 1991. Речь шла о нем. – *Г. И.*

ский патриот, можете воскресить великую, единую Россию». Путин пожал мне руку. Сейчас же телевидение увязалось за мной, а потом мне, значит, родственница, мамина родственница, довольно удаленная родственница, мы с ней виделись, немножко переписывались, она мне написала, что она видела наш разговор по телевидению. Это первый раз. А второй раз, я уже по-другому буду Вам рассказывать. Дата Вам не важна. Где-то записана.

Г. И.: Не надо даты, говорите.

М. Д.: Во всяком случае, уже до смерти моего мужа, он умер в конце 2001 г., я начала получать заказные письма от Общества, э... как это, ... я вдруг иногда русские слова забываю... от, э... русское дворянство.

Г. И.: Российское дворянское собрание...

М. Д.: И они сказали, что хотят построить часовню, так как они землю взяли, где был расстрелян Колчак, затем, значит, останки Врангеля и моего отца, всех захоронить. Сначала я ответила, что мой отец совершенно не был бы доволен быть в часовне рядом с Врангелем. Они написали, что это неважно, и это длилось почти год, они мне писали. И, значит, сказали, что они ускоренно собирают деньги. Они мне прислали картину, какая будет часовня и так далее. Мне надоели они до того, что я им не отвечала. Но в газетах, через Юрия Коваленко, я иногда получала русские газеты, подхватили, что дело идет к перезахоронению генерала Деникина и так далее. Это предисловие. Значит, тут это начинается 1 января 2003 года, телефон из Москвы, мне часто телевидение, журналисты, э... для интервью звонят. Я насчитала двадцать одно телевидение.

Г. И.: Ух, ты! Двадцать одно!

М. Д.: Я никогда не отказываю, когда русские звонят из России, просили можно ли меня видеть... Ну, вот, значит, звонит мне из Москвы Виктор Иванович, фамилию не говорит. «Я очень хотел попросить у Вас аудиенцию». Первый раз такое. Слушайте, я даже так удивилась, что не спросила, почему? А он «Я должен в будущую пятницу приехать в Париж. Можно ли Вас видеть?» Я говорю: «Конечно». Он: «У меня есть Ваш адрес, телефон. В котором часу можно придти?» Говорю: «В три часа после обеда». Ну, думаю, какой-то журналист. Ну, и все. Значит, в три часа он

звонит. Тогда я еще не смотрела в окно, кто приходит. Сейчас, я в окно всегда смотрю. Значит, входит и мне дает свою визитную карточку – Деникин Виктор Иванович. Ничего не говорит.

Г. И.: Знаю. Он всем в России интервью дает, что является чуть ли не сыном Антона Ивановича. Лжет ведь!

М. Д.: Это начало моих историй. Он говорит, что его прадед был братом моего деда. Я ему говорю, что об этом я писала, но тогда еще мою книгу не переводили⁵⁶⁴. Спрашиваю: «Вы читали «Путь русского офицера»?⁵⁶⁵ Он в ответ: «Да, конечно!» Я ему: «Ну, расскажите мне тогда о Вашем предке». Он: «Я его никогда не видел, это было так давно, все семейные архивы уничтожили». Он (В. И. Деникин. – Г. И.) был с переводчиком, фамилия его Рыжков. Не Рыжков депутат, а другой, у меня его визитная карточка. И, кстати, рыжий (смеется). «Значит, можно видеть Вашего сына, – говорит он, – у Вас же сын есть?» Я: «Да, есть!» Он: «Я так хотел его встретить, у Вас есть внучки, я знаю!» Говорю: «Да, можете им позвонить...» Я сама звоню. Рыжков по-французски понимает, он (В. И. Деникин. – Г. И.) как будто бы не понимает. Я говорю по телефону: «Слушай, вдруг появился наш родственник. Пожалуйста, если можно, приезжайте поскорее». Ну, сын и внучки приехали, разговаривали с Рыжковым..., и, э... и, значит, э... забыла сказать, что привез массу подарков (В. И. Деникин. – Г. И.). Ну, э... я говорю: «Слушайте, уже поздно, сыну нужно уходить, внучкам тоже». Он говорит: «Можно к Вам приехать завтра? А потом, будет ли сын на ужин?»⁵⁶⁶ Сын заказывает ужин в ресторане на раз, два, три, четыре, пять, на шесть человек. Я ему говорю (сыну. – Г. И.), что ты приглашаешь. Выпили порядочно, перед тем встретились тут, и, значит, он спрашивает у сына: «Паспорт Ваш при Вас?» Сын говорит: «Да!» Он носит его с собой. Он спрашивает: «А у внучек есть паспорт с собой?» Ну, у внучек паспорта не оказалась. «А у Вас?» – он спра-

⁵⁶⁴ Имеется в виду: *Грей Марина*. Мой отец генерал Деникин. М., 2003. Это первый перевод книги Марины Антоновны о своем отце, изданной во Франции (см.: *Grey M.* Mon pere le general Denikine. Paris, 1985).

⁵⁶⁵ Имеется в виду: *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 1990 (впервые издана в 1953 г. в Нью-Йорке. – Г. И.)

⁵⁶⁶ Здесь мысли обрывочные. – Г. И.

шивает. А для чего все это? Он: «Это чтоб послать Вам даровые билеты, чтоб Вы приехали все в Москву». Конечно, удивление... «Да, да, да, я Вас приглашаю, я Вам представлю моего не внука, а, как его... родственника...».

И, значит, мы идем ужинать. Он мне говорит: «Знаете, мои оба родителя, я должен Вам сказать, всю жизнь работали в КГБ». Ага (со смехом) Путин тоже. Я ему говорю: «Под какой фамилией? Под нашей фамилией? Слушайте, это невозможно, чтобы Деникины работали в КГБ. Их бы не приняли». А он: «Я Вам говорю, увидите в Москве». А затем он говорит: «Вы не опасались Колтышева?» Я говорю, что лично всегда его опасалась, папа только к концу жизни стал его опасаться. Он (В. И. Деникин. – Г. И.) сказал, что работал в архивах с перепиской заграничной моего отца⁵⁶⁷. А я давно подозревала Колтышева⁵⁶⁸.

Ну, значит, уже около полночи, ресторан собирался закрыться, и сын предлагает Рыжкову отвести его и Деникина в Париж в своем автомобиле. Они соглашаются, внучки со мной уходят. На следующий день я звоню сыну. Спрашиваю, что он думает обо всем этом. А он в ответ: «Почему ты меня об этом спрашиваешь?» Я говорю: «Что-то мне не нравится». Он: «Мне тоже». Я: «А почему?» – «Во-первых, – он мне говорит, – догадайся, куда их подвез?» Я: «Что гадать, скажи!» Сын: «Хотел их остановить перед каким-нибудь отелем или у дома, если они жили у друзей. Они настояли, чтобы я остановил их под Эйфелевой башней. По-видимому, этот Деникин не хотел, чтобы мы знали, где они остановились». Я говорю: «Да!» А затем сын говорит: «Слушай, чтобы они купили билеты для четырех нас в Москву, все эти подарки, очень дорого. Это мне не нравится». «Мне тоже», – говорю сыну. Ну, я потом позвонила моему другу Юрию Коваленко, он сказал, что никогда подобного не слышал ничего, что все это кажется странным. Несколько дней после этого мне звонят из Москвы из «Совершенно секретно», знаете, была такая передача.

⁵⁶⁷ Мысль незавершенная. – Г. И.

⁵⁶⁸ Об этом подробно см.: Письма Марины Грей, дочери генерала А. И. Деникина, профессору Г. М. Ипполитову «...С Россией и ее историей остаюсь тесно связана» (сост., коммент. Г. М. Ипполитова) // Клио. 2008. № 1 (40). С. 20–25; *Ипполитов Г. М.* Деникин. Изд. второе, доп. (серия ЖЗЛ). М., 2006.

Г. И.: Конечно, знаю.

М. Д.: Мне звонит Катя, фамилия где-то у меня записана. И она говорит, что это Юрий Коваленко дал мне Ваш телефон. Просится приехать. Я говорю: «Ну, конечно». Приезжает ночью, очень симпатичная, мы с ней разговариваем. Я ей рассказываю, спрашиваю: «Вы знакомы с этим Деникиным. Все-таки он занимал довольно важную должность?» – «Нет», – она говорит. Я ей рассказываю, что он мне очень не нравится. Он мне еще факсом прислал свою статью. Можете ее себе взять.

Г. И.: У меня она есть. Мне ее прислал мой друг профессор Полторака.

М. Д.: Значит, он занимал высокую должность⁵⁶⁹, которую указал на визитной карточке. Катя из «Совершенно секретно» была у меня два дня. В понедельник мне звонит Виктор Иванович (В. И. Деникин. – Г. И.) и говорит: «Я хотел Вас спросить, не утомили ли Вас ваши гости в субботу?» Я: «Какие гости?» Он: «Что, у Вас не были русские гости?» Я: «Да, было телевидение... все нормально, очень милые люди». Он: «Какое телевидение?» Я говорю: «Не знаю».

⁵⁶⁹ Деникин Виктор Иванович – председатель Государственного комитета РФ по молодежной политике (1999–2000); родился 19 мая 1952 г. в г. При-озерске Ленинградской области; окончил Ленинградскую мореходную школу в 1970 г., Ленинградское высшее командное училище, Военно-политическую академию; работал на судах дальнего плавания; служил в Вооруженных Силах; вышел в отставку с военной службы в звании подполковника; 1996–1998 – председатель Комитета по делам молодежи и туризма Администрации Ленинградской области; с октября 1998 г. – председатель Государственного комитета РФ по делам молодежи, с июня 1999 г. – Госкомитета по молодежной политике; был освобожден от должности председателя Госкомитета в августе 2000 г. в связи с упразднением этого ведомства в ходе реорганизации структуры федеральных органов исполнительной власти; награжден орденом Красной Звезды за участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г. (см. : Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/19630/%D0%94%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BD – Загл. с экрана). Заместитель полномочного представителя президента РФ в Центральном федеральном округе (ЦФО) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <http://viperson.ru/wind.php?ID=2120> – Загл. с экрана). Такие данные я собрал об этой персоналии, фигурирующей в стенограмме. На полноту сведений не претендую. – Г. И.

Г. И.: Их сейчас много телекомпаний в России.

М. Д.: «А кто был журналист, который Вас интервьюировал? – говорит он (В. И. Деникин. – Г. И.). Я забыла сказать: «Какое Вам дело?» А сказала: «Знаете, у меня так много русских в гостях... И я не имею понятия, я не спросила фамилию...». Я начала врать (смеется), потому что мне очень не понравилось. «Ну, я Вам желаю всего хорошего, до свиданья».

Катя (журналистка из «Совершенно секретно». – Г. И.) посылает мне факс, нет, она мне звонит из Москвы и говорит: «Вы, значит, дали адрес и мою фамилию Виктору Ивановичу Деникину?» – «Никогда в жизни, – отвечаю. – Он мне звонил, я сказала, что даже не знаю никакого телевидение». Катя: «А он до меня добрался и мне позвонил домой и начал опрашивать о Вас... Я его спросила, – она мне говорит, – ну, слушайте, Вы же ее видели недавно?» Он: «Да, недавно». «Почему же тогда Вы, зная, что она (Марина Антоновна. – Г. И.) существует, почему Вы к ней не поехали раньше?» Знаете, что он (В. И. Деникин. – Г. И.) мне ответил? «У меня не было достаточно денег...» Я (журналистка) ему сказала: «Знаете, что телефон, марки⁵⁷⁰ Вас бы не разорили...». Он (В. И. Деникин. – Г. И.) мне сказал: «Перестаньте со мной так разговаривать. Придите ко мне, тогда поговорим. Она (журналистка. – Г. И.) мне (Марине Антоновне. – Г. И.) говорит: «Я, конечно, не пойду, но я хотела Вас предупредить».

...Этот посол⁵⁷¹ решил, что тут что-то совсем неладно. Через недели две он звонит и, значит, говорит, э...: «Слушайте, нужно обязательно, я был в Дворянском собрании⁵⁷², нужно обязательно ускорить перезахоронение Вашего отца. У меня идея: напишите, пожалуйста, Путину. Лично, напишите, что Вы считаете, что пора перевезти Вашего отца⁵⁷³ и так далее... Пожалуйста, напишите поскорее». Такого-то пять дней после, не помню, какая

⁵⁷⁰ Имеются в виду почтовые марки, наклеиваемые на конверт при отправке почтой письменной корреспонденции. – Г. И.

⁵⁷¹ Имеется в виду В. И. Деникин. – Г. И.

⁵⁷² Имеется в виду общественная организация «Дворянское собрание России». – Г. И.

⁵⁷³ Имеются в виду останки генерала А. И. Деникина. – Г. И.

это дата, у меня все записаны даты, мне он звонит и говорит, что придет один его знакомый, возьмет мое письмо, передаст его мне, и я вручу его Путину. Я думаю, почему не написать. У меня где-то есть черновик... э... я пишу: «Уважаемый Владимир Владимирович». Мне Юрий Коваленко говорил, что так к нему обращаются...

Г. И.: Да!

М. Д.: Значит, не «президент»?

Г. И.: Нет, нет!!!

М. Д.: Значит, «Уважаемый Владимир Владимирович, по настоянию Вашего близкого сотрудника Виктора Ивановича Деникина я Вам пишу только, чтоб Вас уведомить, что, по-видимому, в Москве развивается кампания о перенесении праха моего отца. Уважающая Вас Марина Деникина». Ничего не просила. Я вообще никогда ничего не просила о перенесении. Ну, господин приходит, очень милый, э... в подарок приносит мне черный хлеб из Москвы, букет цветов, значит, я ему даю это письмо и говорю: «Скажите Виктору Ивановичу, если ему не понравится, другого я никогда не напишу». Мы пьем виски, не шампанское... Очень милый, видимо, господин, ну, он уходит... Через две недели мне звонит Виктор Иванович. А, да, перед этим у меня было другое телевидение, не помню какое, и, значит, меня спрашивали, и, значит, э... меня спросили, что я думаю о Викторе Ивановиче. Я говорю: «Слушайте, он мне часто звонит. Могу Вам только сказать, что он не может ни в каком случае быть моим родственником...».

Значит, дней десять после этого звонит из Москвы Виктор Иванович, говорит: «Мне обязательно нужно Вас видеть!» Я приезжаю в следующую субботу. Можете ли Вы меня принять?» А мы с сыном уже размышляли. Сын мне говорит: «Может быть, он мечтает стать мэром Санкт-Петербурга? И его очень не устраивает, говорит сын, что ты утверждаешь, что он (В. И. Деникин. – Г. И.) не твой родственник». Я: «А почему ты думаешь, что он (В. И. Деникин. – Г. И.) хотел, чтобы мы вчетвером, вся оставшаяся семья, э... Деникина, поехала к нему в Москву? Может, он хочет заставить нас знать его родственников?» А так как мы отказались,

я по телефону ему (В. И. Деникину. – Г. И.) звонила, что мы не можем приехать, я решила, что он так хочет меня видеть, что это может быть похищение. Я вызвала сестру моего мужа, с которой мы очень дружим, я вызвала двух русских знакомых, которые живут недалеко. Э... значит, она, э... была докторшей в Минске. И только когда после конца советского режима она приехала во Францию, встретила сына моей подруги детства, они влюбились, и я была на их свадьбе, э... ее свидетелем. Значит, я им объяснила все, сказала, что, наверное, он (В. И. Деникин. – Г. И.) подумает, что Вы дочь эмигранта двадцатых годов, не говорите, что Вы жили в Минске и постарайтесь, так как я плохо слышу, его расспросить о его предках и так далее. И я еще пригласила одного старого знакомого, генерала в отставке, он не старый, он в отставке, который работал во французской разведке, так что по шпионажу он все знает, и, значит, другой знакомый, который работал в мэрии Версаля. Друзья у меня солидные, пригласила их тоже. На час раньше свиданья с ним (В. И. Деникиным. – Г. И.).

Когда входит Виктор Иванович со своим Рыжковым (смеется), он видит, что масса гостей. Он переглядывается со своим Рыжковым, удивлен, я представляю: «Вот у меня гости какие. Двое говорят по-русски, все они пришли ко мне в гости». Ну, начинается разговор.

...Я буду называть по именам. Женя. У Жени была знакомая русская, которая, я ее часто видела, и которая работает в Министерстве иностранных дел переводчицей официально. Она из России очень давно выехала, во всяком случае, я ее часто вижу с моей подругой, живет под Версалем, недалеко, я часто у нее бываю, значит. Вот я ей все мысли рассказала об этом Викторе Ивановиче. И она мне звонит, знаете, она сопровождает все русские делегации, приглашенные, э... артисты, э... спортсмены, политики и так далее. Значит, она их водит по Парижу, официально для Министерства иностранных дел. Значит, она мне звонит, представьте, что приехали политики, делегация. Э... как это называется, э... президентская?

Г. И.: Администрация Президента России?

М. Д.: Видимо, но они готовят, должен кто-то приехать из политиков, и Женя их спрашивает, знакомы ли они с Вик-

тором Ивановичем Деникиным. И один ей сказал: «Конечно, я его самый близкий сотрудник, работаю в президентской Администрации, я его видел позавчера». Она (Женя. – Г. И.) ему говорит, что он (В. И. Деникин. – Г. И.) завтра приезжает. Он (сотрудник Администрации. – Г. И.): «Не может быть! Я его видел позавчера, перед моим отъездом, и он мне ничего не сказал». Она (Женя) ему отвечает: «Знаете, это, вероятно, семейный визит. Он очень хочет приехать в гости к Марине Антоновне Деникиной». – «А, Вы с ней знакомы?» – «Да». – «Скажите, сможете ей передать, что когда она увидит Виктора Ивановича, чтоб передать от меня мой самый сердечный привет». Женя записывает его фамилию.

...Я, значит, Виктор Иванович садится в это кресло. Подъезжаю к его креслу, так как я очень плохо слышу и говорю: «Ну, Вы когда прилетели?» Он: «Вчера, вечером». – «А, так значит, Вы еще не встретили Вашего ближайшего сотрудника?» – «Какого сотрудника?» Я называю, хорошо запомнила имя, отчество, фамилию. А он говорит, что никогда не слышал о нем! Но покраснел. Я говорю: «Слушайте, он мне сказал, что видел Вас вчера» (я схитрила, как будто с ним сама говорила). Он: «Ах, да, теперь я что-то вспоминаю. Знаете, такой у меня сотрудник есть. У меня столько служащих, что я не могу всех запомнить. Потом я его спрашиваю, зачем ему надо было так спешно меня видеть Он: «Потому что я хочу, чтобы Вы подписали письмо Путину». Я: «Но Вы же получили мое письмо. Я же Вам написала, правда, я пером написала, у меня русской машинки⁵⁷⁴ нет». Он говорит: «Да, но Вы понимаете, но это не совсем так, я Вам письмо привез, и его надо Вам подписать. Вот оно».

Г. И.: (читая черновик) О, родственник, неправильно указал имя Антона Ивановича Деникина. Вот это родственник!

М. Д.: Я начала громко смеяться! Он: «Почему Вы смеетесь?» – «Потому что мой отец Антон Иванович, а Виктор Иванович – Вы. Я ничего Вам не подпишу! Ничего ни у кого не просила, если мое письмо Вам не нравится...» Оно у меня тут (пока-

Имеется в виду пишущая машинка с русским шрифтом. – Г. И.

зывает Г. М. Ипполитову свою папку). Я ему говорю: «Слушайте, оставьте мне, на всякий случай, это письмо. Я подумаю об этом». Ну, и начинаю говорить с другими гостями, а, значит, моя Валя из Минска, значит, начинает его расспрашивать. Я все не поняла, потому что разговаривала с другим гостем, но, э... то, что я поняла, то она мне абсолютно подтвердила, что и Черкасов⁵⁷⁵ подтверждает в одной статье, которую мне прислал: его фамилия (В. И. Деникина. – Г. И.) – Горшков. Горшков Виктор Иванович. И, значит, она (Валя из Минска. – Г. И.) его так расспрашивала, он не ожидал. Сказал, что трудно ему понять все в семейных бумагах, но «я родился Горшковым». Валя спрашивает: «Ну, а когда же Вы стали Деникиным?» Он: «Тогда, когда поступил в школу». Так что, до сих пор я не знаю, когда он (Виктор Иванович. – Г. И.) взял себе фальшивую фамилию. Ну, они ушли (В. И. Деникин и его переводчик. – Г. И.), э... я их просто выставила (смеется). (Звонит телефон).

М. Д.: Извините, аппарат... (говорит по телефону). Извините, это моя внучка. Я всегда ее называю ласточкой⁵⁷⁶. Да, значит, где я остановилась в моем романе? (Смеется).

Г. И.: Выгнали Горшкова!

М. Д.: Значит, э... мы начали с Валею по-русски говорить между собой. Французы, конечно, ничего не поняли... Нет, какой нахал, какой нахал⁵⁷⁷!

Г. И.: Хуже, чем нахал! Неслыханно!

М. Д.: Ну, начали разбирать подарки. Фарфоровый сервиз, двадцать три тарелки, блюдо из Петербурга, затем не помню, что еще. Ну, я раздала всем присутствующим. Я им сказала, что они меня охраняли, вот и подарки (смеется). Ну, проходит некоторое

⁵⁷⁵ Черкасов-Георгиевский В. Г. – московский писатель, автор книги о генерале А. И. Деникине (см.: Черкасов-Георгиевский В. Г. Генерал Деникин. Смоленск, 1999).

⁵⁷⁶ Небезынтересно то, что Марина Антоновна общалась с внучкой по телефону на французском языке, но слово «ласточка» произносила по-русски. – Г. И.

⁵⁷⁷ Имеется в виду В. И. Деникин. – Г. И.

время, э... значит, Юрий Коваленко посылает мне копию. Подождите, я Вам дам вторую, он мне прислал две копии. Конечно, это журналист писал, не знаю, насколько все тут точно...

Н. И.⁵⁷⁸: Ну, это интервью... Так, что, наверное, сын прав, когда сказал, что он хотел вас пригласить в Петербург для своих целей.

Г. И.: Нет, милая Марина Антоновна, я знаю, что примерно он (В. И. Деникин – Г. И.) хотел. Если бы у него все получилось, правительство России выделило бы на перезахоронение останков Антона Ивановича Деникина в родной земле большие деньги. А он ими бы распорядился. И все... «Уплыли» деньги. В России это модно. Он хотел попользоваться светлым именем Антона Ивановича и деньгами, которые дадут, если Марина Антоновна подпишет...

М. Д.: Ну, я думаю, больше о нем не услышу... Э... приезжает ко мне телевидение из Фонда русской культуры, которая, значит, мадам Чавчавадзе Елена Николаевна, э... очень симпатичная, она уже у меня перед этим была два-три раза без телевидения и, значит, перед этим она тоже занималась изданием на русском языке моей книги⁵⁷⁹. Э... значит, телевидение мне задает вопросы. Ясно, что Виктор Иванович никакого родства со мной иметь не может. Мы поэтому говорим о другом, очень симпатично все. Но тут уже я попросила, потому что начала серьезно бояться. Я была три раза приглашена в посольство, я подружилась с Авдеевым⁵⁸⁰. Э... ему все рассказала про Виктора Ивановича. Он сказал: «Э... предупредите меня, пожалуйста, если кто к Вам из русских приезжает, я пошлю к Вам кого-нибудь из посольства». Так что этот раз, когда она (Е. Н. Чавчавадзе. – Г. И.) приехала с телевидением, она и хорошо знакома с Авдеевым, но на вся-

⁵⁷⁸ Ипполитова Надежда Валентиновна – жена Ипполитова Г. М., при сутствовавшая на встречах. – Г. И.

⁵⁷⁹ Имеется в виду, скорее всего: *Грей Марина*. Мой отец генерал Деникин. М., 2003. – Г. И.

⁵⁸⁰ Имеется в виду Александр Алексеевич Авдеев, являвшийся в то время послом России во Франции. – Г. И.

кий случай ко мне пришел атташе по прессе, красивый (смеется). Не помню его фамилию, забыла. Все прошло отлично. Она мне передала письмо от Мухачева, который написал предисловие к моей книге⁵⁸¹.

Г. И.: Мухачева по публикациям знаю как специалиста по истории белой эмиграции...

М. Д.: Ясно. Мухачев задавал мне вопросы, перед тем, как писать предисловие и, значит, э... о Колтышеве, это Вы читали. Я, значит, ответила и послала письмо по почте. На следующий день Виктор Иванович по телефону: «Как Вы поживаете, э... подписали ли Вы письмо?» А я только что подписала письмо Мухачеву и говорю, что да (смеются все участники беседы)... Он: «Вы, наконец-то, подписали?». Я говорю: «А о каком письме Вы говорите?» (Смеются все участники беседы). Он: «О письме президенту Путину». Я ему говорю, что такого письма никогда не подпишу, так что довольно, до свиданья!

Г. И.: Правильно, правильно!

М. Д.: Вот, значит, э... больше никогда от него (В. И. Деникина. – Г. И.) ни слуху, ни духу... Фонд русской культуры, они часто довольно звонили, э... я узнаю, что он (В. И. Деникин. – Г. И.) вмешивается и советует, как и где захоронить, э... перезахоронить отца.

Г. И.: Ничего себе!

М. Д.: Я сама в ужасе. Я сейчас же пишу послу Авдееву. Я вам дам его ответ почитать. Э... вот. Все это не выдуманно, хотя кажется и выдуманным.

Н. И.: Нет, Вы просто все через сердце пропустили... Несправедливость всю эту. Сердцу Вашему покоя нет. И Антону Ивановичу покоя нет.

М. Д.: Значит, э... после этого, когда мне еще раз звонила мадам Чавчавадзе, я спрашиваю: «Вы все еще видите с Виктором Ивановичем Деникиным, псевдо-Деникиным?» Она: «Нет,

⁵⁸¹ См.: *Мухачев Ю. В.* «Параллели», или О времени, авторе и герое // *Грей Марина*. Мой отец генерал Деникин. М., 2003. С. 5–12.

после Вашего письма он ничего не делает»⁵⁸². Потом проходит время, и я получаю приглашение, э... от мэра Парижа на официальное рандеву к Путину. У него был официальный визит. Не помню, где-то у меня есть (роется в своих бумагах). Вот, приглашение (показывает). Ну, я отвечаю, что, конечно, я приду. Два дня позже мне звонит шеф протокола из нашего посольства и спрашивает, получила ли я письмо. Я говорю, что да, получила. Он: «Слушайте, можете ли Вы дать адрес Вашего сына, потому что нужно обязательно, чтобы он тоже был». Даю телефон сына. Он ему звонит и, значит, приглашает тоже. Сын получает такую же карточку на свою фамилию. Ну, значит, мы идем с сыном.

Г. И.: Это Ваш сын Михаил? От первого мужа?

М. Д.: Это от первого.

⁵⁸² Много в этой истории непонятного. Мне трудно что-нибудь сказать о личности В. И. Деникина. Между тем, не могу здесь не привести некоторые рассуждения. В период кампании по перезахоронению останков генерала А. И. Деникина в «Рабочей газете» (позиционирует себя в качестве «Всероссийской газеты трудящихся») 3 октября 2005 г. появилась информация следующего содержания: «...Накануне в интервью телекомпании НТВ заместитель полномочного представителя президента РФ в Центральном федеральном округе Виктор Деникин – родственник покойного генерала, заявил о том, что потомки А. Деникина в эмиграции не пригласили его на торжественную церемонию перезахоронения. Хотя он лично много сделал для этого. По словам Деникина, когда несколько лет назад он познакомился с живущей во Франции дочерью генерала – Мариной Антоновной, она вначале была очень воодушевлена тем, что неожиданно обрела родственника. Однако когда Виктор Деникин подробнее рассказал о себе, в частности, о том, что служил в контрразведке и “является коммунистом”, – отношение к его персоне изменилось вмиг кардинально и бесповоротно. И начавшаяся было связь с эмиграцией прервалась». Такое вот у них «соглашение и примирение» (Виктора Деникина не пригласили на церемонию перезахоронения покойного генерала [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rb4.ru/news/raznoe/3/10/2005/1608/> – Загл. с экрана). Явные разночтения с данными Марины Антоновны, что приводятся в стенограмме выше. Понимаю, что заместитель полномочного представителя президента РФ в Центральном федеральном округе – высокая номенклатурная должность в системе государственной службы РФ. Однако вряд ли лицо, ее в то время замещавшее (В. Деникин), имеет право на такие безапелляционные заявления: «И начавшаяся было связь с эмиграцией прервалась». По крайней мере, нескромно. В. Деникин – это еще пока что не олицетворение связей российской общественности с российским зарубежьем. – Г. И.

Г. И.: Да, в книге есть⁵⁸³, я разобрался.

М. Д.: Значит, мы видим, что у других (участников приема. – Г. И.) другого цвета карточки. Я поняла, что это наше посольство телефонировало в мэрию, чтобы нас пригласили. Может быть, десяток-двенадцать людей имели такие же карточки, как у меня. На других карточках не написано, что Путин с ними хочет поговорить. Ну, значит, э... мы после официальной музыки в большой зале, у кого такие карточки, нас проводят в зал рядом, э... подают шампанское, входит, значит, Путин, сейчас я покажу Вам карточку (показывает), э... посол Авдеев за ним, мэр Парижа. Значит, они начинают проходить, а мне сделали русские из посольства, чтоб я в первом ряду стояла. Значит, э... Путин доходит до меня. Посол говорит ему, что я Марина Антоновна Деникина. Он протягивает руку. У меня фото (ищет на столе). Вот (показывает фото). Вон у посла видно только голову... Значит, несколько добрых слов, а потом Путин меня спрашивает: «Вы ничего не хотите мне сказать?..» В этом роде, точно не могу запомнить... Я понимаю, что это значит. Я говорю: «Ну, мне было бы интересно знать, Вы, вероятно, знаете, что началась кампания в Москве по перезахоронам моего отца. Я хотела бы знать, что об этом думает правительство?» Он говорит: «Для русского правительства это очень, очень важно, и, конечно, оно совершенно... (Э... как сказать, как он мне сказал...) А не только согласны, но и желает это сделать. Я говорю: «А Ваше личное мнение?» Он: «Мое личное мнение, что это... э... место знаменитого...» Нет, как-то он не так сказал.

Г. И.: Великого?

М. Д.: Нет. В общем, место знаменитого генерала Деникина – это сфера, э... вечным сном в Москве. Я ему отвечаю: «Слушайте, если это так, то я пока не соглашалась давать официального соглашения, которое обязательно нужно в Америке⁵⁸⁴, потому что нельзя взять труп, если я не согласна. Мы с сыном на всякий случай заранее свидетельство сделали у французского нотариуса. Штатсгель, все у меня было готово, на всякий случай. Я го-

Грей Марина. Мой отец генерал Деникин. М., 2003.
До 2005 г. прах генерала Деникина покоился в США. – Г. И.

ворю, что если это мне будет подтверждено официально, то есть через русское посольство, то мы с сыном сейчас же дадим наше согласие. Через четыре дня после этого звонят мне из посольства. Александр Алексеевич Авдеев спрашивает, можете ли Вы меня принять и когда. Я говорю, когда он хочет, пожалуйста. Они спрашивают, удобно ли мне завтра в 4 часа. Я говорю, что конечно, буду его ждать. Вызываю сына, покупаю водки. Сын приходит заранее, приносит апельсиновый сок... (А, что вы ничего не ешьте, я же приготовила. Покушайте...)

Г. И.: Спасибо, мы слушаем.

М. Д.: Значит, сын, а он долго работал на телевидении, говорит мне, что дипломаты очень редко пьют алкоголь. Ну, я ставлю вообще рюмки, стаканы. Ровно в четыре он (А. А. Авдеев. – Г. И.) приходит. Его атташе, уже он раньше у меня был, когда, значит, было одно телевидение. Казьмин⁵⁸⁵. Значит, он был в то день, когда был мой друг из военной разведки Франции. Ну, значит, приезжает Авдеев с Казьминым. Говорю ему, чтобы присаживались. Авдеев садится в это кресло (показывает на кресло, в котором сижу я. – Г. И.) и, значит, в первую очередь передает мне теплый привет от Владимира Владимировича Путина, а потом дает мне подписать это письмо. Это у меня один экземпляр (показывает). Ну, я предлагаю водки, э... апельсиновый сок (смеется). Он (Авдеев. – Г. И.) пьет водку (смеется), я подмигнула сыну, и так как я подготовила, э... теперь осталась одна, две русские рюмочки, одна, э... папина, серебряная, на ней папины А. Д.⁵⁸⁶ Говорю, значит, хотите из папиной рюмки выпить? Ну, значит, пьем водку, разговариваем, третью рюмочку пьем. Ну, значит, они побыли больше часу. Ну, потом, значит, уходят, мы прощаемся. И эта серебряная рюмочка. Я говорю Александру Алексеевичу Авдееву: «Хотите взять эту рюмочку на память?» Он так был растроган. Взял рюмку в карман и говорит: «Позвольте Вас поцеловать?» И с тех пор, как мы видимся каждый раз, по три поцелуя. Ну, это все, значит, было нормально. Проходит время, и мне звонят, сначала женский голос и, видимо, по-плохому, как, э... по-русски, ну, телефон, который в кармане?

Фамилию я не понял. Возможны варианты: Кузьмин, Козмин и пр. – Г. И.
Инициалы. – Г. И.

Г. И.: Стоп! Мобильный телефон.

М. Д.: А, так. Ну, так как я глухая, этим телефоном я еще хуже слышу. Так что я плохо понимаю, но, значит, эта дама мне говорит, что журналист Краснов⁵⁸⁷ хочет со мной повидаться. Ну, я никогда не отказывала русским. Говорю, что передайте мое согласие. Значит, этот Краснов начинает со мной говорить. Голос его мне очень не понравился. Он говорит, что хотел бы меня видеть не позже чем завтра, так как он должен покинуть Париж. Я говорю, что несвободна эти дни. Кончается разговор, я отказалась. Но после этого снова, этот же плохой телефон, ну, значит, это прямо он начинает разговор, никакой дамы не было. Говорит: «Марина Антоновна, здравствуйте! Журналист Евгений Краснов». Я ему говорю, что думала, что он уже уехал. Он: «Нет, я задержался в Париже. Но я уезжаю, завтра, поэтому мне нужно Вас видеть сегодня». Это была суббота. Я говорю, что, э... я несвободна. Он: «Освободитесь!»

Г. И.: Ух ты, вот это разворот! Хам!

М. Д.: Хам! Ничего не говорит. Я спрашиваю: «Что такое важное секретное Вы хотели сообщить мне?» Он говорит: «Ничего ни важного, ни секретного. Вы не хотели меня принять, и я решил, что я Вам так скажу, что это Вас заинтересует. И Вы меня примите». Я говорю: «Но почему Вы хотели меня видеть?» Он говорит: «Потому что я не мог уехать из Парижа, если не увижу дочь моего идола». И начинает говорить о моем отце. Конечно, только приятное, но я нахожу, что немножко преувеличивает. Вдруг он останавливается и мне говорит: «Можно стакан воды?». Я думаю, что до этих пор, как русские журналисты приезжали ко мне, я предлагала всегда им шампанское. И я ему об этом говорю. Краснов: «Ох, с удовольствием! Но я должен Вам сказать, что я совсем не журналист». Спрашиваю: «А что Вы делаете?». Он: «Ну, как Вам сказать, я литератор...». Спрашиваю: «А какие книги Вы пишете?» Краснов отвечает, что он не пишет книги, но очень хорошо зарабатывает на жизнь.

Г. И.: Непонятно!

М. Д.: Да, но так как я ему обещала шампанское, достаю бутылку, он ее открывает, наливает в стаканы, мы чокаемся, и

Его личность я так и не установил. – Г. И.

Краснов опять начал хвалить моего отца и мать. Я ему говорю, что, очень рада, когда говорят хорошие вещи о моем отце. Спасибо, но я занята, мне нужно уходить. Так что, до свиданья! Тогда Краснов говорит: «Я не могу уйти, если Вы не подарите мне фотографию Вашего отца!» – «Слушайте, – отвечаю, – мне нужно искать в ящиках, нет, не буду, нет у меня времени». – «Тогда я не уйду», – говорит он.

Г. И.: Наглый хам!

М. Д.: Я ему говорю тогда, чтобы он оставил свой адрес в России, и я пошлю фото моего отца. Он мне сначала говорит, что у нет визитной карточки. Я ему говорю: «Ну, напишите мне на бумажке». Он: «Да, но мне нечем писать». – «Хорошо, – говорю, – я Вам принесу». Иду, значит, в свою комнату, приношу ручку, бумагу, а Краснов держит в руках бутылку шампанского. Я его спрашиваю, зачем она ему? Он: «Кручу пробку, чтобы шампанское не выдохлось!» Ну, значит, написал он мне свой адрес. Я сказала, как только найду фотографию папы, то обязательно вышлю ему в Россию. Краснов говорит, что так просто уйти не может, вынимает из мешка (там было много другого) «Путь русского офицера»⁵⁸⁸ и говорит: «Подпишите!»⁵⁸⁹. Я подписываю. Он снова что-то с шампанским делает. Я ему говорю, что не надо трогать бутылку, не стоит беспокоиться, что шампанское выдохнется, – я эту бутылку вечером докончу (смеется). Я подписала книгу, почти толкала его, чтобы он вышел. Ах, да... Перед этим он мне сказал, что я ему говорила о плохом контакте по телефону⁵⁹⁰. «А этот телефон мне подарила, – сказал Краснов, – Ваша подруга детства». – «Какая подруга?» – удивляюсь. «Женя Линникова, которая живет недалеко». Спрашиваю: «Вы с ней знакомы?» Он: «Нет, но моя подруга, у которой я останавливаюсь, когда приезжаю в Париж, лучшая подруга Вашей Жени». Когда он ушел,

⁵⁸⁸ Имеется в виду книга А. И. Деникина (см.: Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990). – Г. И.

⁵⁸⁹ Довольно странно. Если этот Краснов являлся действительно литератором, то он не мог не знать элементарной этической нормы: книги подписывает на память или в дар их автор. – Г. И.

⁵⁹⁰ Имеется в виду то, что Марина Антоновна плохо слышала Краснова по мобильному телефону. – Г. И.

я звоню Жене Линниковой и говорю ей, чтобы она не присылала мне таких несимпатичных людей, как Краснов. Она удивляется: «Какой Краснов? Я не знаю никакого Краснова». Я ей, значит, говорю, что он мне рассказал, что его лучшая подруга – это твоя лучшая подруга и что ты подарила Краснову телефон. А Женя говорит, что она никогда в жизни не имела таких телефонов⁵⁹¹, что она ненавидит эти телефоны, и никогда их никому не дарила. Потом спрашивает, а кто его подруга. Я говорю, что не знаю и даже не спросила Краснова.

Г. И.: Очень странно, прямо детектив какой-то.

М. Д.: Да! Значит, вечером я подумала, что шампанское не должно выдохнуться, ну и допила его. И тут началось... Такие боли я не испытывала даже тогда, когда родила сына! А было это уже в 11 часов вечера. А сын уехал на свадьбу своего друга в Париж. Доктор мой на уикенде где-то под Парижем. Я так страдала. Думаю, может смогу вызвать, это, как по-русски, э...

Н. И.: Наверное, скорую помощь?

М. Д.: Как? Ах, да, правильно... С трудом дошла до комнаты, потому что началась страшная рвота. Легла в постель и думаю, что если я вызову эту, э... пожарную помощь⁵⁹², то меня сразу заберут в госпиталь, а я ненавижу госпиталь, ненавижу. Я думаю, нужно постараться дожить до понедельника, сын вернется, доктор вернется... Все воскресенье боли продолжались. Думала, не доживу до понедельника, но к утру понедельника боли почти прекратились. Я даже съела йогурт, какой-то салат и начала раздумывать, что он⁵⁹³ отравил мое шампанское, думая, что я его докончу. Но это просто моя фантазия. Я дошла до кухни, взяла бутылку, там оставалось еще немного шампанского. Решила проверить, взяла и выпила.

Н. И.: Марина Антоновна, ну зачем же так? Это же опасно!

М. Д.: Ну, вот такая я (смеется). 10 минут прошло, боли меньше. Вырвало меня скорее. Вызвала доктора, объясняю ему все, он находит меня уже в хорошем состоянии, но сказал, чтобы

Имеется в виду мобильный телефон. – Г. И.

Имеется в виду скорая помощь. – Г. И.

Имеется в виду Краснов. – Г. И.

я немедленно обратилась в версальскую полицию. Я думаю, если я скажу в полиции, что мне 85 лет, что меня какой-то русский, выдавая себя за журналиста, отравил шампанским, то надо мной будут много смеяться. Значит, сын возвращается только во вторник, я его вызываю. Да, забыла, доктор меня спросил: «Скажите, кто бы Вас хотел скорее прикончить?» Я не могу ему объяснить, что, может быть, в России меня кто-нибудь ненавидит, да так, что желает, чтобы перед перезахоронением моего отца, меня бы уже не было в живых, чтобы я больше не рассказывала по телевидению о том, что у меня нет родственников в России по линии моего отца. Но это только мое подозрение.

Ну, значит, мы с сыном решили, что в полиции не поверят, что в 85 лет старая дура идет жаловаться непонятно на что. Ну, я, значит, звоню русскому послу. Мне ответили в русском посольстве, что Авдеев в отпуске и не знают, когда он приедет. В общем, я написала ему письмо, вкратце, много не объясняя, но с просьбой, что как только посол вернется, пусть назначит мне время, и я ему объясню, что произошло. Так как посол в отпуске, я решила сама разобраться и установить, что это за подруга, у которой он остановился⁵⁹⁴. Женя Линникова дала мне телефоны разных ее подруг. Я спрашивала всех, не знают ли они Краснова. В конце концов, добилась телефона той, у которой останавливался и жил этот Краснов. Ах, забыла Вам сказать, что во вторник вечером звонит у меня телефон. Я узнаю, что звук у него, как у этого плохого телефона⁵⁹⁵. Отвечаю – молчат. Я испугалась и говорю сыну, что они хотели проверить, жива ли я или нет. Значит, я нахожу телефон этой дамы⁵⁹⁶, звоню и спрашиваю ее: «Я хотела бы знать, не знакомы ли Вы с Евгением Красновым?» Она говорит: «Да, конечно, я передаю ему телефон».

Г. И.: Вот так?!

М. Д.: Я ему говорю, что он должен был уехать в Россию в воскресенье. А он говорит, что да, но он снова задержался. Но

⁵⁹⁴ Имеется в виду Краснов. – Г. И.

⁵⁹⁵ Имеется в виду мобильный телефон. – Г. И.

⁵⁹⁶ Имеется в виду подруга, у которой Краснов останавливался при нахождении в Париже. – Г. И.

завтра точно уезжает. Я думаю, что если так, то через два дня я позвоню мадам Левшиной⁵⁹⁷. Звоню, отвечает мне мужской голос. Я представляюсь, мужчина отвечает: «Марина Антоновна, она так надеялась, что Вы позвоните, но уехала в провинцию, но просила меня передать Вам ее телефон». Это все что-то невероятное!

Г. И.: Детектив...

М. Д.: Мужчина дает мне телефон, начинается он 04, значит это в Альпах. И он мне говорит, что она в своем замке всегда от восьми вечера. Значит, решаю я, что буду продолжать свое следствие. Звоню в 8 часов вечера. Отвечает: «Наталья Левшина!». Я: «Извините, что я Вас прямо преследую, но я хотела бы все-таки задать Вам два-три вопроса о Краснове». Она: «Ох, это замечательный человек, мой лучший друг! Самый лучший писатель в России».

Г. И.: (с сарказмом) Достоевский!

Н. И.: (со смехом) Нет, все великие писатели, вместе взятые.

М. Д.: (смеется) Да, великий... Я ее спрашиваю: «Скажите, а это Вы мне звонили, чтобы представить, Вы его привезли к моему дому на белом автомобиле?» Она: «Да, это я!» – «Вы знакомы с Женей Линниковой?» – «Нет, нет, я ее не знаю! Но у нас общие друзья». А дальше она мне говорит: «Слушайте, Евгений Краснов Вас интересуется, он рядом со мной, я передам ему телефон». Я сказала: «Нет, спасибо». Может быть, она его любовница, я никогда не видела мадам Левшину. Э, два дня после получаю письмо, э, где-то должно быть тут (ищет на письменном столе)... Вот конверт. От Краснова, вот адрес. Он пишет, что, по-видимому, он мне не понравился, но присылает открытку с места, где замок мадам Левшиной (показывает). Это было в конверте...

Значит, звонок из посольства: Авдеев вернулся. Говорят, что если я могу приехать, то на следующий день за мной приедет автомобиль из посольства и меня заберут. Приезжаю и рассказываю послу все то, что я вам рассказала. Он, по-видимому, не очень понял. Но потом я узнала, что его атташе по культуре Кузьмин был убит за несколько дней перед этим. Кузьмин. То есть он

⁵⁹⁷ Фамилия не точна. Возможны варианты Евшина, Лившина, Ившина и т. д. – Г. И.

не умер сейчас же, он лежал в госпитале, был тяжелым, но говорить мог. Кто-то толкнул его с четвертого этажа. Я потом хотела узнать, что с ним случилось, но тот, кто меня привез на машине в посольство сказал, что ничего неизвестно, что только Кузьмин мог сказать, но он ушел... Это я узнала потом. Авдеев понял: только что было покушение на его атташе, и вдруг я ему это рассказываю. Он сделал фотокопии всех писем, что я ему дала, все телефоны русских, по которым я звонила, и, значит, говорит, что нужно обратиться к полиции. Я ему говорю: «Слушайте, у меня очень хорошие отношения с французской полицией, но они могут мне не поверить». Он отвечает, что во вторник приезжает в Версаль к мэру, так как там выступает русский балет, и предложил, чтобы я пришла в мэрию. Я пришла в мэрию. Авдеева еще не было, мэр его ждал внизу. Поднялась я в зал, где выступал русский балет, увидела посла. Он меня увидел, три поцелуя, и он мне говорит: «Знаете, полиция все Вам объяснит, а то боюсь, что все это может повториться. Но не беспокойтесь: теперь французская полиция за Вами следит и Вас оберегает».

Я выхожу из мэрии, э... значит, вижу, за мной какой-то тип ходит. Он останавливается перед рестораном (недалеко от мэрии), перед бистро. Я иду, он за мной. Боюсь, начинаю прижимать сумку. Ну, дошла до дому, ну, один раз я видела его лицо, и, думаю, хорошее лицо, милое. Я, значит, вхожу, зажигаю свет и начинаю закрывать ставни. И вдруг вижу, что этот же человек и еще другой господин стоят на улице недалеко от моего дома. Я поняла, что это полиция, стало спокойно.

Г. И.: Это хорошо!

М. Д.: Это длилось четыре дня. Потом я думаю, что следят по моему телефону, вероятно, потом я Ваше письмо получила из России, как мне показалось, как это по-русски, э...

Н. И.: Вскрытое.

М. Д.: Да, поняла.

Н. И.: Мы, Марина Антоновна, вдруг перестали дозваниваться до Вас по Вашему номеру телефона.

М. Д.: Простите, что Вы сказали?

Н. И.: Вдруг перестали дозваниваться до Вас по Вашему номеру телефона. Несколько раз. Номер один и тот же набираем, а в ответ: «Такого номера не существует».

Г. И.: Наверное, прослушка.

М. Д.: Что?

Г. И.: Ваш телефон, возможно, прослушивали.

Н. И.: Да, возможно, что прослушка была. А потом все-таки мы до Вас дозвонились.

М. Д.: Да, этот Краснов все сделал, чтобы я не доверяла русским гостям.

Г. И.: Это Люцифер! Но Вы не волнуйтесь: и водка, и икра, врученные Вам нами в подарок, все честно от сердца и души. Мы (со смехом) не отравители!

М. Д.: (смеется). Спасибо! Продолжаю свои предположения. Вся эта история с Красновым и Виктором Деникиным появилась только после смерти моего мужа. Два месяца после. Я думаю, вообще, я занималась и политикой, и телевидением, писала книги, думала, что теперь буду спокойной, ничего больше не буду делать до смерти, и вот началось перед смертью...

Г. И.: Нет, Вы живите долго, Вы долго живите, еще книги напишете.

М. Д.: Ладно. Все Вам рассказала.

Н. И.: Спасибо Вам огромное, дорогая Марина Антоновна!

М. Д.: Но мой рассказ – какой-то полицейский роман.

Г. И.: Детектив. Жорж Сименон позавидует!

М. Д.: А что с Красновым? Значит, посол мне сказал, что французская полиция перестала им заниматься, потому что он исчез в России, что им займется русская полиция. А, да, посол мне сказал, видела ли я, что было в его мешке. Я ответила, что, конечно, нет. Авдеев сказал, что этот Краснов – не профессионал. Да и сын мне это говорит. Если бы он был профессионал, то Вы бы здесь не сидели у меня⁵⁹⁸.

Г. И.: Конечно.

⁵⁹⁸ Впоследствии в одном из телефонных разговоров Марина Антоновна сообщила мне, что по сведениям ее московских друзей, этот загадочный Краснов якобы умер. Как сейчас помню, Марина Антоновна сказала, что Краснов «ушел к праотцам, в мир иной...». – Г. И.

М. Д.: Вот еще немного шампанского, чокаемся еще... Вот последняя книга о папе, которая вышла у Леховича.

Г. И.: Леховича я читал, хорошая книга⁵⁹⁹.

М. Д.: Я с ним была очень хорошо знакома, я его видела в Париже. А потом, когда поехала за матерью в Нью-Йорк, я часто у него бывала, как-то провела шесть недель. И, значит, никогда я не видела его сына и совершенно не знала, что он дипломат. Он и издает эту книгу⁶⁰⁰. Я вам покажу все-таки первое издание нью-йоркское⁶⁰¹. Очень, очень мне книга понравилась.

Г. И.: А Черкасов?⁶⁰²

М. Д.: Э... он много перепутал.

Г. И.: Соврал!

М. Д.: Перепутал...

Г. И.: Врет! Ну ладно, пусть перепутал. Я его ругал в своей докторской диссертации за то, что тот врал⁶⁰³. А вообще, какие книги о своем отце Вы можете отметить как лучшие?

⁵⁹⁹ Имеется в виду: *Лехович Д.* Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992.

⁶⁰⁰ В 2004 г. вышла в свет на русском языке кн.: *Лехович Д.* Деникин: жизнь русского офицера. М., 2004. Благодаря усилиям семьи Дмитрия Леховича, и прежде всего, его сына Владимира, известного американского дипломата, в нее включено немало новых материалов. – *Г. И.*

⁶⁰¹ Книга Леховича была издана впервые в Нью-Йорке в 1974 г.: *Dimitry V. Lelovich. White Against Red. The Life of General Anton Denikin.* N-Y., 1974. Она предназначалась, по оценке самого Дм. Леховича, «для англо-американского читателя» (*Лехович Д.* Деникин: жизнь русского офицера. С. 7).

⁶⁰² Имеется в виду книга: *Черкасов-Георгиевский В.* Генерал Деникин. Смоленск, 1999.

⁶⁰³ Понимаю, что выражаюсь не в парламентской манере. Однако считаю, что книгу В. Черкасова-Георгиевского я подверг хотя и довольно жесткой, но, в то же время, аргументированной критике не только в своей докторской диссертации, но и в публикациях в научной периодике и в монографии. Главный предмет критики – не надо художественно-публицистическое произведение выдавать за историческое исследование, а также изрекать аксиологические суждения о «второй русской смуте» в форме истин в последней инстанции; не стоит показывать красных как inferнальное зло, а белых – в качестве ангелов (см.: *Ипполитов Г. М.* Деникинана постсоветская: критические историографические заметки // *Телескоп.* Науч. альманах. Вып. 10. Самара, 2005; *Ипполитов Г. М.* «Красные орлы» против «рыцарей белой мечты»: духовная сеча. Моральный дух комбатантов в российской Гражданской войне (ноябрь 1917 – декабрь 1920 гг.): опыт компаративного анализа. Самара, 2005).

М. Д.: Значит, исключая Ваши книги, они очень хорошие, еще, пожалуй, только Леховича. У него была верная информация. Дело в том, что мама одолжила ему ее и папы письма перед тем, как их я сдала в Колумбийский университет. Когда мама уезжала, она забыла, что обещала эти письма Колумбийскому университету, где она работала. Она попросила меня забрать эти письма у Леховича. Я с ним созвонилась, он пригласил меня на завтрак. Там мы договорились, что письма я передам в архив. Ну, что еще Вам рассказать?

Г. И.: Как Антон Иванович отказался сотрудничать с фашистами во время Второй мировой войны?

М. Д.: Папа никогда с ними не сотрудничал! Когда на юге Франции мы жили в оккупации, к папе приходили с главной немецкой комендатуры и предложили переехать в Берлин, так как они в Чехословакии забрали его архив. И, значит, сказали папе, что у него будет чудная квартира, что он сможет работать над своим архивом. Но папа им сказал: «Это приказ или предложение?» – «Что Вы, – сказал немецкий генерал, который к папе приехал, – что Вы, как мы можем Вам давать приказы? Это просто предложение!» В ответ папа сказал: «Тогда я отвечаю: “Нет, нет и нет!!!”». Никто не мог заставить папу сотрудничать с немцами. Его револьвер был зарыт возле дома в песке. Он бы взбесился и стрелял! (Смеется).

Г. И.: А насчет отношения к коллаборационистам.

М. Д.: Он их презирал. У него еще до того, как генерал Миллер был похищен, с ним охладилась отношения именно из-за отношения к сотрудничеству с Гитлером. Правда, опять же незадолго до своего похищения генерал Миллер на обеде в честь Корниловского полка подошел к папе и сказал: «Ваше Превосходительство! Вы были правы⁶⁰⁴, а я нет! Нельзя рассчитывать на Гитлера».

Г. И.: Интересно...

Имеется в виду в оценках германского фашизма. – *Г. И.*

М. Д.: А вообще, немцы поняли, что никогда папа ихним не будет... Только за ним следили. И, значит, местная комендатура приходила раз-два в неделю к папе. Солдат поднимал подушки, э... смотрел кругом... Мы занимали тогда только две комнаты в старом тесном деревенском доме⁶⁰⁵. Ну, значит, по-видимому, комендатура следила, чтобы папа не убежал. А куда им было деться? Так что, они сильно не старались папу сломать, потому что они поняли, буквально с первой встречи, что это не удастся. Кстати, я возвращаюсь на минуточку к Виктору Ивановичу Горшкову, который себя называет Деникиным. Когда он мне сказал, что Колтышева завербовали и что, значит, он служил в ГПУ, в НКВД, не знаю, когда переменялось название, он уточнил, что Сталин очень интересовался Вашим отцом, хотел читать его письма, но никогда не велел его похищать.

Во время войны мы жили в такой маленькой деревне, на берегу океана. Доступ был запрещен туда, потому что немцы начали тогда строить стену Атлантики. На юге они тоже ее строили, не только в Нормандии. К нам можно было попасть только с особым разрешением. К нам приезжал Колтышев, это я Вам писала. Значит, э... папа тогда не сомневался в нем, конечно. Только начал сомневаться в нем, вероятно, в Америке, когда ему дали доказательства. Из Америки он мне написал, что не надо доверять Колтышеву. А Колтышев это письмо у меня украл. К сожалению, я люблю документы, но этот не уберегла. Так что, приезжали, кроме Колтышева, некоторые папины верные друзья, как, например, капитан Латкин, полковник, э... Готов. Они как-то умудрялись приехать. Они обыкновенно останавливались у нас. И они, конечно, были совершенно верны папе, и через них папа посылал в Париж воззвания, чтоб призвать драться вместе с немцами против Советов.

⁶⁰⁵ Имеется в виду жилище Антона Ивановича в Мимизане, на юге Франции. – Г. И.

Э, значит, вспоминаю, как, кажется, Жеребков⁶⁰⁶ (мама его называла «наш гауляйтер в Париже»), то он никогда папе не писал, так как папа его однажды очень сильно выругал. Нет, папа

⁶⁰⁶ Скорее всего, речь идет о Юрии Сергеевиче Жеребкове, руководителе Русского представительного комитета, внука одного из генерал-адъютантов Николая II. Занимал в годы Второй мировой войны исключительно коллаборационистскую позицию. Так, 22 ноября 1941 г. на собрании в Salle Rochefoucault в Париже Жеребков произнес программную речь о целях и задачах русской эмиграции. В ней, он в частности, сказал: «...Вольные или невольные, английские и советские агенты... стараются разжечь в эмиграции ложно-патриотические чувства и постоянно твердят некоторым простакам: "Как, неужели вы, русские люди, радуетесь победе немецкого оружия? Подумайте, немцы убивают миллионы русских солдат, разрушают города, течет русская кровь!" Есть даже такие, к счастью, очень малочисленные, которые уверяют, что долг русских всеми силами поддерживать советскую армию, которая является русской армией, а Сталин – защитником национальных интересов. Тех же, кто с этим не соглашается, они обвиняют в измене Родине... Да, течет русская кровь, гибнут русские жизни, – но о них как-то меньше волновались, когда жидовское правительство в Москве уничтожало ежегодно еще большее количество людей... Неужели же жизнь в европейских странах заставила вас забыть все ужасы большевизма и то, чем является сам по себе большевизм? Вспомните миллионы жертв советского террора, сотни тысяч офицеров и солдат, десятки тысяч священнослужителей, десятки миллионов русских рабочих и крестьян, уничтоженных той властью, которую некоторые уже готовы были бы принять за национальную! Наконец, вспомните ту страшную июльскую ночь, когда в подвале Екатеринбургского дома пролилась кровь Императора-Мученика и Царской семьи!! Ни один истинно русский человек не может признать убийц Царя, убийц миллионов русских людей – национальным русским правительством и советскую армию – русской». Тех эмигрантов, которые предупреждали об истинных намерениях нацистов в отношении России, Жеребков охарактеризовал как агентов влияния Москвы и Лондона: «...Покамест Германское Правительство не объявит официально своего плана и решения, касающегося России, пока не скажет свое последнее слово, Фюрер Адольф Хитлер – все является только предположением». Видимо, исходя из этого, Жеребков обосновал свое видение перспектив России после ожидаемого падения большевизма: «В интересах России, в интересах русского народа нужно, чтобы немцы сами, или же при посредстве ими же руководимого русского правительства, в течение ряда лет вели русский народ. Ибо после тех экспериментов, какие жидовский Коминтерн производил в течение четверти века над русскими, только немцы могут вывести их из полуживотного состояния» (Цит. по: Антибольшевистская Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.antibolshevist.ru/textbook/au_l2mv2_k.html – Загл. с экрана).

никогда не сомневался в борьбе против коммунизма, но он твердо знал: Гитлер набросился на Россию не потому, чтобы свергнуть коммунистов (это ему было все равно), но чтоб захватить русские земли. А для папы Россия считалась выше, чем коммунизм.

Значит, папа боялся, после войны, что его похитит НКВД. По-моему, он уже тогда начал подозревать Колтышева. Уже тогда, когда немцы ушли. Почему, я расспросила маму, когда поехала за ней в Америку, но ее память тогда уже была плохая. Я ее спросила: «Почему охладилась отношения папы с Колтыше-вым?» Она мне ответила: «Потому, что папа его один раз застал тогда, э... когда Колтышев рылся в его бумагах». Так что, больше не знаю. Но я уверена, что она никогда не знала, что папа мне послал это письмо, потому что обыкновенно она мне писала, а папа прибавлял несколько строчек. А тут он сам написал письмо и конверт написал⁶⁰⁷. Он писал, чтобы я оберегалась Колтышева. Так что, я даже маму не спросила, но по-моему она даже не знала, что папа мне о Колтышеве меня предупредил. Значит, э... не знаю, главная ли это была причина, потому что папа так давно доверял Колтышеву, э... с ним разделялся всеми мыслями так далее, что, вероятно, когда начал его подозревать, я думаю только в Америке, потому что он нашел, э...

Г. И.: Доказательства?

М. Д.: Да, доказательства. Э... конечно, разочарование было у папы полное, страшное. Что еще хотите узнать?

Н. И.: А на какие деньги Антон Иванович жил?

М. Д.: Простите?

Н. И.: Какие финансы имелись у Вашего папы?

М. Д.: А, поняла... Папе платили пенсию. Э... маленькую, очень маленькую. Это Союз, по-моему, бывших послов. У них были деньги, и правительство Франции дало распоряжение их пользоваться. Не царскими, а Временного правительства, только Временного правительства. И они из этих денег выбрали несколько людей, которым они платили месячные деньги. Значит, э... после ухода немцев это кончилось. Денег никаких больше не было.

Имеется в виду «подписал». – Г. И.

Г. И.: А как Ваши родители уезжали в Америку?

М. Д.: Э... значит, тяжело... На поездку в Америку родители должны были одолжить деньги, э... у капитана Латкина⁶⁰⁸... Мама в письмах пишет Латкину, потому что после смерти его жена передала маме письма, которые папа ему писал. И, значит, я вижу мама ему пишет, как Вы хотите, долларами или поменять на франки, чтобы Вам вернуть наш долг. Значит, денег у папы не было. Э... значит, пришло предложение из Нью-Йорка папе. Во-первых, от чеховского издательства (оно прогорело потом), которое его просило и хотело опубликовать его личные мемуары, и предложили папе платить 100 долларов в месяц, и чтоб он отдавал, не помню сколько страниц. Каждый месяц ему будут давать 100 долларов. Предложение это, э... папу разыскал, э... один бывший русский офицер, я не помню фамилию. Папа, конечно, его не знал. Этот офицер разбогател в Нью-Йорке и предложил поселиться с семьей у них и остаться, как долго они хотят.

Ну, и это, э... а потом политическая причина. Во Франции в то время, э... де Голль еще еле-еле мог управлять, и, значит, коммунистам де Голль приказал сдавать оружие и поступать в армию, регулярную французскую армию, а они не хотели. И чувствовалось, что может быть революция, что вместе с коммунистами в первые выборы социалисты голосовали за тех же депутатов. Де Голль взял в свое правительство двух или трех коммунистов. Папа решил, что будет новая революция, что ему довольно революций и, э... все это вместе, какая главная причина, не могу вам сказать. Но все это вместе вышло так, что, э... значит, мама начала хлопотать визу, и это было очень плохо, потому что для русских беженцев визы не было, папа был давно... это как... «пережиток». А так как мама и папа находились в русской Польше, им дали визу.

Г. И.: Интересно...

Н. И.: А Ксения Васильевна, Ваша мама, чем она занималась?

⁶⁰⁸ К сожалению, в современных научно-справочных изданиях данные о капитане Латкине отсутствуют. Можно одно лишь утверждать с большой долей вероятности: данный офицер-белоземigrant смог относительно разбогатеть, и он был очень предан своему главному. – Г. И.

М. Д.: Мама после смерти мужа занималась только наукой, но не особенно. И немного участвовала в политической жизни. С папой, когда он был жив, она политикой занималась больше. Она очень много писала в «Русском слове». Это ежедневная газета, которая до сих пор, кажется, выходит в Нью-Йорке. Писала и на политические темы. Так как мама еще до войны переписывалась со многими русскими эмигрантами, живших даже в Бразилии, так она начала, значит, спрашивать, есть ли у них архивы, а Колумбийский университет им за эти архивы платил. Так мама пополняла архив. Колумбийский университет и поручил моей матери создать этот эмигрантский архив. Он тогда назывался «Славянский архив». Может, вы вчера заметили мою брошю. Это мамин шифр. Она закончила первый институт для благородных девиц в Варшаве, а этот институт создан был Александром II и его женой Марией (первой женой). А значит, э... на брошке буквы А и М.

Г. И.: Александр и Мария.

М. Д.: Да. Александр и Мария. Значит, после смерти мамы эту брошь я себе присвоила. Видите – Марина Антоновна, если АМ прочитать наоборот (смеется).

Г. И.: Марина Антоновна, а на какие темы Вы писали?

М. Д.: Начала я писать о Белой армии, о Ледяном походе, потом, как будто понравилось издателю, я написала три романа о русской эмиграции. Действие начинается в России и кончается под Парижем в старческом русском доме. Три романа – это все одна героиня с начала до конца. Ну, э... «Ледяной поход» посвятила сыну, вообще посвящала многим. А, значит, э... биографию моего отца я посвятила одному историку только потому, что он меня сам заставил ее написать. Он говорил, что это очень нужно, написать надо обязательно. Ну, я и начала писать. С этим историком у меня особой дружбы нет, но я ему должна. А затем, значит, книга о похищении Кутепова и Миллера. Я в телевидении разыскивала много людей, которые что-то знали об этом, имела контакты с полицией, которая расследовала это дело. Да, я тогда хорошо была знакома (еще по телевидению) с министром юстиции. И мне позволили использовать многие секретные документы. Поэтому эту историю я узнала по французским полицейским доку-

ментам. А французская полиция много знала, как похитили Кутепова и Миллера. А, значит, потом, когда для журналистов открыли часть архивов в России, мой друг Юрий Коваленко прислал мне фотокопии, я поняла, что у меня не вся правда. С французской стороны, как это происходило в Париже, это все правда. Ну. Например, я не знала, что Миллер год держался в тюрьме. Я по документам решила, что он умер на пароходе.

Г. И.: Нет, его расстреляли...

М. Д.: Ну, да. Теперь это я хорошо знаю. Я даже узнала из архивов НКВД, что Скоблин получал 200 долларов месяц. Это верно. Я не знаю, сколько получал Колтышев, этого я не знаю (смеется).

Г. И.: Марина Антоновна, пофантазируйте, как бы генерал Деникин оценил положение в современной России.

М. Д.: Если бы он воскрес (улыбается)?

Г. И.: Ну, да...

М. Д.: Этот вопрос меня мучил, э... ну, не знаю, несколько месяцев. Больше того, с тех пор, как встал вопрос о перехо-ронении папы. И свое разрешение я дала только после разговора с Путиным, потому что мне показалось (я могу следить за политикой Путина по французским газетам, да немножко по русским), что все-таки он патриот, что он хочет, как я ему советовала в первый раз, воскресить великую Россию. А для папы главное было – это Россия. Так что, папа бы радовался.

Г. И.: Марина Антоновна, а ваше личное мнение о президенте России Путине Владимире Владимировиче?

М. Д.: Я его видела всего два раза. Один раз тридцать секунд, может быть, а второй раз немножко побольше разговаривали. Так что, могу сказать, что у него замечательные глаза (заразительно и довольно долго смеется). Так, если хотите, женское мнение, вообще я предпочитала в молодости высоких блондинов (смеется). А последний муж мой был высокий, но брюнет, корсиканец. А вообще о Путине судить не могу... Но мне нравится, что Путин старается, сколько я знаю, бороться против олигархов, а ведь они хотели продать русское богатство иностранцам. Путин это остановил. Одобряю, но могу ли я все одобрить, это трудно сказать... Но в целом, скорее, пока что мнение мое о Путине хорошее.

Г. И.: А с кем вы знакомы из российских исследователей жизни и деятельности Вашего отца?

М. Д.: Я знакома теперь с Вами и с Черкасовым и Лехови-чем, конечно. Остальных я не знаю, так что не могу о других говорить. Что меня удивило? Мне привезли из России друзья книгу «Генерал Деникин». Я Вам вчера ее показывала. Начала читать, там у папы любовница. Ну, это меня, э... все-таки удивило. Начало такое правдоподобное. Прочитала, подумала, что, может быть, этот историк знает Колтышева, но все-таки снова посмотрела автора и вообще заглавие и вижу – роман.

Г. И.: Смотри, точно роман. Ничего себе роман.

М. Д.: Ну, я поняла, почему у папы любовница, роман... (смеется).

Н. И.: Роман, художественный вымысел.

Г. И.: Да нет, сказка!

М. Д.: Ладно, роман на одну ночь, для чтения (смеется). После такого романа оценивать другие книги о папе не хочу.

Г. И.: Марина Антоновна! А последний Ваш муж – историк?

М. Д.: Мой последний муж граф Кьяпп был довольно известный французский историк. Он по телевидению выступал, по радио, до последней недели жизни он еще выступал по радио по историческим темам. Э... главное, это было, э... он монархист. Я никогда не была монархисткой, а он – монархист. И, значит, э... его главная специальность, это была, э... разоблачение революции, э... против революции, любой. Он исследовал Вандею в революцию, Бретань, эти французские провинции. Так что, он, э... это, несколько книг выпустил, э... теперь они снова будут переизданы. Он также описал жизнь Людовика XV, Людовика XVI в трех томах. Так что, он, э... он много писал, и очень талантливый был.

Г. И.: Марина Антоновна, а как Вы занимались политикой после Второй мировой войны?

М. Д.: Э, значит, когда мой второй муж, э... он меня покинул, я не разводилась, это единственный человек, который, э... в общем, я была очень в него влюблена. Ну, он меня покинул, и, значит, да, сын был от первого мужа, и, значит, я отказалась от пенсии, когда меня покидали, и, значит, я работала в радио тогда, еще не в телевидении, потом перешла в телевидение, и, значит,

надо было жить, зарабатывать достаточно, чтобы сын получил хорошее воспитание и в хорошую школу попал, так что это было очень и очень трудно. Но, в конце концов, когда де Голль вернулся к власти, так как раньше, когда де Голль был не у власти, я работала в его партии, как журналистка, я издавала, э... одну газету для рабочих и писала в другой голлистской газете, и, значит, у меня осталась к нему все-таки симпатия. И, значит, мы с друзьями сформировали на французском радио, как вам это сказать по-русски, э... ячейку, чтоб надзирать, в особенности в Алжире, там радио тогда было уже в руках тех, кто были за де Голля, мы по очереди дежурили по ночам в студии, чтобы следить, э... чтобы против де Голля ничего не было. И, значит, у нас были друзья, которые с револьверами ходили вокруг радио, мы их могли позвать сейчас же придти, если что случится. Это была такая невероятная ситуация. А я, значит, потихоньку виделась, значит, э... у нас были randevu с одним депутатом, который был верным де Голлю, с бывшим адъютантом де Голля, с разными людьми, чтобы посоветоваться, чтобы узнать, что собирается делать де Голль и так далее. Так что, когда де Голль пришел к власти, так меня позвали в Министерство информации и предложили мне служить там, потому что я писала о де Голле, его защищала, я – дочь белого генерала. Но я отказалась, так как предложила взять служить одного из моих друзей, из нашей ячейки, он стал затем депутатом, а меня политическая карьера не интересовала, я хотела остаться журналисткой. Ну, конечно, после этого мне стали больше платить, э... легче мне стало жить. И, вообще, в конце концов, я ничего особого не делала... Тогда папы уже не было. Маме я обо всем писала, мама очень гордилась. А потом я в де Голле совершенно разочаровалась. Вот так...

Г. И.: А сын Ваш, Миша, чем сейчас занимается?

М. Д.: Значит, Миша много учился, он есть очень умный, учиться ему было почему-то не очень интересно. И очень трудно было мне его переводить из одного лица в другой. Он был год с половиной в русском лице, существовал тогда такой, э... в Париже. Ну, и, в конце концов, я попросила своих знакомых, тогда в радио их у меня было много, они ко мне хорошо относились, чтобы взять моего сына, научить его стать журналистом.

Тогда не нужно было для этого особых школ. Ну, значит, Миша по-ступил работать в радио в семнадцать, нет, в восемнадцать лет. Потом, значит, был призван на воинскую повинность, его назначили, э... парашютистом, так что два года, мне кажется даже немножко больше тогда было надо служить, э... значит, парашютистом, а когда вернулся, его, значит, взяли обратно в радио, и вдруг он стал подыматься, затем перешел в телевидение, стал даже шеф-редактором отдела информации. Когда я познакомилась с моим будущим третьим мужем, Миша очень любил слушать его рассказы об истории, и он говорит мне однажды: «Выходи за него замуж!»

Г. И.: Интересный разворот!

М. Д.: А мне совсем не хотелось выходить за этого графа замуж. Но все же вышла (смеется). Миша сейчас воспитывает свою последнюю дочь. Первая уже замужем, уже семь лет, вторая дочь пока нет. Теперь молодые во Франции не особенно хотят жениться. Первая дочь очень хорошо училась и решила стать писателем кинематографа⁶⁰⁹. Но даже высшие премии по литературе во Франции не дают хорошего заработка.

Г. И.: В России тоже, это, наверное, везде...

М. Д.: Да! А вторая дочь Миши, которая пока не замужем, изучает в университете под Парижем археологию.

Н. И.: А как внучек зовут?

М. Д.: Юлия⁶¹⁰ Михайловна, она сейчас мне звонила, это моя ласточка, она старшая. А вторую мать (она была корсиканкой, мать замечательная, она тоже работала в телевидении, они с сыном еще в радио познакомились, полюбили, она замечательный была человек и умерла от рака, это было ужасно, уже, э... три года тому назад) и, значит, у ней была тетя на Корсике, которая называлась Фустин, а Миша с женой думали, что у них родится сын и выбрали для него имя Игорь. Но так как родилась дочь, то ее в честь тети и назвали Фустин. Но так как у французов первое название, а потом еще два-три, так нет знаю, но у Юлии или Фустин, но второе имя Марина (смеется).

⁶⁰⁹ Насколько я понял, сценаристкой. – Г. И.

⁶¹⁰ Жюли. – Г. И.

Н. И.: Марина Антоновна, а, может быть, у Вас есть их фотографии?

М. Д.: Если хотите посмотреть, сейчас найду (ищет в альбоме, лежащем на письменном столе). Вот они, смотрите на моих внучек...

Н. И.: Красивые они у Вас.

М. Д.: Да, я их очень люблю. И они меня тоже.

Н. И.: Марина Антоновна, спасибо Вам за все, мы так счастливы, что смогли побеседовать с Вами. Поверьте, для нас это великое событие. Честное слово! Мы Вас утомили: шесть часов беседы за два дня, извините!

М. Д.: Ну что Вы, мне так было хорошо с Вами. Давайте выпьем шампанское, которое я всегда держу для русских. Это настоящий брют.

Г. И.: Последний вопрос. Могу ли я использовать все то, что Вы мне рассказали?

М. Д.: Да, конечно, я буду рада. Я с таким удовольствием прочитала Вашу «Жизнь замечательных людей» про папу⁶¹¹. Вы молодец, спасибо! Жду каждой Вашей книги о папе.

Н. И.: Спасибо Вам за все, спасибо и до свиданья!

Г. И.: Надеюсь, что до скорого свиданья.

М. Д.: Я так хочу Вас еще увидеть, приезжайте ко мне в Версаль.

Н. И.: Обязательно приедем⁶¹².

⁶¹¹ Имеется в виду: Ипполитов Г. М. Деникин (Жизнь замечательных людей; Серия биографий; Вып. 790.). М. : Молодая гвардия, 2000. 531 с. Эту книгу я выслал Марине Антоновне в Париж сразу же после ее выхода в свет. – Г. И.

⁶¹² Не получилось, к сожалению, увидеть Марину Антоновну еще раз – только беседы по телефону. – Г. И.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АиФ - «Аргументы и факты»
АН СССР - Академия наук СССР
БСЭ - «Большая советская энциклопедия»
ВИ - «Вопросы истории»
ВИЖ - «Военно-исторический журнал»
ВИ КПСС - «Вопросы истории КПСС»
ВД - «Варшавский дневник»
ОЖ - «Офицерская жизнь»
ВИ СССР - «Вопросы истории СССР»
ВКП(б) - Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛ - «Вопросы литературы»
ВЛКСМ - Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВНО - Военно-научное общество
ВС РФ - Вооруженные силы Российской Федерации
ВС СССР - Вооруженные силы Союза Советских Социалистических Республик
ВСЮР - Вооруженные силы Юга России
ВУА - Военно-ученый архив
ВФ - «Вопросы философии»
ВЧК - Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией
ВЭС - «Военный энциклопедический словарь»
ГА РФ - Государственный архив Российской Федерации
ГБЛ - Государственная библиотека им. В. И. Ленина
Главковерх - Верховный главнокомандующий
ДСВ - Декреты Советской власти
ЗВО - «Зарубежное военное обозрение»
ИА - «Исторический архив»
ИЖ - «Исторический журнал»
ИЗ - «Исторические записки»
ИМЛ при ЦК КПСС - Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
Истпарт - Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)

КА - «Красный архив» **КВС** - «Коммунист Вооруженных Сил» **КЛ** - «Красная летопись» **Командарм** - командующий армией **КПСС** - Коммунистическая партия Советского Союза **ЛГ** - «Литературная газета» **МГК КПСС** - Московский городской комитет КПСС **МК КПСС** - Московский комитет КПСС **МГУ** - Московский государственный университет **Наркомнац** - Народный комиссариат по делам национальностей
НВО - «Независимое военное обозрение»
НГ - «Независимая газета»
НиНИ - «Новая и новейшая история»
ОА - «Отечественные архивы»
ОИ - «Отечественная история»
ОНС - «Общественные науки и современность»
ОС - Особое совещание
ОСВАГ - Осведомительно-агитационное агентство
ПОЛИС - «Политические исследования»
ПиР - «Печать и революция»
ПР - «Пролетарская революция»
ПСО - «Политическое самообразование»
Р - «Разведчик»
РВС - Революционный военный совет
РГ - «Российская газета»
РГВА - Российский государственный военный архив
РККА - Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б) - Российская коммунистическая партия (большевиков)
РОСТА - Российское телеграфное агентство
СА и ВМФ - Советская армия и Военно-морской флот
СОВНАРКОМ - Совет народных комиссаров
СНК - Совет народных комиссаров
СИЭ - «Советская историческая энциклопедия»
ТВД - Театр военных действий
ФН - «Философские науки»
ЦК - Центральный комитет

ИППОЛИТОВ Георгий Михайлович – (11.06.1953), доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

военных наук (отделение военной истории), член Международной ассоциации исторической психологии – отделения Санкт-Петербургской Ассоциации философов Российского философского общества, член Научного совета Американского биографического института (США).

Окончил Пермское военное авиационно-техническое училище, исторический факультет Ивано-Франковского государственного педагогического института (заочно), Военно-политическую академию им. В. И. Ленина с отличием (заочно), заочную адъюнктуру по кафедре истории Гуманитарной академии Вооруженных сил. Кадровый офицер Вооруженных сил СССР и РФ. Прослужил в строю на должностях политического состава с 1973 по 1990 г. В 1990–1998 годах на преподавательской работе в Вольском высшем военном училище тыла. Подполковник запаса.

После увольнения в запас из Вооруженных сил РФ – на преподавательской работе в ряде вузов г. Самары. В 2002–2004 гг. служил в уголовно-исполнительной системе Минюста РФ, являясь заместителем начальника Самарского юридического института Минюста России⁶¹³ по учебной, а затем по научной работе. Полковник внутренней службы в отставке.

⁶¹³ Ныне Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК. Том 1

Является автором и соавтором более 270 научных и учебно-методических трудов. В их числе – 20 монографий, из них 10 написаны единолично. Автор биографии генерала А. И. Деникина (серия «ЖЗЛ»), выдержавшей два издания (2000, 2006).

Область научных интересов – теория и методология истории, отечественная история и историография, главным образом военные и политические аспекты (императорский, советский и постсоветский период), историческая психология. Специализируется в области проблем истории русской армии в конце XIX – начале XX в., революции и Гражданской войны, Белого движения, белой эмиграции, проблемно-тематической военной историографии, исторической психологии (военные аспекты), теории и методологии истории.

Научное издание

Георгий Михайлович Ипполитов

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН: ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК.

**Историография проблемы и характеристика
источников ее исследования.**

**Т. 1. Методология исследования.
Советская историография проблемы**

Редактор - *Н. В. Ипполитова*

Технический редактор - *Г. С. Пашковская*

Дизайн обложки - *О. В. Крамар*

Корректор - *Н. В. Глухарькова*

Оригинал-макет - *Н. А. Ткачева*

Подписано в печать 20.08.2012 Бумага офсетная.
Формат 60x84/16. Гарнитура Arial, Century Gothic.
Печать оперативная. Усл. печ. л. 17,09. Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ФГБОУ ВПО
«Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики»
443010, Самара, ул. Льва Толстого,
Тел.